

ИЗВЕСТИЯ
САМАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

www.ssc.smr.ru

**Известия
Самарского научного центра
Российской академии наук.
Исторические науки**

Том 3, № 4(12), 2021

Выходит 4 раза в год

ISSN: 2658-4816

Учредитель: Самарский научный центр РАН

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре,
свидетельство ПИ № ФС77-76285 от 12.07.2019

Адрес редакции: 443001, г. Самара, Студенческий пер., 3а
Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук
Тел. +7(846) 340-06-14. И.о. зав. редакцией: Н.Ю. Кузнецова
Электронная версия – www.ssc.smr.ru/izvestiya_istor.html

Самара

Издательство Самарского федерального исследовательского центра РАН

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Самарский федеральный
исследовательский центр
Российской академии наук, 2021

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Аншаков Ю.П., доктор исторических наук, профессор, начальник отдела истории и археологии, Самарский федеральный исследовательский центр РАН, Самара, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Леонтьева О.Б., доктор исторических наук, профессор, кафедра российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, Самара, Россия

Выборнов А.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и археологии, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Тагирова Н.Ф., доктор исторических наук, профессор, редакционно-издательский отдел, Самарский федеральный исследовательский центр РАН, Самара, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Артемов Е.Т., доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Центр экономической истории, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия

Банникова Н.Ф., кандидат исторических наук, профессор, кафедра отечественной истории и историографии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, Самара, Россия

Белов М.В., доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой новой и новейшей истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Брежнева С.Н., доктор исторических наук, профессор, кафедра истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Пушкин, Россия

Буранок С.О., доктор исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории, права и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Ведерникова Т.И., кандидат исторических наук, доцент, кафедра теории и истории культуры, Самарский государственный институт культуры, Самара, Россия

Верменко В.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Пушкин, Россия

Воронов В.Н., доктор исторических наук, профессор, Военная академия Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого, Москва, Россия

Данилко Е.С., доктор исторических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник, заведующий Центром визуальной антропологии, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия

Запарий В.В., доктор исторических наук, профессор, кафедра истории науки и техники, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Ковальская С.И., доктор исторических наук, профессор, кафедра истории Казахстана, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан

Кудрявцева Е.П., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр «Россия в международных отношениях», Институт российской истории РАН, Москва, Россия

Любичанковский С.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия

Малкин С.Г., доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, права и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Михнева Р., доктор исторических наук, профессор, Варненский университета им. Черноризца Храброго, Варна, Болгария

Моргунова Н.Л., доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, археологическая лаборатория, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия

Мочалов О.Д., доктор исторических наук, ректор, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Мухаметшина Н.С., доктор политических наук, член Научного совета РАН по комплексному изучению этничности и межнациональных отношений, профессор, кафедра философии и социально-гуманитарных наук, Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

Семенова Е.Ю., доктор исторических наук, доцент, кафедра философии и социально-гуманитарных наук, Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

Сенявский А.С., доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Центр методологических и историко-экономических исследований, Институт экономики РАН, Москва, Россия

Смирнов Ю.Н., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и документоведения, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, Самара, Россия

Солдатова О.Н., доктор исторических наук, заместитель директора, Российский государственный архив в г. Самаре, Самара, Россия

Хохлов А.А., доктор исторических наук, доцент, кафедра биологии, экологии и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Храмкова Е.Л., доктор исторических наук, профессор, кафедра отечественной истории и археологии, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Шкунов В.Н., доктор исторических наук, доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник, отдел истории и археологии, Самарский федеральный исследовательский центр РАН, Самара, Россия

Штыков Н.В., кандидат исторических наук, доцент, кафедра исторического регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Элезович Д.М., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, Философский факультет, Приштинский университет, Косовска-Митровица, Сербия

Ягафова Е.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой философии, истории и теории мировой культуры, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

Том 3, Номер 4, 2021

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Государственные образовательные учреждения в городах Среднего Поволжья в конце XVIII – первой четверти XIX в.
А.Б. Бирюкова 5
- П.А. Столыпин – русский государственный деятель (о значении духа народности в политике)
В.Н. Шульгин 15
- Самарская контора Государственного банка в начале XX в.: организация внутренней жизни
Н.А. Черкасова 23
- Пространство общедоступных культурно-просветительских мест досуга губернского провинциального города в годы Первой мировой войны: возможности и проблемы инфраструктуры (на материалах Самары)
Е.Ю. Семенова 34
- Социальная адаптации иностранных студентов: опыт российских вузов
Н.С. Мухаметшина, Е.И. Костюкова, О.Р. Паренькова 44

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Римская власть глазами подданных (I-II вв. н.э.)
Е.В. Гуськов 52
- Территориальные приобретения виргинских колониальных элит и вооруженные конфликты с коренным населением долины Огайо в середине 1770-х гг.
Е.П. Макаров 59
- Образовательная политика и формирование британской идентичности на национальных окраинах
С.Г. Малкин 66

МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- Методология гуманитарных наук по Н.И. Карееву в свете междисциплинарности
С.В. Занин, Н.П. Шукина 72

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

- Визуальные стратегии коммеморации в поздней Османской империи и конструирование контрпамяти (на примере мемориала в Сан-Стефано)
Ю.А. Жердева 81

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

- Антропоморфные изображения Урала в камне, глине и гравировках
Ю.Б. Сериков 90
- Культурно-хронологические комплексы Березовогривско-Алексеевского III поселения в Нижнем Прикамье
А.В. Шипилов 102
- Жилища Варфоломеевской неолитической стоянки
А.И. Юдин 115
- Морфология наземных жилищ западной Чукотки: от мезолита к современности
Г.К. Данилов 132
- Соль в традициях и обрядах башкир
Э.В. Мигранова, Ю.А. Абсалямова 142

CONTENTS

Volume 3, Number 4, 2021

RUSSIAN HISTORY

- State Educational Institutions in the Cities of the Middle Volga Region at the End of the XVIII – First Quarter of the XIX Centuries**
A. B. Biryukova 5
- P.A. Stolypin – Russian Statesman (the Importan of the Spirit of Nationality in Politics)**
V.N. Shulgin 15
- The State Bank Office in Samara Region at the Early XX Century: Organization of Internal Life**
N.A. Cherkasova 23
- The Space of Public Accessible Cultural and Educational Places of Leisure in the Provincial City, Centre of Governorate, During the First World War: Opportunities and Problems of Infrastructure (on the Materials of Samara)**
E.Yu. Semenova 34
- Social Adaptation of the Foreign Students: Experience of Russian Universities**
N.S. Mukhametshina, E.I. Kostykova, O.R. Parenkova 44

WORLD HISTORY

- Roman Power in the Perception of the Empire's Population (I–II a.d.)**
E.A. Guskov 52
- Territorial Acquisitions of the Colonial Elite of Virginia and Armed Conflicts with the Indigenous Population of the Ohio Valley in the 1770s**
E.P. Makarov 59
- Educational Policy and British Identity Formation at the National Outskirts**
S.G. Malkin 66

METHODOLOGY, HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES

- Methodology of the Humanities by N. I. Kareev in the Light of the Interdisciplinarity**
S.V. Zanin, N. P. Shchukina 72

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY

- Visual Strategies of Commemoration in the Late Ottoman Empire and the Construction of Counter-Memory (on the Example of the Russian Monument in San Stefano)**
Yu. A. Zherdeva 81

ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

- Urals Anthropomorphic Images in Stone, Clay and Engravings**
Yu.B. Serikov 90
- Cultural-Shronological Simplexes of the Site of Beryozogrivsko-Alexeevskoe III in the Low Kama Segion**
A.V. Shipilov 102
- Dwellings of the Varfolomeevka Neolithic Site**
A.I. Yudin 115
- Morphology of Terrestrial Dwellings in Western Chukotka: from the Mesolithic to the Present**
G.K. Danilov 132
- Salt in Traditions and Rites of Bashkir**
E.V. Migranova, Yu.A. Absalyamova 142

**ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ
В ГОРОДАХ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.**

© 2021 А.Б. Бирюкова

Самарский государственный технический университет

Статья поступила в редакцию 01.10.2021

Изучен процесс формирования светской и духовных школ в городах Среднего Поволжья (Симбирская, Саратовская, Пензенская губернии) начиная с преобразований Екатерины II последней трети XVIII в. до конца 20-х годов XIX века. Выделены два основных этапа реформирования государственной светской и духовной школы; по архивным и опубликованным источникам, материалам исторических исследований уточнены даты основания образовательных учреждений, показано место школы в социокультурном пространстве позднефеодального провинциального города.

Ключевые слова: система образования, город, Среднее Поволжье, социокультурная инфраструктура.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-4-5-14

Создание сети светских и духовных школ в средневоложских городах опосредованно было связано с изменениями в административно-территориальной и церковно-административной структуре региона. С 1770-х до конца 1820-х годов в Среднем Поволжье существовало около 40 городов. Это были губернские, уездные и заштатные центры, относившиеся первоначально к Пензенской, Симбирской, Саратовской, Астраханской и Воронежской губерниям. Города меняли не только свой статус, но и административную единицу подчинения. Так, например, Балашов и Аткарск в конце XVIII в. были выведены за штат, а в начале XIX в. они вновь стали уездными центрами и вошли в состав восстановленной Саратовской губернии¹.

Относительная стабилизация административно-территориальной структуры Среднего Поволжья была достигнута к началу XIX века. Изменение статуса города, несомненно, влияло на интенсивность развития его внутренней социокультурной инфраструктуры, предопределяло возникно-

вание в ней того или иного ее элемента. К важнейшим из них следует отнести образовательные учреждения, обеспечивавшие с конца XVIII в. социальную и культурную модернизацию городской провинции Российской империи. Они выступали в качестве центров притяжения, способствовали формированию новых социокультурных групп, которые, в свою очередь, являлись носителями новой модернизированной системы ценностей.

Развитие сети образовательных учреждений в городах Среднего Поволжья прошло ряд этапов. Первый (1770-е – начало 1800-х гг.) был связан, в первую очередь, с реализацией «Устава народным училищам в Российской империи». С 1786 г. в провинции были созданы главные и малые народные училища. Главные народные училища были открыты в 1786 году: в Пензе (14 июня 1786 г.), в Симбирске и Саратове (22 сентября 1786 г.)². Примечательно, что в Пензе, согласно екатерининскому «плану университетам и гимназиям», предполагалось (наряду с Черниговым и Псковом) создание университета. Однако это решение так и осталось на уровне проекта³.

Бирюкова Анна Борисовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук. E-mail: annabir@mail.ru

В городах Симбирской губернии малые народные училища открылись 28 июня 1887 г. в Алатыре, Сызрани, Ставрополе (переведено в Самару 19 декабря 1790 г.), в Тагае (переведено в Карсун 12 июня 1790 г.). В Пензенской губернии такое училище было создано только в Саранске (14 октября 1787 г.)⁴. Ни в одном городе Саратовской губернии малые народные училища открыты не были.

Процесс становления школьного образования в городах региона носил дисперсный и прерывистый характер. Скудные городские бюджеты, за счет которых должны были содержаться народные училища, не могли обеспечить все нужды школы, а «местные власти, не желая ударить в грязь перед “просвещенной государыней”, ... открыв школы, не решались потом на их скорое закрытие»⁵. Индифферентность горожан в вопросах образования, а точнее, восприятие мещанами и купцами образовательной программы как излишней для практической жизни, приводило к тому, что численность учащихся в малых училищах катастрофически сокращалась. Выходом из положения стал механизм перевода школы из одного уездного города в другой. Так, Ставропольское училище было перемещено в Самару, а Тагайское в Карсун. В соседних регионах наблюдалась аналогичная картина. В 1794 г. Челябинское двухклассное училище было переведено в Бузулук⁶. К началу XIX в. из созданных в 1780-1790-х годах народных училищ функционировали только учебные заведения в губернских центрах, а также малые народные училища в Алатыре и Саранске.

Секуляризационная политика Екатерины II, ориентация идеологии «просвещенного абсолютизма» на отстранение церкви от процесса формирования ценностно-нормативной системы регуляции социальных отношений привели к игнорированию не только нужд церкви как социального института, но и к самоустранению центральной власти от позитивной реформаторской деятельности в области духовного образования. Подготовка священно- и церковнос-

лужителей осуществлялась в немногочисленных духовных семинариях (например, Астраханской духовной семинарии). Одной из разновидностей духовных учебных заведений стали «духовные гимназии» и «русские школы», готовившие причетников. Примером могут служить школы в Саранске (1778-1803 гг.) и Алатыре (1803 г.)⁷. С 1780 по 1790 год в Нижнеомовском Казанском мужском монастыре временное пристанище нашла Тамбовская духовная семинария (из-за отсутствия подходящего помещения в самом Тамбове)⁸. В изысканиях саратовских краеведов XIX в. упоминается о создании в 1770 г. «в Саратове духовного мужского училища под названием духовная семинария»⁹. Однако в современной историографии этот факт подвергается обоснованному сомнению из-за отсутствия репрезентативных источников, доказывающих ее существование¹⁰.

Важной чертой развития государственной школы в регионе стало появление не только общеобразовательных, но и специализированных военных учебных заведений в таких городах, как Симбирск, Саратов, Ставрополь, Царицын. Этот факт можно считать отражением постепенной трансформации функциональной специализации городов Среднего Поволжья с военно-оборонительного рубежа на административно-культурный центр округа. При этом наличие в ряде городов военных гарнизонов все еще являлось жизненно необходимым элементом охраны городской территории.

В последней трети XVIII века в Симбирске и Саратове (1764 г.) для обязательного обучения солдатских детей от 7 до 15 лет были созданы специализированные гарнизонные школы. Еще две гарнизонные школы работали в уездных Царицыне (1764 г.) и Ставрополе (1776 г.)¹¹. До открытия Ставропольской гарнизонной школы дети русских солдат обучались в калмыцкой школе, функционировавшей в «городе святого креста» с 1740-х годов. Эта школа возникла по инициативе самих калмыков, которые «по-

желали обучать детей своих русской грамоте и письму»¹². По замыслу создателей она должна была готовить кадры переводчиков, столь необходимые как на гражданской службе, так и на ниве духовного служения.

Круг предметов, изучавшихся воспитанниками гарнизонных школ, был определен еще указом 1744 года: «словесная и письменная наука», пение, строевая служба, арифметика, изучение артиллерии и инженерной науки¹³. В качестве эксперимента подростки из саратовской гарнизонной школы в течение пяти лет в 1760-е годы привлекались к разведению тутовых деревьев (шелководству), которое осуществлял француз А. Вердье¹⁴.

Численность учеников саратовской гарнизонной школы, созданной после перевода части Симбирского гарнизонного батальона в Саратов (1764 г.), была более 100 человек, а в начале 1790-х годов – 99 человек. По данным на 1785 г., в Симбирской гарнизонной школе обучалось чуть более 200 человек¹⁵. В научной литературе распространено мнение, опирающееся на подсчеты военного историка Л.Г. Бескровного, что до 40% всех российских учащихся в конце XVIII в. обучались в гарнизонных школах¹⁶. А.М. Сафронова и О.С. Кравченко справедливо заметили: эта цифра должна быть подвергнута сомнению на основании недоучета числа учеников других учебных заведений¹⁷.

Гарнизонные школы не только давали образование своим воспитанникам, но и содержали их за счет казны. Это обстоятельство делало гарнизонные школы весьма привлекательным учебным заведением для представителей самых разнообразных сословных групп. Как убедительно показал в своем исследовании, посвященном истории саратовской гарнизонной школы, И.Н. Плешаков, ее статус заметно возрос после того, как в конце 1760 - начале 1770-х годов было разрешено привлекать сюда детей обер-офицеров и неимущих дворян, а также сирот из разночинцев и купеческого сословия¹⁸. В 1798 г. все гарнизонные школы

были преобразованы в отделения Военно-сиротского дома, а с 1805 г. воспитанники записывались в кантонисты. В 1831 г. они были перемещены из Саратова в Вольск¹⁹. По мнению саратовского исследователя А.С. Майоровой, гарнизонная школа, являясь «сословным учебным заведением специального назначения ... не была интегрирована в культурную среду города», но была заметным явлением в повседневной жизни Саратова (речь идет о многочисленных проявлениях девиантного поведения со стороны ее воспитанников)²⁰.

Постепенному угасанию общеобразовательной сословной школы в регионе способствовали не только затруднения финансового характера, но и позиция местных властей и городских обществ, отсутствие поддержки школьного дела со стороны горожан, их нежелание обучать детей в государственных школах, обскурантизм, недалекость и сиюминутный прагматизм. Это проявилось не только в сокращении общего числа учеников, но и в минимальном количестве учащихся из городских сословий. Так, в 1790 г. в Самарском училище их было только 6 из 35 учеников, а в Тагайском вообще отсутствовали ученики из купцов и мещан²¹.

С самым беспелляционным предубеждением в отношении государственной школы столкнулись власти Саратова. Здесь серьезную оппозицию начинаниям власти составляли домашние учителя, начетники-старообрядцы, а также владельцы частных пансионов. Отметим, что эта проблема была актуальна для Саратова на протяжении всего рассматриваемого периода. При открытии главного народного училища саратовский губернатор был вынужден кулуарно выступить перед известными и уважаемыми жителями города, чтобы внушить им «монаршую милость и пользу, какую получить могут, если детей станут записывать в учреждаемое училище»²². Однако все попытки убедить родителей отдать своих отпрысков в государственную школу не принесли желаемого результата. В итоге

в первом наборе Саратовского главного народного училища было 118 учеников, почти две трети которых являлись сыновьями солдат и других нижних чинов и были набраны из учащих гарнизонной школы²³. Отметим, что этот казус до сих пор вводит в заблуждение исследователей, транслирующих абсолютно ложный вывод М.Д. Рабиновича о существовании в конце XVIII века совершенно нового типа учебного заведения – «военной гимназии»²⁴. Известный специалист в области истории российского образования профессор Л.М. Артамонова, опираясь на архивные источники, блестяще доказала несостоятельность вывода М.Д. Рабиновича²⁵.

Существенной проблемой практически всех малых народных училищ был вопрос с их размещением. Большинство зданий для училищ были съемными, подавляющее большинство из них требовали ремонта. Главные народные училища Пензы и Симбирска в начале 1790-х годов обзавелись собственными домами. Саратовскому главному народному училищу приходилось перемещаться из одного здания в другое и испытывать значительные трудности с размещением своих воспитанников²⁶.

При обсуждении вопроса финансирования малого народного училища, как правило, городское общество уездного центра занимало весьма пассивную позицию. Исключение составляли жители Саранска, которые на протяжении 8 лет снимали квартиру под училище, предоставленную для этого местным купцом Касимовцевым. Впоследствии он стал смотрителем училища и способствовал покупке дома для училища в 1792 году²⁷. Большинство же горожан не только избегали финансовых вложений в пользу школьного образования, но и не принимали его содержательную сторону. Так, самарские мещане объясняли свое нежелание отдавать детей в малое народное училище тем, что в школе не изучается катехизис и часослов²⁸.

Административные решения центральной власти, безусловно, сказались на разви-

тии сети образовательных учреждений. Так, временное включение Саранска с его духовной школой в состав Симбирской губернии способствовало появлению в начале XIX в. в Симбирске духовного учебного заведения. А понижение статуса Тагая (1796 г.) до заштатного города предопределило в конечном счете то, что последним учебным заведением, возникшим на его территории, стало переведенное в Карсун малое народное училище.

Важным аспектом изучения процесса формирования городской образовательной среды является механизм взаимодействия различных образовательных учреждений друг с другом. В первую очередь, следует обратить внимание на подготовку учительских кадров для школ региона, которую были призваны осуществлять Главные народные училища. Так, в Симбирском главном народном училище с 1787 г. по 1791 г. обучение прошли 20 человек, 8 из них были отосланы в Уфимскую губернию; 3 учителя были подготовлены для преподавания в Симбирском гарнизонном батальоне; два выпускника, братья Н. и В. Ягодинские, выбранные в 1789 г. из учеников Ставропольской калмыцкой школы, изучали в Симбирском главном народном училище предметы второго класса и одновременно проходили подготовку на учительские должности в малом народном училище. Получив аттестат, братья-учителя вернулись в Ставрополь²⁹.

Несмотря на то, что школы были созданы лишь в малой части городских центров Среднего Поволжья, они оказали заметное влияние на формирование городской социокультурной среды. При них создавались первые библиотеки (включая так называемые «продажные» библиотеки)³⁰, школьные учителя в немалой степени способствовали проникновению в городскую среду модернизированной системы ценностей, в которой значительную роль занимала книжная культура и интеллектуальный труд. Таким образом, благодаря нарождающейся учительской корпорации были заложены основы такой социальной общности, как провинциальная интеллигенция³¹.

Второй этап развития сети образовательных учреждений связан с реализацией постановлений центральной власти в отношении светской (1803-1804 гг.) и духовной школы (1808-1814 гг.). Все светские учебные заведения, открывавшиеся в городах (гимназии, уездные и приходские училища), были распределены по округам, во главе которых стояли университеты. Казанский учебный округ включал в себя поволжские губернии, Кавказ, Урал и Сибирь. Главные училища в рамках александровской образовательной реформы преобразовывались в гимназии: в Пензе (10 апреля 1804 г.), Симбирске (12 декабря 1809 г.), Саратове (30 августа 1820 г.)³².

Саратовское главное народное училище просуществовало 34 года и было преобразовано в гимназию только в 1820 году. Начальник саратовского главного народного училища А.И. Шестаков, осознавая, что государственная школа в Саратове находилась в состоянии довольно жесткой конкуренции с домашним и частным образованием (в городе было два благородных пансиона и множество частных учителей), не торопился «строить храмину на песке»³³. Его опасения о том, что потенциальные ученики не смогут освоить программу гимназии, были не напрасны. Именно поэтому за несколько лет до открытия гимназии А.И. Шестаков учредил пансион для дворянских детей, которые желали поступить в гимназию. «Для приуготовления учеников, долженствующих поступить в гимназию», в губернских центрах были созданы уездные училища (Пенза – 1807 г., Симбирск – 1811 г., Саратов – 1822 г.), а при них приготовительные классы, которые впоследствии преобразовывались в приходские училища³⁴.

До середины 1810-х годов светское образование в уездных городах находилось в зачаточном состоянии. В подавляющем большинстве случаев между малыми народными училищами и создававшимися на основе законодательных актов начала XIX века уездными училищами никакой исторической преемственности не существова-

ло. Исключение составляло Саранское уездное училище, преобразованное из малого народного училища 19 августа 1807 года.

После Отечественной войны 1812 года создание сети светских и духовных образовательных учреждений в городах региона получило новый импульс. Во втором десятилетии XIX в. уездные училища были открыты: в четырех уездных городах Симбирской губернии – в 1816 г. в Ставрополе (в 1826 г. оно было объединено со школой для крещеных калмыков, с сохранением преподавания калмыцкого языка), Алатаyre (преобразовывалось из малого народного училища), в Карсуне (1 июля 1818 г.), Самаре (30 августа 1825 г.); в двух городах Пензенской губернии – Чембаре (1 ноября 1821 г., в 1822 г. переехало в новое помещение), Нижнем Ломове (5 января 1823 г.); в четырех городах Саратовской губернии – Вольске (1822 г.), Царицыне (1822 г.), Балашове (1826 г.), Курмыше (6 августа 1826 г.)³⁵.

К концу первой четверти XIX века в городах Средневолжских губерний (Пензенской, Симбирской и Саратовской) располагалось более 20 светских государственных учебных заведений, в губернском центре находилась гимназия и уездное училище с приготовительными классами, а в 4 уездных городах каждой из губерний – по уездному училищу. К этому периоду относится начало формирования профессиональной школы. В 1820 г. в Пензе было создано училище садоводства; в Саранске и Нижнем Ломове – художественные школы³⁶. Специализированные военные учебные заведения были представлены в Поволжье лишь казенными училищами для военных кантонистов в Симбирске и Саратове.

Помимо государственных учебных заведений в губернских городах Среднего Поволжья были и частные школы. Содержатели частных пансионов рассматривали их как вариант коммерческого предприятия. Среди них были отставные актрисы, директора училищ, преподаватели, чиновники, иностранные подданные. В городах Саратовской губернии пансионы заводились

даже купцами и мещанами. С 1811 г. по 1813 г. в Вольске работал частный пансион на средства купца-старообрядца К.В. Злобина, прекративший свое существование после смерти хозяина. В 1817 г. саратовский мещанин Мясников закрыл свою школу за невыгодностью этого предприятия. Среди частных школ Саратова середины 1810 - начала 1820-х годов можно назвать пансион учителя немецкого языка Карла Гаага (1817 г.), пансион Никиты Квятковского (Кветковского), Марка [Фонценга], женский пансион Софьи Троппе. По данным на 1818 г., в саратовских частных пансионах обучалось 53 человека. В начале 1820-х годов работали два небольших женских пансиона в Пензе (пансионы Марии Ломбард и Мажаре), в которых обучалось 7 воспитанниц. В Симбирске находился пансион при Симбирской гимназии и женский пансион Адама³⁷.

Динамику численности и социального состава государственных школ, располагавшихся в городских центрах, возможно проследить по данным, относящимся к Пензенской губернии. Численность учащихся с 1823/1824 гг. по 1829 г. возросла практически в два раза (с 295 до 491 человека). Особенно заметен был ее рост в Пензенской гимназии (с 39 до 73 учеников), Пензенском уездном училище (с 94 до 200 учеников), Краснослободском уездном училище (с 17 до 56 учеников). Из всех учебных заведений, функционировавших в уездных городах, самым старым на территории Пензенской губернии было Саранское уездное училище. При этом число учащихся в нем в 1823/1824 гг. превосходило, хотя и незначительно, остальные аналогичные учебные заведения (51 ученик), а в 1829 г. оно даже уступало по числу учащихся Нижнеломовскому уездному училищу (58 против 65 человек)³⁸.

Одновременно с формированием четырехступенчатой светской государственной школы на местах осуществлялось реформирование духовных учебных заведений (реформа 1808-1814 гг.). Предполагалось создание 4 ступеней образовательных духовных учебных заведений: приходских ду-

ховных училищ, уездных духовных училищ, духовных гимназий и духовных академий. Главным органом в осуществлении этой реформы стала Комиссия духовных училищ при Св. Синоде, которую фактически возглавлял М.М. Сперанский. Цель реформы была четко обозначена в «Уставе духовных училищ» от 30 августа 1814 года: «должно образовать благочестивых и просвещенных служителей слова Божия»³⁹.

Главным учреждением, курировавшим проведение образовательной реформы духовных учебных заведений в Поволжье с 1808 г. по 1818 г. (затем с 1842 г.), являлась Казанская духовная академия. В 1818 г. в связи с нехваткой финансов и квалифицированных кадров она была преобразована в духовную семинарию, а реализация реформы продолжилась под контролем Московской духовной академии.

Необходимость открытия новых духовных школ на местах прекрасно осознавалась не только церковными и светскими властями, но и самим духовенством. В конце XVIII в. православных священнослужителей для приходов Среднего Поволжья и Приуралья готовила Астраханская духовная семинария. В 1780-е годы в ней обучалось около 200 воспитанников⁴⁰, что не могло удовлетворить кадровые потребности столь обширного региона. Поэтому, без преувеличения, эпохальным событием стало открытие первой на территории средневожских епархий духовной семинарии в Пензе (6 ноября 1800 г.). В Саратове и Симбирске духовные семинарии были основаны после учреждения в этих губернских центрах отдельных церковных кафедр – 26 октября 1830 г. и 16 декабря 1840 г. соответственно⁴¹.

Организация семинарий и духовных училищ была вызвана увеличением населения на данной территории, а также активной деятельностью раскольников и сектантов. Города региона нуждались в профессионально подготовленных священно-и церковнослужителях, талантливых миссионерах, способных конкурировать со старообрядцами и лидерами

сектантских общин. Особенно отчетливо необходимость создания новых образовательных учреждений осознавали священники, служившие в православных приходах тех уездных городов, где численность раскольников и сектантов была весьма значительной (Вольск, Посад Дубовка, Хвалынский, Сызрань, Самара и др.). Протоиерей Вольска Дубовской еще в 1809 г. обратился к епархиальному начальству с просьбой об открытии духовного училища в городе. Городское духовенство готово было пожертвовать собственные деньги на поддержание его деятельности, «пока сему училищу достаточная сумма от иных средств начальством определена будет»⁴². Однако этот вопрос так и не был разрешен вплоть до 1847 года, когда было упразднено саратовское духовное училище и подобное заведение было открыто в Вольске.

В начале XIX века из духовных учебных заведений, представленных в средневожских городах, функционировали Пензенская семинария и ряд «русских школ», готовивших причетников. В 1803 г. саранская духовная гимназия была переведена в Симбирск и переименована в «русское училище» («русская школа»), которое разместилось в Симбирском Покровском мужском монастыре. По-видимому, некоторые фонды саранской духовной школы остались на родине, поскольку с 1808 г. по 1818 г. здесь функционировало аналогичное учебное заведение, располагавшееся в Саранском Петропавловском монастыре. Такие же «русские школы» находились в Алатыре, Нижнем Ломове при Казанском мужском монастыре (с 1808 г.) и Городище⁴³.

С 1818 года началось создание низших и средних духовных школ в городах Среднего Поволжья и Заволжья. «Русские школы» преобразовывались в духовные училища, многие из них из-за отсутствия отдельных помещений продолжали располагаться при городских монастырях. Низшие классы Пензенской духовной семинарии были преобразованы в духовное уездное училище (1818 г.). Здесь проходили подготовку

дети священнослужителей Пензенского, Городищенского, Мокшанского, Инсарского, Саранского уездов. Размещалось училище на протяжении полувека в здании флигеля духовной семинарии, только в 1857 году его переместили в купленный специально для него дом Яшева. Однако после пожара 1858 г. сюда была помещена Пензенская духовная семинария, а духовное училище вновь расположилось в уцелевшем флигеле. Окончательно вопрос с его размещением был решен только в 1867 году⁴⁴.

В 1822 г. духовные «русские школы» в Городище и Нижнем Ломове стали духовными уездно-приходскими училищами. Нижнеломовское духовное уездное училище до 1839 г. размещалось в Казанском мужском монастыре. После пожара училище переехало в специально снятое для него помещение, в котором оно находилось до 1857 г., пока для него не был куплен собственный дом. Впоследствии Нижнеломовское духовное училище было перемещено в Пензу и называлось «Вторым Пензенским»⁴⁵.

25 ноября 1818 г. «русская школа» при Симбирском Покровском мужском монастыре стала Симбирским духовным училищем. В 1821 году училище переместилось в более удобное здание, расположенное на территории Спасского женского монастыря. В 1818 г. создано Алатырское духовное уездное училище. 25 января 1820 г. духовное уездное и приходское училища открылись в Саратове⁴⁶.

Таким образом, в первой четверти XIX века в городах региона возникли первые словесные школы для детей духовного сословия. Особенно активно они создавались на территории Пензенской губернии, поскольку именно здесь возникла первая духовная семинария. В меньшей степени школами для детей духовного сословия была обеспечена обширная Саратовская губерния. Вместе с тем в Саратове уже в начале XIX века работали школы иных конфессий – лютеранская (1803 г.) и католическая (1805 г.), последняя в 1856 году была преобразована в католическую семинарию⁴⁷.

Развитие образовательной сферы в городах региона напрямую было связано с потребностями и стремлениями самих горожан. Так, жители крупных торговых центров уже в первой четверти XIX века активно выступали за развитие городской школы. Примером может служить инициатива мещан и купцов посада Дубовки, к которым в сентябре 1824 г. обратился директор саратовских училищ И.П. Менделеев (отец Д.И. Менделеева) с предложением «учредить у себя приходское училище на основании правил, изображенных в уставе учебных заведений»⁴⁸. Оказалось, что жители посада уже в 1820 г. купили дом для училища, в котором к тому времени располагалась ратуша и полиция и «может сверх сих удобно помещаться до 100 человек учеников и учитель». Согласно существовавшему законодательству содержание приходского училища возлагалось на городской бюджет, из которого предполагалась выплата жалования учителю (300 руб.) и ассигнование на хозяйственные нужды и охрану училища (150 руб.). К концу 1824 г. все необходимые в этом случае формальности были согласованы, и желание горожан иметь училище для детей воплотилось в реальность⁴⁹.

Достаточно распространенной практикой были денежные пожертвования на открытие различных учебных заведений. Причем представителями разных сословий производились взносы от нескольких сот и даже тысяч рублей до небольших сумм. В 1817 году саратовское дворянство пожертвовало на открытие гимназии 15 000 ассигнационных рублей, а купечество в общей сложности - 22 000 рублей⁵⁰. Пожертвования горожан сыграли важную роль в открытии Краснослободского уездного училища (15 сентября 1808 г.). Всего было собрано 1200 руб., половину из которых внес купец второй гильдии А.Д. Муромцев. На эти деньги был куплен дом, в котором разместилось училище⁵¹.

Более значительное пожертвование на строительство дома для Ставропольского уездного училища сделал в 1822 г. штаб-

лекарь И.И. Смирнитский – 5 тыс. рублей⁵². Весьма действенной мерой, оживившей участие общества в развитии народной школы и привлекая к ее организации дворянскую корпорацию, стало введение должности почетного попечителя (1811 г.). В уездных городах значительные материальные затраты по поддержанию уездных училищ в должном состоянии ложились именно на их плечи⁵³.

Государственные школы не сразу завоевали доверие большинства провинциального общества, а учителя – уважение горожан. Набор предметов и навыков, предлагаемый для усвоения в светской и духовной школе, далеко не всегда совпадал с социальными запросами учащихся и их родителей. Примером может служить тот факт, что по просьбе самарского благородного общества в уездном училище в 1825 г. было разрешено открыть дополнительный класс французского языка, «с производством платы от родителей». Учителем стал иностранец Мартинет, который имел свидетельство на право преподавания в частных домах⁵⁴.

В семантическом плане образовательные учреждения постепенно становились одним из знаковых элементов города. Здания, в которых они размещались, располагались, как правило, в центре, недалеко от присутственных мест и главного городского храма. Тем самым школа включалась в число архитектурных доминант, ассоциируемых с понятием «город». Это упрочивало ее положение в социокультурном пространстве городской провинции Среднего Поволжья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. (далее – ПСЗ РИ-I). Т. XXVII. № 20774. 24 мая 1803 г. С. 635; ПСЗ РИ-I. Т. XLIV. Книга Штатов. № 20774. 24 мая 1803 г. С. 20-22.

² Артамонова Л.М. Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX в. (Юго-восточные губернии Европейской России). Самара: Изд-во Самар. науч. центра РАН, 2001. С. 93; Каблуков Ю. Годы, события факты в

- истории Пензенского края (к 350-летию г. Пензы). Пенза, 2012. С. 80.
- ³ *Саляев Е.В.* Первые светские учебные заведения на территории Пензенского края. URL: <https://docplayer.com/55023525-Pervye-svetskie-uchebnye-zavedeniya-na-territorii-penzenskogo-kraja.html> (дата обращения: 20.04.2021).
- ⁴ *Артамонова Л.М.* Общество, власть... С. 226; *Саляев Е.В.* Первые светские учебные заведения...
- ⁵ *Артамонова Л.М.* Политика в сфере народного просвещения в Поволжье (XVIII – первая половина XIX в.) // *Российская история.* 2013. № 2. С. 106-107.
- ⁶ *Артамонова Л.М.* Общество, власть... С. 175; *Дашкевич Л.А.* Народная школа и народное просвещение жителей Уральских городов в конце XVIII – начале XIX века. URL: http://www.ihist.uran.ru/files/dashkevich_kultura.pdf (дата обращения: 20.09.2021).
- ⁷ *Мордовия: энциклопедия: в 2 т. / гл. редкол.: А.И. Сухарев [и др.]. Саранск: Морд. кн. изд-во, 2003-2004. Т. 1. С. 55.*
- ⁸ *Каблуков Ю.* Указ. соч. С. 77.
- ⁹ *Леопольдов А.* Исторический очерк Саратовского края. М.: тип. С. Селивановского, 1848. С. 93; *Духовников Ф.В., Хованский Н.Ф.* Саратовская летопись // *Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы.* Вып. 1. Саратов: Саратов. общ. вспомош. нужд. лит., 1893. С. 46.
- ¹⁰ *Майорова А.С.* Саратовская духовная семинария и ее роль в преобразовании культурного пространства губернского города в первой половине XIX века // *Известия Саратовского университета. Сер. История. Право. Международные отношения.* 2005. Т.5. Вып. 1-2. С. 23-24; *Захарова Т.А.* Создание первых учебных заведений в Саратове // *Вестник Саратовского государственного экономического университета.* 2015. № 2 (56). С. 106.
- ¹¹ *Артамонова Л.М.* Общество, власть... С.47; *Плешаков И.Н.* Реформа гарнизонов 1764 г. и Саратовское Поволжье. URL: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Plechakov_02.pdf (дата обращения: 01.10.2021).
- ¹² Цит. по: *Артамонова Л.М.* Общество, власть... С. 47.
- ¹³ ПСЗ РИ-1. Т. XII. № 9054. 24 октября 1744 г. С. 249.
- ¹⁴ *Леопольдов А.* Указ. соч. С. 82.
- ¹⁵ *Плешаков И.Н.* Саратовская военная школа и военно-сиротское отделение (1764-1826). URL: (дата обращения: 20.10.2021); *Артамонова Л.М.* Политика... С. 104.
- ¹⁶ *Плешаков И.Н.* Саратовская военная школа...; *Захарова Т.А.* Создание первых... С. 106.
- ¹⁷ *Сафронова А.М., Кравченко О.С.* Законодательные и нормативные акты о гарнизонных школах в России XVIII века // *Документ. Архив. История. Современность.* 2014. № 14. С. 173-197.
- ¹⁸ *Плешаков И.Н.* Саратовская военная школа...
- ¹⁹ *Духовников Ф.В., Хованский Н.Ф.* Саратовская летопись... С. 66.
- ²⁰ *Майорова А.С.* Русская культура в Саратовском Поволжье в конце XVIII – первой половине XIX века. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2015. С. 220.
- ²¹ *Артамонова Л.М.* Общество, власть... С. 150, 163.
- ²² Цит. по: *Захарова Т.А.* Создание... С. 107.
- ²³ *Артамонова Л.М.* Общество, власть... С.94, 95.
- ²⁴ *Плешаков И.Н.* Саратовская военная школа...; *Сафронова А.М., Кравченко О.С.* Указ. соч. С. 178.
- ²⁵ *Артамонова Л.М.* Общество, власть... С. 96.
- ²⁶ *Артамонова Л.М.* Общество, власть... С. 110; *Каблуков Ю.* Указ. соч. С. 80.
- ²⁷ *Артамонова Л.М.* Общество, власть и просвещение... С. 255, 264.
- ²⁸ Там же. С. 233.
- ²⁹ Там же. С. 16, 127, 195.
- ³⁰ *Курмаев М.В.* Книжная культура Среднего Поволжья (конец XVIII – начало XX вв.). Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2008. С. 71.
- ³¹ *Бирюкова А.Б.* Не гений места: И.А. Второв и Самара (конец XVIII – 30-е гг. XIX в.) // *Вестник НИИ Гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.* 2019. № 2(50). С. 48.
- ³² *Духовников Ф.В., Хованский Н.Ф.* Саратовская летопись... С. 62; *Каблуков Ю.* Указ. соч. С. 86; *Красовский В.Ф.* Хронологический перечень событий Симбирской губернии. 1372-1901. Симбирск, 1911. С. 63.
- ³³ Цит. по: *Духовников Ф.В.* Первые страницы Саратовской мужской гимназии // *Труды Саратовской ученой архивной комиссии.* 1893. Т. IV. Вып. 2. С. 44.
- ³⁴ *Каблуков Ю.* Указ. соч. С. 89; *Красовский В.Ф.* Указ. соч. С. 64; *Духовников Ф.В.* Первые страницы... С.44; *Смиренномудренский А.* Из истории развития народного образования в Саратове // *Саратовский край.* Вып. 1. Саратов, 1893. С. 309-310.
- ³⁵ *Захарова Т.А.* Уездные училища Саратовской губернии в XIX веке // *Успехи современной науки.* 2017. Т. 2. № 4. С. 224; *История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: В 2 т. / Гл. ред. П.С. Кабытов.* Самара:

- ООО «Слово», 2020. Т.1. С. 425-427; Красовский В.Ф. Указ. соч. С. 66-67, 71; Салеев Е.В. Указ. соч.
- ³⁶ Бирюкова А.Б. Социокультурное пространство поволжских городов первой половины XIX века. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2009. С. 180.
- ³⁷ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 92. Оп. 1 Д. 987. Л. 7-7 об., 30 об.-32. Бирюкова А.Б. Социокультурное пространство... С. 193.
- ³⁸ Подсчитано по: Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 5. Оп.1. Д. 1502. Л. 121-123 об.; Салеев Е.В. Указ. соч.
- ³⁹ ПСЗ РИ-1. Т. XXXII. № 25673. 30 августа 1814 г. С. 911.
- ⁴⁰ Артамонова Л.М. Политика... С.103.
- ⁴¹ Духовников Ф.В., Хованский Н.Ф. Саратовская летопись... С. 65; Каблуков Ю. Указ. соч. С. 83.
- ⁴² Еланский В.Г., Смирнов А.В. Описание архива бывшего Вольского духовного правления // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1888. Т.1 Вып. II. С. 165.
- ⁴³ Красовский В.Ф. Указ. соч. С. 64; Мордовия: энциклопедия... Т.1. С. 55.
- ⁴⁴ Пензенская епархия: историко-статистическое описание. Пенза: изд-е ред. пензен. епарх. ведомостей, 1907. С. 63-64.
- ⁴⁵ Каблуков Ю. Указ. соч. С. 90, 100; Красовский В.Ф. Указ. соч. С. 67; Пензенская епархия... С. 64.
- ⁴⁶ Духовников Ф.В., Хованский Н.Ф. Саратовская летопись... С. 62; Красовский В.Ф. Указ. соч. С. 67, 69.
- ⁴⁷ Духовников Ф.В., Хованский Н.Ф. Саратовская летопись... С. 55, 77.
- ⁴⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 2. (1824 г.). Д. 143. Л. 2.
- ⁴⁹ Там же. Л. 2 об.
- ⁵⁰ Духовников Ф.В., Хованский Н.Ф. Саратовская летопись... С.61-62.
- ⁵¹ Салеев Е.В. Указ. соч.
- ⁵² История Самарского Поволжья...Т.1. С. 426-427.
- ⁵³ Смирнов Ю.Н. Безвозмездная служба по учебной части как «социальный лифт»: введение должности почетных смотрителей уездных училищ // Известия Высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2017. № 4(44). С.23-32.
- ⁵⁴ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1802. Л. 1-2 об.

STATE EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN THE CITIES OF THE MIDDLE VOLGA REGION AT THE END OF THE XVIII – FIRST QUARTER OF THE XIX CENTURIES

© 2021 A.Biryukova

Samara State Technical University

The article is devoted to the process of the formation of secular and religious schools in the cities of the Middle Volga region (Simbirsk, Saratov, and Penza provinces) from the reforms of Catherine II in the last third of the 18th century until the end of the 20s of the XIX century. The author distinguishes two main stages of reforming the state secular and religious school; on the base of archival and published sources and materials of historical research, the dates of the founding of educational institutions have been clarified. The study allows to characterize the place of the school in the socio-cultural space of the late feudal provincial city.

Keywords: education system, city, Middle Volga region, socio-cultural infrastructure.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-4-5-14

УДК 94(47)

П.А. СТОЛЫПИН – РУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ (О ЗНАЧЕНИИ ДУХА НАРОДНОСТИ В ПОЛИТИКЕ)

© 2021 В.Н. Шульгин

Калининградское отделение Академии геополитических проблем

Статья поступила в редакцию 7.10.2021

Автор оспаривает ошибочные, по его мнению, оценки П.А. Столыпина, основывающиеся на порочной методологии «классового подхода». Предлагается традиционное для русской мысли воззрение, считающее миссию реформатора комплексной, устремленной к общенациональному «возрождению», в котором аграрная реформа была лишь одним из средств необходимого «возрождения». П.А. Столыпин вполне по-пушкински знал, что Империя нуждается в исправлении прозападного «петербургского» крена законной верховной власти, но не в ее революционном уничтожении.

Ключевые слова: русское возрождение, соборность, охранительство, традиционализм, земщина, общенациональная политика, законность верховной христианской власти.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-4-15-22

Общеизвестен важный методологический совет А.С. Пушкина: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие»¹. Подобное поэт-мыслитель изрекал не один раз, подчеркивая эвристическое значение любви к собственному отечеству и его героям. Имея в виду общефилософский смысл данной мысли, поэт однажды подчеркнул, что лишь «одна любовь дает нам полное разумение»². Подразумевалась необходимость должного воздаяния подлинным героям отечественной истории и их национальному служению на различных поприщах, от политического до литературного. В противном случае историк обречен на ложные оценки.

В другом месте А.С. Пушкин уточнил, пеняя стесняющимся почитать достойных отечественных деятелей: «Уважение к именам, освященным славою, не есть подлость (как осмелится кто-то напечатать), но первый признак ума просвещенного. Позорить

их дозволяется токмо ветренному невежеству...»³. Неустройства России в прошлом проистекали во многом именно от потери нашим интеллигентским сообществом, из которого рекрутировались государственные деятели, душевных качеств очерченной сочувственной отзывчивости, столь ценимых национальным поэтом. Итогом были подлинные умственные смуты, препятствующие возрождению России в ее истинных формах.

Это состояние до сих пор не изжито и как некий дурман влияет на сознание даже искренних патриотов. Чего пенять на клеветников России, когда даже некоторые ее верные сыны иногда грешат неуважением славных исторических имен. У иного православного журналиста читаем о вредоносности «масона» и «западника» Н.М. Карамзина. У другого – об «ошибках» митрополита Антония (Храповицкого) из церковного Зарубежья за его спор с подъяремным митрополитом Сергием (Страгородским) в 1920–1930-е гг. Этот же круг авторов пишет об «измене» А.И. Солженицына, который будто бы чуть ли не единолично «развалил» СССР. В каждом из этих случаев преувеличивается значение отдельных поступков и

Шульгин Владимир Николаевич, доктор исторических наук, сотрудник Академии геополитических проблем, действительный член Калининградского отделения.

E-mail: shulgin_vladimir@mail.ru

мыслей больших исторических деятелей в отрыве от полноты их свершений, которые не могут быть перечеркнуты отдельными частностями и даже ошибками.

Не повезло и Петру Аркадьевичу Столыпину, столетие убийства которого пришлось на 2011 год. С тех пор споры посреди нашей общественности не утихают. Каких только обвинений в его адрес не раздаётся! Печальнее всего, что в ряду, надеюсь, невольных хулителей этого последнего реформатора Империи мы встречаем имена настоящих ученых.

Так, «левый» С.Г. Кара-Мурза нарек Столыпина «отцом русской революции», хотя сам так полюбил победный революционный процесс, что назвал его «спасением корня России»⁴. И не заметил, что впал в противоречие. Ведь если считать Столыпина «отцом» столь любезной автору революции, то отчего же его не полюбить? Очевидно, здесь проявляется стремление, может быть, неосознанное, соединить несовместимое: православно-русский дух соборности и «впитанный с молоком матери» революционный настрой большевизма, того большевизма, который воспользовался общинным духом крестьянства для своих целей, а затем «отплатил» тотальным, никогда не виданным прежде закрепощением деревни.

Очевидно, мы здесь видим нравственно ущербную попытку реабилитации практического марксизма при искренней попытке сохранить русский лик. Аналогичным образом другой большой историк, И.Я. Фроянов (1936 – 2020), знаток Древней Руси, в интервью порталу «Русской народной линии» противопоставил «великана Сталина и пигмея Столыпина». Довод у мэтра один: «либерал» Столыпин выступлением против крестьянской общины «больше навредил России». Реформатор якобы довел крестьянство «до кипения» и «подготовил то, что произошло в 1917 г.». На этом основании историк выступил против предложения воздвигнуть памятник Столыпину⁵.

Признаем, что степень честности отдельных представителей российского по-

литического класса, ратующих за увековечение памяти Столыпина, действительно может обсуждаться. Однако эта дискуссия не должна бросать тень на образ выдающегося политика, жертвенно служившего России, ведомой законной верховной властью. Совсем другой вопрос, что Петербургская Империя исказила самобытные начала русской жизни, а затем мучительно боролась с рожденной ею самой социально-культурной «асимметрией»⁶.

Названным критикам реформатора мы вправе предъявить встречный иск, спрашивая их: «Почему вы одновременно вменяете Столыпину вину за Революцию и в то же время превозносите запрограммированные ею “советские” итоги, завершившиеся крахом 1991 года?». Это вопрошание, выявляющее внутренний разноречивый в думам процитированных авторов, тем более уместно, что В.И. Ленин, вождь радикалов, однозначно связывал фигуру Столыпина с контрреволюцией. Он ужасался «победе» реформатора, выразившейся в появлении социал-реформизма, «ликвидаторства», казалось, снимавшего с повестки дня курс на революционную ломку царского строя⁷. После подавления Столыпиным Революции 1905 года Ленин, скрывшийся в эмиграции, иногда подумывал перенести центр подготовки «земшарного» коммунистического переворота в США (Троцкий там и оказался в 1916 г.).

О цивилизованном охранительстве Столыпина говорили и представители других флангов радикализма, которые, правда, любили и саму Россию, а не только «Освободительное движение». Так, В.А. Маклаков критиковал однопартийцев, прежде всего П.Н. Милюкова, за соучастие в ликвидации «традиционной власти» в феврале 1917 года. Дело Столыпина, по его словам, было незаменимо, поскольку укрепляло «историческую власть», которая только и могла противостоять революционному хаосу. Трагедией обернулось кадетское «вышучивание» этой здравой мысли. Столыпин, по Маклакову, понял необходимость синтеза законной власти со свободной земщиной

(земским самоуправлением), что и выдвинуло его при блестящих талантах на самый верх государства. Кадет полагал, что «Россия могла войну выиграть и что революция не была неизбежной», «будь Столыпин вместо Горемыкина, Штюмера и пр.»⁸. Ценность подобного рода выводов становится еще более ясной, если учесть, что прежде В.А. Маклаков был политическим противником реформатора и полемизировал с ним.

Впрочем, не только радикалы разных типов, как действующие политики, **опытно знали** о контрреволюционности Столыпина. Ведали это и лучшие представители русской политики и мысли, давно предрекавшие ужасы гражданской войны, которой была чревата «освободительная» против царская эйфория. Так, после революционного перелома известный госдеятель С.Е. Крыжановский подчеркивал, что социально-культурная база земщины – опора Столыпина – Советской Россией уничтожена. Он писал: «Главное надолго утеряно, а именно наличие целого культурного и ответственного слоя прежних дворян-землевладельцев, в занятиях земскими делами преследовавших «не классовые или материальные, а чисто идейные интересы общего блага и обладавшие умственной и общественной подготовкой, необходимой для заведования местным хозяйством в уездном и губернском масштабе»⁹. С.Е. Крыжановский понимал, что Столыпин опирался на естественным образом развивавшийся российский земский строй деревни, по определению – контрреволюционный.

Гениальный свободный консерватор В.В. Розанов, проводник традиции Пушкина, Тютчева, Достоевского, славянофилов и почвенников, так сказал о «народном» курсе реформатора после его гибели: «П.А. Столыпин крупными буквами начертал на своем знамени слова “национальная политика”. И принял мучение за это знамя». В нем ценили «...не программу, а человека... вставшего на защиту, в сущности, Руси». «Дела его правления никогда не были партийными... классовыми или сословными...

вот этот “средний ход” поднял против него грызню партий, их жестокость; но она... была бессильна, ибо *все-то* чувствовали, что злоба кипит единственно оттого, что он не жертвует *Россиею – партиям*»¹⁰.

Аналогично Розанову о Столыпине отзывались П.Б. Струве, И.А. Ильин, С.Н. Булгаков и другие представители мыслящей национальной России! Так, бывший *народоволец* Тихомиров писал в своем дневнике уже незадолго до предчувствовавшейся им революции: «Загубила... эта никуда не годная “интеллигенция”, ничего не знающая, кроме “прав человека и гражданина”, да жалованья на партийной, общественной и казенной службе <...> *Завёлся “раз в жизни” человек, способный объединить и сплотить нацию... и того убили!*». Уникальность Столыпина была в том, что «это был ум с характером гениальности»¹¹.

Высокие оценки деятельности русского реформатора характерны для целого ряда видных западных историков. Так, немец Д. Гайер, учитывая истинные успехи Столыпина в деле комплексной модернизации России, подчеркивал, что Запад в начале 1910-х гг. взирал на Россию «как на многообещающего гиганта, шедшего в будущее семимильными шагами <...> В Германии и Австрии сторонники превентивной войны укреплялись в своей мысли, видя накопление Россией огромной силы, превращение ее во внушающую страх нацию. Подобная озабоченность царила и в других местах: в Англии, Франции, даже в США влиятельные лица предвидели для Императорской России великую будущность и важную международную роль. И они не взирали на эту перспективу с безотчетной радостью»¹². Подобные справедливые оценки роли П.А. Столыпина в реформировании дореволюционной России на подлинно «ученом» Западе преобладают¹³.

Во всех высказываниях всего круга первостепенных отечественных и даже западных мыслителей и историков нет зауженного идеологического «классового» подхода, рождённого В.И. Лениным, предложившим

рассматривать П.А. Столыпина преимущественно как аграрного помещика-реформатора. Из этих идейных оков до сих пор не могут вырваться многие современные критики Столыпина. Хотя подлинно общенациональные умы России давно поняли, что миссия Столыпина была общенациональной, а не узко-классовой, в чем его до сих пор часто обвиняют¹⁴.

Таким образом, еще до Революции 1917 г. деятели передовой культуры стали говорить о Столыпине как о выдающемся политике-практике, стремившемся разрешить проблему модернизации России без ущерба перспективам ее *самостояния*, главным залогом которого является законная власть. Так ставили вопрос еще Карамзин в «Записке о Древней и Новой России» и Пушкин в «Борисе Годунове». Беда нашей политической и общественной элиты, царской, интеллигентской, советской, в том, что она не желала слышать своих мудрецов. Эта отрицательная традиция унаследована и постсоветской элитой, что может обернуться новыми потрясениями. Ради ложного плюрализма определённые наши круги «либерального» пошиба склонны были даже внимать русофобу З. Бжезинскому, зачем-то приглашенному на Ярославский форум 2011 года!

Итак, многое свидетельствует, что Россия еще не вышла из революционного исторического цикла, заквашенного либерально-радикальными идеологами. До сих пор наша интеллигенция, как буриданов осел, разрывается между либеральными «правами человека» и марксовской «общественной собственностью». При этом саму Россию с ее славой и величием иные все норовят превратить в некую служебную функцию для реализации своих ложных «идеалов», в которых идея смешивается с идеологией – набором отвлеченных утверждений, рожденных умом обмирщенного европейца, а затем некритически воспринятых русскими адептами. У нас есть великая земля, а мы до недавнего времени были склонны распылять богатство по миру, скупая спортивные

клубы и недвижимость на Западе. П.А. Столыпин же руководствовался любовью к своему отечеству, выполняя завет Достоевского, призвавшего покончить с петербургским «чужебесим».

Цитируя Священное Писание, Столыпин призывал II Государственную Думу ценить законность верховной власти, скрепляющей великое государство, правомерность ее граждански-свободных инициатив: «Остановитесь, господа, на том соображении, что *государство есть один целый организм* и что если между частями организма, частями государства начнется борьба, то государство неминуемо погибнет и превратится в “царство, разделившееся на ся”». Столыпин, как типичный свободный консерватор-самобытник, стремившийся к развитию гражданской свободы, выступал против механического конструирования «неизвестной государственности», призывая опереться на нравственный «капитал» Царства. Поэтому он был против радикальной ломки дворянского землевладения, и так непрерывно сокращавшегося естественным путем. Он понимал, что революционный удар по помещикам устранил из деревни наиболее культурный элемент, что пресечет развитие земского самоуправления. Столыпин призывал Думу: «Господа, нельзя укреплять большое тело, питая его вырезанными из него самого кусками мяса; надо дать толчок организму, создать прилив питательных соков к больному месту, и тогда организм осилит болезнь; в этом должно, несомненно, участвовать все государство <...>. В этом *смысл государственности... как одного социального целого*»¹⁵.

Главным для Столыпина было сохранение на Руси Христианской государственности как общей традиционной державной рамки, в которой всегда жила православная Россия. Сами аграрные преобразования были для него важным «социальным» средством, направленным на осуществление высшей цели – укрепление спасительного нравственного единства великой страны. Ключевым моментом для уяснения этого

кредо Столыпина является его первая программная речь во второй Думе. Он осветил «руководящую идею» правительства страны, «находящейся в периоде перестройки»¹⁶. Сказав о том, что Россия должна стать правовым государством и, в частности, добиться окончательного торжества гражданской свободы в деревне, Столыпин дал ясно понять, что частные проявления этого курса нельзя путать с его общей основой. Главная цель реформ не сводится к аграрному переустройству.

Столыпин сказал: «Государство... не может отойти от заветов истории, напоминающей нам, что во все времена русский народ одушевлялся именем Православия, с которым неразрывно связаны слава и могущество родной земли». Премьер подчеркивал, что Россия не должна изменять этому духовному устою: «...многовековая связь русского государства с христианской церковью обязывает его положить в основу всех законов о свободе совести *начала государства христианского*, в котором Православная Церковь, как господствующая, пользуется данью особого уважения и особою со стороны государства охраною». Столыпин подчеркнул, что возрождение «великой нашей родины» возможно только при условии, когда Государственная Дума принимает сложившуюся государственность и «чисто русское» правительство, «сознающее свой долг хранить исторические заветы России»¹⁷.

Столыпин имел за спиной исторический опыт Империи, умевшей отвечать на вызовы истории. Отсюда его твердость и уверенность в правоте. Заканчивая свое знаменитое выступление 10 мая 1907 г. во II Думе, Столыпин подчеркнул именно это: «Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, *путь освобождения от исторического прошлого России*, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!»¹⁸. Столыпинский курс подавления революции и обеспечения свободной связи народа с землей-кормилицей, одобренный

царем, привел к ликвидации тогдашнего государственного бессилия. В народе укрепилась вера в законную власть и ее силу, а это всегда залог успешного развития. Главная ценность для Столыпина – это историческая Россия, поэтому никакие юридические и социальные доктрины, стремящиеся к ее слову, не могут, по его верному мнению, считаться истинными. Никакой «тонкий» юридизм не должен становиться хитроумным орудием разрушения – вот основной смысл знаменитых слов Председателя правительства: «Бывают, господа, роковые моменты в жизни государства, когда государственная необходимость стоит выше права и когда надлежит выбирать между целостью теорий и целостью отечества»¹⁹.

Это было честно заявленное стремление «противопоставить силу» Исторического Государства революционному течению, духовно порочному (атеистическому в основе). Столыпин оперся на естественное народное чувство сверхправого характера Царства, созданного *Божественным соизволением*, как отмечал суть дела еще Иоанн Грозный. Убежденность Столыпина в своей правоте опиралась, по сути, и на теоретические достижения государственно-правовой науки, как русской, так и западной, в частности, на «государственничество» Б.Н. Чичерина и немецкого правоведа Р. Иеринга. Последние обоснованно считали, что законная верховная государственная власть не просто имеет право, а обязана в кризисных ситуациях действовать решительно, не ограничивая себя рамками «бумажных» правовых норм. Как писал Р. Иеринг, Государственная власть в случае угрозы своему существованию «не только уполномочена, но и обязана пожертвовать [писаным] правом и спасти общество <...> Это так называемые чрезвычайные меры...»²⁰.

Даже славянофилы, столь печаловавшиеся за общественную свободу, были убеждены в правде полной царской власти. Иван Аксаков заметил: «Русский народ, образуя русское государство, признал за последним, в лице царя... неограниченную свободу го-

сударственной власти как «залог внутреннего мира»²¹. Позднее Розанов еще сильнее сказал о нормативности государственной силы. В «Опавших листьях» он писал: «Государство есть сила. Это его главное. Поэтому единственная порочность государства – это его слабость»²².

Сказанное свидетельствует, что курс Столыпина опирался на народную веру в сверхправовые полномочия законного Христианского царства. Кстати говоря, этого духа народности нам сегодня как раз более всего и недостает. Не случайно современный большой русский писатель и драматург Ю.М. Поляков вполне традиционно в духе великих предшественников назвал данную проблему «государственной недостаточностью»²³. Поэтому мы и сегодня ждем воплощения в жизни политических идей отечественной классики и воплотителя её идей – П.А. Столыпина. И положительно воспринимаем поиски верховной власти в направлении рецепции *русской идеи*.

Подведем итоги. Современные патристические, равно как и западническо-либеральные нападки²⁴ на Столыпина являются недоразумением, отражением того, что духовно ущербная либеральная и марксистская историческая методология, к сожалению, еще не канула в лету. Именно эти способы исторического видения выставляют на первое место «объективные причины» исторического процесса и суживают деятельность Столыпина до рамок лишь «аграрной политики». Столь «зашоренный» взгляд, искажающий общенациональный облик реформатора, является частным проявлением ошибочных воззрений на природу Революции. До сих пор с подачи марксистских или либеральных идеологов революционность воспринимается как следствие то ли социально-экономических, то ли политических «противоречий». Между тем русская революция явилась воплощением в жизнь *безбожного вероучения* пассионарной интеллигентской элиты, рвавшейся сесть на законное царское место. «Воля к власти» новых групп людей – это самостоятельный

фактор политики, о котором хорошо знали Макиавелли, Достоевский и Столыпин, но о котором до сих пор не ведают многие журналисты и ученые.

И последнее. По сути, бесчестно противопоставлять великих государственных мужей, какими являлись Столыпин и Сталин. Здесь даже не столько логическая ошибка постановки на одну доску первого министра, призванного к службе законной верховной властью, и полномочного «красного» императора (пусть столь же незаконного с исторически-правовой точки зрения, как и Наполеон). Это ошибка нравственная и национальная. По сути, затушевывается как раз единство служения этих двух великанов из разных, хотя и близких по времени эпох. В лучший свой период И.В. Сталин поднялся до сознания не классового, а общенационального, определенно русского характера своей миссии²⁵, что было всегда характерно и для П.А. Столыпина.

Сравним два высказывания этих людей, сами имена которых «сильные» и ассоциируются со *столпом* и *сталью*. Нам бы задуматься об их синтезе, дабы наш российский столп не прогнул, а «державная сталь» не отрывалась от традиций. Столыпин, выступая в 1911 г. в III Думе о законе, гарантировавшем русские национальные интересы при введении земства в западных губерниях, заявил: «В этом законе проводится принцип не утеснения, не угнетения нерусских народностей, а *охранения прав коренного русского населения, которому государство изменить не может, потому что оно никогда не изменяло государству и...* всегда стояло на западной нашей границе на страже русских государственных начал». Такое видение приоритетов, которые «не утесняют» малые народы Империи, но гарантируют общее развитие России, Столыпин назвал «основой русской политики» и «предметом нашей веры»²⁶.

Сталин также говорил о русских основах отечественной государственности в ключевом году Отечественной истории XX века. В 1945 году на летнем приеме в Кремле в

честь командующих войсками Красной Армии он заявил: «Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза <...> но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение. У нашего правительства было не мало ошибок <...> Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего Правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу...»²⁷.

П.А. Столыпин обоснованно считал, что российская политика только тогда успешна и победна, когда она народна, то есть в основе – русская. Это доказали герои истории, о которых только что шла речь. Бесспорно, у них можно и нужно отыскивать ошибки, чтобы их не повторять. П.А. Столыпин, лично религиозный человек, очевидно, недооценивал всю глубину духовного падения царской России, которая и в лице правящих слоев, да и в рядах простого люда в массе своей отвернулась от Бога и «изменила вере»²⁸. Отсюда проистекало недостаточное внимание премьера к нуждам господствующей Церкви и проблеме возрождения Патриаршества. Исключенный семинарист И.В. Сталин, как одно из мощных воплощенных личных подтверждений этой измены сумел тем не менее, многие из ошибок прежних господствующих классов преодолеть именно в духе народности. Он, например, не болел сребролюбием и подражательным чужебием петербургского чекана, а также, как Столыпин, все свои надежды связывал с Россией, пусть советской. Это лучшее у наших великих государственных мужей прошлого и должно нами наследоваться во имя будущего великой страны.

Критическое рассмотрение заявленной в этой статье научно-исторической проблемы заставляет прекращать «разрубать» единое тело родной отечественной истории, противопоставляя один ее период, дореволюционный, другому – советскому. Гораздо честнее, патриотичнее и конструктивнее видеть их преемственность, наличие общих «системных» проблем и достижений. Только так можно будет извлечь уроки и не повторять ошибок «петербургского периода» XIX века, перекочевавших в советский «ново-московский период»²⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Пушкин А.С. Отрывки из писем, мысли и замечания // Он же. Полн. собр. соч. в 10 томах. Т. 7. М.: Наука, 1964. С.58.
- ² Пушкин А.С. Денница // Там же. С. 112.
- ³ Пушкин А.С. «История русского народа»; сочинение Николая Полевого // Там же. С. 133.
- ⁴ Кара-Мурза С.Г. Столыпин – отец русской революции. М., 2002. С. 244.
- ⁵ http://ruskline.ru/news_rl/2011/07/14/velikan_stalin_i_pigmej_stolypin/ (курсив мой. – В.Ш.).
- ⁶ Этой проблеме уделил большое внимание А.И. Солженицын, а вслед за ним и питерская историческая школа (акад. Б.В. Ананьич, д.и.н. Б.Н. Миронов и другие историки). См., напр.: Солженицын А.И. Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни // Из-под глыб. Сборник статей (1974 г.).– М.: Русская книга, 1992. С. 98-101.
- ⁷ Ленин В.И. 1) О положении дел в партии (1910) // Он же. Полн. собр. соч., издание 5-е. Т. 20. М.: Политиздат, 1973. С. 51; 2) «Сожаление» и «стыд» (1911) // Там же. С. 246-247; 3) Резолюция II парижской группы РСДРП... (1911) // Там же. С. 287; 4) Реформизм в русской социал-демократии (1911) // Там же. С. 316-317, и др.
- ⁸ «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919 – 1951. Т. 3 (1923 – 1951). М., 2002. С. 366-367, 438-439, 440, 441.
- ⁹ Крыжановский С.Е. О характере государственного строя России // Вопросы истории. 2008. № 4. С. 22.
- ¹⁰ Розанов В.В. Террор против русского национализма: Статьи и очерки 1911 г. М., 2005. С. 219, 273, 274-275 (курсив автора).
- ¹¹ Тихомиров Л.А. Дневник Л.А. Тихомирова. 1915 – 1917 гг. М., 2008. С. 332, 134 (курсив мой. – В.Ш.).

- ¹² Gyer D. Russian imperialism: the interpretation of domestic and foreign policy (1860 – 1914). – Lemington Spa, etc., 1987. P. 264 (перевод мой – В.Ш.).
- ¹³ Шульгин В.Н. П.А. Столыпин в оценках западных историков // Проблемы источниковедения и историографии: Сборник научных трудов. Калининград: КГУ, 1999. С. 88-95. *Примечание.* Эта статья выложена в сети Интернет, в частности, в библиотеке «Гумер»: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/Shul_StolOcen.php ; есть и на других порталах. См., напр.: <https://velikoross.org/ukrainstvuyushhie-i-my/shulgin-v-n-stolypin-p-a-v-ocenkah-zapadnyh-istorikov>
- ¹⁴ Подробнее об этом см.: Шульгин В.Н. Хранитель: традиция консервативного самобытничества в думских речах Петра Столыпина // Родина. 2009. № 1. С. 74 - 76. – (Реформы и реформаторы).
- ¹⁵ Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия: Полн. собр. речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906 – 1911 гг. М., 1991. С. 94-95 (курсив мой. – В.Ш.).
- ¹⁶ Там же. С. 50-52.
- ¹⁷ Там же. С. 53, 62 (курсив мой. – В.Ш.).
- ¹⁸ Там же. С. 96 (выделено мною. – В.Ш.).
- ¹⁹ Там же. С. 74-75.
- ²⁰ Иеринг Р. Цель в праве (1877) // История политических и правовых учений. Хрестоматия для юридических вузов и факультетов. Харьков: Факт, 1999. С. 538.
- ²¹ Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 462-463.
- ²² Розанов В.В. Сумерки просвещения. М., 1990. С. 488.
- ²³ Ю.М. Поляков, главный редактор «Литературной газеты».
- ²⁴ Этот лагерь российской общественности клеймит Столыпина за русский национализм.
- ²⁵ Сталин И.В. Выступление на приеме в честь командующих войсками Красной Армии // Он же. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд-е 5-е. М.: Военн. изд-во Министерства вооруж. сил СССР, 1949. С. 196-197.
- ²⁶ Столыпин П.А. Указ. соч. С. 362-363 (выделено мною. – В.Ш.).
- ²⁷ Сталин И.В. Указ. соч. С. 196-197 (курсив мой. – В.Ш.).
- ²⁸ См., напр.: Тихомиров Л.В. Указ соч. С. 178.
- ²⁹ Определение А.И. Солженицына в указанной выше статье в сборнике 1974 г. «Из-под глыб».

**P.A. STOLYPIN – RUSSIAN STATESMAN
(THE IMPORTANCE OF THE SPIRIT OF NATIONALITY IN POLITICS)**

© 2021 V.N. Shulgin

Kaliningrad Branch of the Academy of Geopolitical Problems

The author disputes the assessments of P.A. Stolypin by a number of authors, based on the erroneous methodology of the “class approach”. He proposes a view, which is traditional for Russian thought, and considers the mission of the reformer as complex, aimed at a nationwide “Russian revival”, in which the agrarian reform was only one of the means of the necessary “National revival”. P.A. Stolypin knew quite like Pushkin that the Empire needed correction the pro-Western “Petersburg deviation” from the spirit of nationality by the legitimate supreme power, but not its revolutionary destruction.

Key words: Russian revival, sobornost (collectivism), protection of statehood, traditionalism, zemshchina (local government rights), national policy, legitimacy of supreme Christian power.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-4-15-22

УДК 94/(97)

**САМАРСКАЯ КОНТОРА ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА В НАЧАЛЕ XX в.:
ОРГАНИЗАЦИЯ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ**

© 2021 Н.А. Черкасова

Самарский государственный экономический университет

Статья поступила в редакцию 28.10.2021.

В статье на основании архивных документов рассмотрен социальный состав, образовательный уровень и профессиональные компетенции служащих и сотрудников Самарского отделения (конторы) Государственного банка Российской империи с позиции теории институционализма. Автор приходит к заключению о постепенном росте штатного персонала отделения, повышении профессиональных компетенций его сотрудников, проявлении банком функции их социальной защиты. Важный системный элемент капиталистической экономики Российской империи в начале XX в. в организации своей внутренней жизни еще сохранял элементы традиционных (патерналистских) отношений.

Ключевые слова: Государственный банк, Российская империя, XIX-начало XX в., Самарская губерния, институциональная теория, институт банка, социокультурная среда.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-4-23-33

В условиях развития экономических отношений, основанных на рыночных принципах, важную роль играет кредитная система. Основным элементом системы кредитования – банковское учреждение. История становления, развития банковской системы Российской империи изучена достаточно подробно.

Традиции изучения кредитной системы Российской империи были заложены еще в советский период. В работах Б.В. Ананьича¹, В.И. Бовыкина², И.Ф. Гиндина³ была обозначена основная проблематика в изучении темы, выполнены глубокие и серьезные исследования.

В российской историографии воссоздана история создания первых кредитных учреждений (сберегательные кассы – Морозан В.В.⁴), простейшие и сложные их формы (банкирские дома и семейные конторы – Ананьич Б.В., Лизунов П.В.)⁵, роль и основные операции Государственного

банка, а также специализированных государственных Дворянского и Крестьянского поземельных банков (Н.А. Проскурякова)⁶. Значительное количество работ посвящено изучению истории коммерческих банков столиц – Москвы и Петербурга (Ю.А. Петров, С.В. Калмыков, С.А. Саломатина) и их региональных отделений (Роднов М.И.)⁷. Отдельное направление представляет изучение взаимоотношений с иностранными кредитными учреждениями (Лебедев С.К., Беляев С.Г.) Новейшие публикации рассматривают опыт объединения (создания синдиката) Государственного и коммерческих банков для совместного действия на Санкт-Петербургской фондовой бирже⁹. Все эти исследования обращены к анализу банковской политики, влиянию банков на экономическую жизнь страны, конъюнктуру и т.д. Отмечена высокая степень концентрации банковского капитала. В работах С.А. Саломатиной также исследуется финансовая статистика, различные формы отчетности банков, существовавшие в начале XX в.⁸ Воссозданы биографии крупнейших столичных банкиров – В.А. Кокорева, Г.Гинцбурга (Роднов М.И., Лизунов П.В.)⁹.

*Черкасова Наталья Анатольевна, главный казначей Управления Федерального Казначейства по Самарской области, преподаватель факультета среднего профессионального и предпрофессионального образования Самарского государственного экономического университета.
E-mail: cherkasova.n.a@bk.ru*

История банков в Самарском регионе представлена в работах Н.Л. Клейн¹⁰, П.С. Кабытова¹¹, Н.Ф. Тагировой¹². Показана их роль и участие на рынке товарного зерна, земельном рынке.

Как видим, внешняя сторона жизни банка представлена в научной литературе достаточно полно: проанализирована банковская политика, ее влияние на экономику страны и регионов.

При этом внутренняя жизнь банка, формирование правил и норм внутренней жизни кредитного учреждения, кадровая политика исследованы менее подробно. С.К. Лебедев, рассматривая европейские и русские связи Санкт-Петербургского коммерческого банка дает характеристику служащим банка. Он отмечает, что в международном кредитном учреждении важно было знание иностранного языка, учитывался прежний опыт работы, особенно за границей, репутация претендента.¹³ Автор анализирует топ-менеджмент и приходит к заключению, что в это время уже существовал «международный рынок банковских служащих».¹⁴

Также отдельные аспекты внутренней жизни банка рассмотрела и С.А. Саломатина, анализируя визуальные источники. Этими работами, пожалуй, и исчерпывается характеристика внутренней жизни банковских учреждений в Российской империи.

В данной статье нас интересует именно этот аспект банковской истории.

Цель статьи: рассмотреть Самарское отделение Государственного банка Российской империи начала XX в. сквозь призму институциональной целостности. Один из формирующих элементов института «банк» - сотрудники. На материалах Самарского отделения Государственного банка рассмотрим внутреннюю организацию его работы. Нас интересует вопрос: как в кредитном учреждении, ориентированном на коммерческую доходность, выстраивались отношения между работниками и руководством отделения. Насколько модернизация экономической жизни и развитие рыночных

отношений отразились на внутренних взаимоотношениях кредитного учреждения.

Основным информационным источником в нашей работе послужили личные дела сотрудников Государственного банка (Самарского отделения) за период с конца 1890-х гг. до 1910-х гг., сохранившиеся в фонде 276 Центрального государственного архива Самарской области. Нами было произведено сплошное исследование личных дел сотрудников Самарской конторы Государственного банка (Ф. 276. Оп. 4., количество дел – 83).

Основные задачи: представить обзор роли и значения Государственного банка в провинции в этот период, исследовать кадровую политику, штатный состав и социальное происхождение служащих, возможности профессионального и карьерного роста. Возможно ли говорить о патерналистских отношениях между служащими банка и его руководством?

Самарское отделение Государственного банка приступило к работе 7 июля (19 июля по н. ст.) 1864 года, и высочайшим соизволением императора, последовавшим 11 июля 1914 года, Самарское отделение Государственного банка было преобразовано в контору. Преобразование означало в первую очередь расширение круга операций и было связано с активным ростом оборотов банка, особенно в годы Первой мировой войны.

Обратимся к составу служащих Самарского отделения Государственного банка. В личных делах сотрудников Самарского отделения содержится Формулярный список (личное дело), оформляемый при поступлении на службу и дополняемый в процессе движения по службе в восходящем или нисходящем направлении в конторе Государственного банка.

Личное дело содержало следующие обязательные сведения по каждому сотруднику: фамилия, имя и отчество, лет от роду (возраст), вероисповедание, знаки отличия, получаемое содержание, из какого рода/звания (происхождение), где получил воспитание и окончил ли полный курс наук в учебном

заведении (образование), был ли в походах против неприятеля (военная служба), подвергался ли наказаниям или взысканиям, соединенным с ограничениями в преимуществах по службе, а также семейное положение и вероисповедание членов семей.

Сбор сведений (внесение изменений) производился регулярно, вместе с представлением письменных отзывов о нравственных и служебных качествах личного состава Самарского отделения. Пример подобного отзыва содержится в деле канцелярской служительницы Архангельской И.А., согласно которому сотрудник «отличается безукоризненными нравственными качествами, большой способностью к труду и усердным исполнением своих обязанностей»¹⁵. Данные рекомендации были даны служительнице Архангельской И.А. при переводе с вольнонаемной службы на государственную. Подобная практика для должностей канцелярских служителей и вольнонаемных сотрудников была широко применима; в случае если не оказывалось вакантных должностей государственной гражданской службы, сотрудники были приняты по вольному найму с последующим переводом. В дополнение к вольнонаемному труду помощник секретаря Федоров Д.И. был готов занять место практиканта при отсутствии вакансии канцелярского служителя.¹⁶ Помощник контролера Ярочкин П.А. при подаче прошения аналогично был готов заниматься бесплатно в качестве практиканта, но был принят канцелярским служителем.

Циркуляром банка от 31.10.1911 №16-а было предусмотрено приложение к прошению о поступлении на службу. Приложение содержало следующие сведения: род занятий после учебного заведения, лица, имеющие возможность рекомендовать просителя, минимальный размер вознаграждения, место службы, говоря современным языком - «готовность к командировкам», в случае если в желаемой конторе не окажется вакантных должностей.¹⁷

Канцелярская чиновница Тимофеева В.И. была принята по прошению родствен-

ника, бухгалтера 1 разряда Русова В.В.¹⁸ В деле содержится ведомость на выдачу содержания штатным чиновникам по номерам ордеров (оклад, вычет из содержания, выдано, расписка в получении). Возможно, данный документ входил в перечень профессиональных компетенций сотрудника.

В делах сотрудников встречаются рекомендации местных купцов в качестве поручителей, например, поручителем помощника контролера Ярочкина выступил купец Афанасий Абрамович Шишков.¹⁹

Весьма эмоционально обращается к Управляющему Самарской конторой дворянин Василий Николаевич Самыгин: «...девятимесячное обивание порогов и присутственных мест и учреждений г. Самары, безрезультатные просьбы о занятиях и работах и наконец наступившее крайне бедственное положение, с душевной болью и нравственной душевной пыткой, заставляют меня беспокоить Ваше Превосходительство и покорнейше просить дать мне какую-либо должность в отделении банка. Осмеливаюсь надеяться, что в Вас я найду душу христианина, признающего, что бедность не порок, но несомненно очень часто создает таковой и увеличивает разнообразное зло на земле... не подумайте что настоящее прошение подается по прихоти, но человеком заставленным нуждой открыть пред Вами горькую правду о своем положении, человеком не желающим вступить на путь преступления и в ряды негодных общественных подонков»²⁰.

При исследовании дел сотрудников, занимающих должности канцелярских служителей или смотрителей, регулярно, из дела в дело, нам встречается документ под названием «расписка» или «клятвенное обещание». В деле служительницы по вольному найму, впоследствии помощника секретаря, затем помощника бухгалтера, принятой на государственную службу с зачетом вольнонаемной, Пропустиной Н.М. имеется расписка следующего содержания: «...даю настоящую подписку Самарскому отделению Государственного банка что все

касающееся счетоводства и делопроизводства отделения буду держать в тайне».²¹

В делах смотрителей элеваторов Яниславского А.В. и Судакова И.Г. имеется предложение принять присягу и дать подпись на прилагаемых бланках, а именно: клятвенное обещание, подписка об обещании хранить в тайне все банковское счетоводство и делопроизводство, подписка о непринадлежности к противоправительственным партиям.²²

Подобные документы встретятся нам еще не раз в делах канцелярского служите-

времени, а не заработной платы, ведь и на сегодняшний день, оплата труда государственного служащего именуется денежным содержанием.

Ограничения при поступлении на службу имели не только взыскательный характер. «Согласно циркулярам банка, лица, занимающие какие-либо должности частных кредитных учреждений, в податной инспекции и должности членов раскладочных по промысловому налогу присутствий, не должны быть представлены на должность членов учетно-ссудных

Таблица 1. Состав служащих Самарской конторы Государственного банка (составлена по «Ведомость на выдачу содержания штатным чиновникам. Август 1916»)»²³

Должность	Штатных единиц	Содержание/оклад/месяц
Управляющий	1	200
Контролер	1	200
Старший советник. Кассир		133
Секретарь	1	100
Помощник контролера	1	80
Помощник бухгалтера		
1 разряда	1	66
2 разряда	4	53
3 разряда	7	40
Помощник кассира		
1 разряда	1	66
2 разряда	1	53
3 разряда	1	40
Инструктор мелкого кредита	6	30
Инспектор мелкого кредита	12	64
Титулярный советник (чин)	2	
Коллежский секретарь (чин)	2	
Коллежский ассессор (чин)	3	
Губернский секретарь (чин)	2	
Коллежский регистратор (чин)	1	
Канцелярский чиновник (н.ч.-не имеющие чина)	8	50
Счетчик	6	25-30
Сторож	8	20

ля Ярочкина П.А., служительницы Соколовой А.Г., члена учетного комитета Ромашова И.Е. и практиканта Федулова Г.С.

Самым многочисленным был отдел мелкого кредита, что неудивительно в силу доминирующего характера данного направления в губернии. Интересным является преемственность факта получения денежного содержания для чиновника того

комитетов».²⁴ В связи с вышеизложенным создавалось дополнение к формуляру, где указывалось: не занимает ли служащий должность в части кредитных учреждений, с какого времени торгует, чем и где, по каким родам торговли можно ожидать особенно полезных советов и указаний, также отмечались основания (кредит/наличные), форма торговли (опт/розница),

занимается ли покупкой-продажей ценных бумаг, не наблюдается ли переписка векселей, неправильность пользования вексельным кредитом, нравственные качества.²⁵

Рассмотрим имеющиеся сведения об образовании сотрудников Самарской конторы Государственного банка. Сведения об образовании содержатся в формулярном списке сотрудника. В подтверждение квалификации к некоторым делам были приложены аттестаты и/или свидетельства учебных заведений, а также отзывы об успеваемости за подписью директоров гимназий и училищ.

В деле инспектора мелкого кредита Антонова М.П. содержится аттестат, а также свидетельство авторства Министерства народного просвещения, в котором указаны предметы курса и оказанные успехи. На курсах изучали закон Божий, русский и иностранные языки, все виды математики, аналитическую геометрию, историю, географию, а также слушатели подвергались специальным испытаниям по статистическим предметам.²⁶ Окончивший курс получал право занимать штатные должности по статистическим учреждениям министерства внутренних дел (не имея подобной возможности по своему происхождению), обязуясь прослужить в вышеупомянутых учреждениях не менее как по 1,5 года за каждый академический год обучения.²⁷

Коллежский регистратор Прокопенко Н.Д. помимо учебы в Красноярской гимназии прослушал лекции на юридическом факультете Московского и Томского императорских университетов.²⁸

Помощник бухгалтера Василий Константинович Троицкий в 1915 г. подвергся особой экзаменационной комиссии при экономическом отделении Киевского коммерческого института и был удостоен звания кандидата экономических наук 2 разряда со всеми «правами и преимуществами».²⁹

Помощник бухгалтера Александр Смирнов учился в университете платно, о чем свидетельствует запись в личном деле³⁰, из числа студентов уволен по постановлению правления за невзнос платы в осеннем полугодии.

В деле Пропустиной Н.М., в качестве приложения к аттестату, содержится документ под названием «Правила и обязанности домашних наставниц и учительниц»³¹.

В некоторых делах формулярные списки содержат исчерпывающие сведения об относительном карьерном росте сотрудника, по которым без труда можно проследить рост профессиональных компетенций, званий и достижений сотрудника. При этом напрашивающегося вывода относительно прямой зависимости между дворянским происхождением и профессиональным взлетом нам сделать не удастся, так как подобная взаимосвязь при исследовании нами не установлена. Приведем несколько конкретных примеров карьерного роста.

Управляющий Самарской конторой Государственного банка Алексей Константинович Ершов в 1880г. окончил курс наук в Императорском университете Св. Владимира по юридическому факультету и был назначен кандидатом на судебные должности при Санкт-Петербургской Судебной палате. В 1882 г. назначен старшим помощником столоначальника департамента Министерства юстиции, в 1883 г. становится исполняющим обязанности столоначальника. В 1886 г. произведен в титулярные советники, в 1888 г. отправляется в командировку в Берлин для доставки билетов Германского банка и облигаций восточного займа. Поручение было в точности исполнено. В 1890 г. назначен управляющим Пензенского отделения, в 1893 г. произведен в надворные советники и назначен контролером временного Ялтинского отделения. В 1894 г. назначен управляющим Самарского отделения Государственного банка.³²

Коллежский асессор Станишевский П.А. проделал путь от канцелярского служителя казенной палаты до коллежского асессора, особого инспектора мелкого кредита Самарского отделения, с назначением в 1911 г. «усиленной вне правил пенсии в размере 400 рублей/год с производством таковой из Екатеринославского казначейства», где он начинал свою службу.³³ В 1915 г. отставной

ассессор Станишевский П.А. был назначен на должность помощника агента для исполнения обязанностей помощника смотрителя Абдулинского элеватора и впоследствии перемещен в 1916 г. с должности смотрителя на должность инспектора мелкого кредита при Екатеринославском отделении с сохранением назначенной пенсии.

Директор Самарской конторы Астромов В.М. (урожденный Люце) начал карьеру в 1896 г., в дальнейшем прослужив отечеству 20 лет: после университета был определен в Департамент торговли и мануфактуры, служил помощником столоначальника в отделе промышленности учреждений Министерства финансов по части торговли и промышленности, в 1901 г. перемещен в Петроградскую контору Государственного банка помощником контролера, затем старшим делопроизводителем (1908 г.), командирован в Казанское отделение с целью усиления бухгалтерского состава, что говорит о высокой оценке его профессиональных качеств (1910 г.), и.о. правителя дел Петроградской конторы Государственного банка (1911), в 1913 г. назначен на должность заместителя заведующего расчетным отделом при Воронежском отделении, тогда же избирается гласным городской думы на 4-хлетний срок, в 1914 г. произведен в чин статского советника и в 1916 г. по докладу управляющего Самарского отделения Государственного банка с согласия Министерства финансов назначен директором Самарской конторы³⁴. Был высоко оценен с точки зрения своих профессиональных компетенций, так как неоднократно призывался в соответствии с «Руководством по взаимным отношениям окружных контор и подотчетных отделений» в соседние отделения для обозрения деятельности или в целях разрешения вопросов, связанных с объединением зернохранилищ с отделениями банка.³⁵

Есть и примеры карьерного движения сверху вниз (регресса): в деле контролера Бориса Яценко содержится рапорт о переводе на низшую должность бухгалтера Пугачевского отделения, куда он был командирован.

В связи с чем Яценко был вынужден отбыть в Самару для выяснения вопроса о своем переводе на службу в Пугачевское отделение.³⁶

При изучении личных дел сотрудников Самарской конторы четко может быть определена функция социальной защиты служащих, не на словах и в циркулярах, а фактически имевшей место. Приведем ряд красноречивых примеров: в деле сторожа (впоследствии счетчика) Щепкина И.М. обнаружено прошение: «Его Высокородию Господину Управляющему Самарским отделением Государственного Банка...имею честь покорнейше просить Вас не найдете ли возможным выдать мне пособие на лечение моей жены». ³⁷ В 1916 г. счетчик Ульянов Н.К. подает прошение о пособии о возмещении расходов, вызванных лечением его болезни вследствие несчастного случая.³⁸ Сторож (счетчик) Агафонов Н.Т. при командировании в Мензелиское отделение просит выдать пособие на подъем в размере 40 рублей, а также в своем рапорте сообщает об имеющихся срочных долгах в размере 50 рублей, кои просит срочно погасить. Прощения не встречают препятствий.³⁹

Кассир Тригалева Н.Д., в связи с командированием в Нижегородское отделение, рапортует об отсрочке от взыскания недообранных 50 рублей, так как переезд был осуществлен за свой счет. Ходатайство было удовлетворено со ссылкой на изменение размера денежного содержания в сторону уменьшения и «стесненное положение названного лица».⁴⁰

Помощник смотрителя Абдулинского элеватора Яниславский А.К. просит назначить пособие на воспитание сына ввиду стесненного материального положения.⁴¹

В деле служительницы Соколовой А.Г. обнаружен больничный лист (бюллетень) вместе с рапортом о выдаче пособия на лечение (не больше оклада месячного содержания) и приказ на отпуск с сохранением денежного содержания сроком на 2 месяца.⁴²

В деле сторожа Степана Фокеева имеется прошение о назначении пособия на лечение жены, в котором он числится у же

в качестве курьера, а также заявление о предоставлении отпуска по случаю болезни матери.⁴³ Подобные прошения, как правило, были удовлетворены.

В деле сторожа Корунова К.В. имеется прошение в Самарскую губернскую земскую больницу следующего содержания: «Самарское отделение Государственного Банка просит больницу принять на излечение пятилетнюю дочь сторожа К.В. Корунова и не отказать сообщить чем она больна», к делу приложена квитанция об оплате лечения дочери сторожа конторой Государственного Банка.⁴⁴

В деле общей переписки по личному составу (1901 г.) обнаружено прошение о назначении пенсии вследствие смерти отца, бывшего старшего кассира, коллежского советника А.Н. Мильева. Прошение подписано дочерьми коллежского советника, Анной и Марией, которые ссылаются в прошении на свою неспособность к труду и готовы пройти комиссию с целью засвидетельствовать свое положение. Как итог им была назначена пенсия в размере 145 рублей в год каждой.⁴⁵

В свою очередь и служащие банка не оставались равнодушными к институту социальной жизни... Сентябрь 1914 г.: «служащий банка (Прокопенко Н.Д.) движимый чувством милосердия к нашим раненым воинам изъявил желание принять участие в организованном велосипедном санитарном отряде» - Ершову А.К. от начальника жандармского управления.⁴⁶

Помимо помощи, которую контора оказывала сотрудникам, оказавшимся в сложных жизненных ситуациях, служащие провинциального отделения Государственного банка пользовались отсрочкой от военного призыва. В деле сторожа (впоследствии счетчика) Ульянова В.К. имеется распоряжение военного министра, согласно которому «Ульянов В.К. как счетчик от призыва в действующую армию освобожден».⁴⁷ Помощник контролера Хрусталев С.В. от воинской повинности освобожден. Служитель Павловский П.Д. уволен от военной службы с назначением в государственное ополчение.⁴⁸

По материалам дела о переписке по личному составу (август 1905 г.), «...на основании ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного 10.07. с.г. положения Комитета Министров, ведомостям предоставляется право в виде временной меры, впредь до окончания войны с Японией сохранять за семействами призванных из запаса на действительную военную службу вольнонаемных служащих все или часть производившегося им по гражданской службе содержания, в зависимости от окладов такового, состава семьи и особых семейных обстоятельств...Расход по производству означенных выдач надлежит относить на счет банка»⁴⁹. Обращаем внимание читателя, что речь в положении идет о вольнонаемных служащих.

Сотрудникам по требованию выдавались паспортные книжки. В отделении имелась книга прихода и расхода вышеуказанного документа.⁵⁰ У ряда сотрудников в делах имеются бессрочные паспортные книжки, вне зависимости от занимаемой должности.

В качестве примера институционального устройства банка приведем пример межведомственных взаимодействий по задолженностям служащих или обмену релевантной информацией. По материалам дела коллежского регистратора Прокопенко Н.Д., «...за переведенным в Самарскую контору чиновником Варшавской конторы Прокопенко Н.Д. осталась задолженность по ссуде железно-ссудного капитала... просим ежемесячно удерживать из денежного содержания сумму в размере...», далее следует отчет об удержаниях, что говорит о своевременном и качественном исполнении производства и эффективном межведомственном взаимодействии.⁵¹ Дело рапортов содержит следующий документ: «... доведено до сведения моего, что Назарову должен 3000 р. служащий Дмитрий Шумов и исполнительный лист Шумова находится у Вас... прошу задержать удержанную по нему сумму», – пишет Ершову А.К. председатель Уездной земской управы. Управляющему Ершову А.К. – «в Саратове распространился слух, что несостоятельный должник Дивьев

И.А. получил должность управляющего казенным складом вина и спирта в Самаре, с солидным окладом жалованья... не откажете ли сообщить верны ли эти слухи».⁵²

Говоря об удержаниях, отметим, примечательный факт отсутствия удержаний из денежного содержания сотрудников, принятых по вольному найму, - счетчиков и сторожей.

Отчисления из денежного содержания для государственных служащих были в пенсионный капитал, инвалидный капитал (современный фонд социального страхования (несчастные случаи и травмы на производстве), в доход казны (налоги), по дополнительным производствам – в погашение долга, проценты по ссуде, членские взносы, на библиотеку.

В качестве примера справедливой оплаты труда - сторожу Проваторову Ф.Н. были оплачены сверхурочные работы в праздничные дни по охране склада на берегу Волги.⁵³ В одном из дел имеется переводной билет: «...означенные деньги следуют Вам в качестве особого добавочного вознаграждения за усиленные труды, связанные с обстоятельствами военного времени».

Интересными документами, иллюстрирующими внутреннюю жизнь банка, являются рапорты сотрудников.⁵⁴ По этим рапортам можно анализировать межличностные отношения сотрудников. Так, на контролера Беретти жаловался бухгалтер Самарской конторы: «...в присутствии чиновников отделения обозвал меня иезуитом и другими не менее оскорбительными словами. Слово иезуит представляется мне совершенно непонятным, так как я в тайну исповеди иезуитов посвящен не был. Требую от Беретти объяснения относительно значения этого слова». К слову, контролер Беретти судя по количеству рапортов слыл местным скандалистом с позиции коллег, Однако при взгляде со стороны выглядит борцом за правду, так как от него поступают рапорты о расходовании подотчетных средств с фиктивными основаниями и дельные предложения по оптимизации этой работы, а также рапорт, содержащий его мнение относительно

хранения разменного капитала, в котором он отмечает «необходимость произвести неотлагательно свидетельство наличности ссуд и вкладов на хранение» и указывает на тот факт, что «столь редкое свидетельство наличности и тем более существование совместного хождения в кладовую не должно быть допустимо», что отвечает всем требованиям здравого смысла. Если судить по почерку, человеком Беретти был крайне обстоятельным и аккуратным. Однако «по причине постоянных неприятностей, получаемых мною на службе, нервы мои настолько расстроились, что по требованию врачей принужден отказаться от исполнения моих обязанностей», - пишет Беретти в своем рапорте об освобождении занимаемой должности по собственному желанию. Это пример конфликта личности и группы, в ходе которого благие намерения одной личности подавлены силой большинства, так как ходатайство Беретти об освобождении занимаемой должности было удовлетворено.

В коллективе имели место и интриги. Так коллежский регистратор Соболев (служащий Пензенского отделения международного торгового банка) обратился с ходатайством о переводе его на службу по ведомству Государственного банка. Ходатайство было отклонено ввиду сообщенных контролером Пензенского отделения коллежским советником Харитоновым неблагоприятных сведений о нравственных качествах Соболева, при этом сам господин Харитонов обращается в отделение с просьбой по тому же предмету.

В ходе сплошного обследования архивных материалов Самарской конторы Государственного банка нами были рассмотрены институциональные аспекты функционирования этого важного системного элемента капиталистической экономики Российской империи начала XX в., в частности, возможности, предпосылки, основы движения по карьерной лестнице, внутренние взаимоотношения служащих и сотрудников банка, иначе - институциональный микроклимат. Число служащих ва-

рыировалось от 40 до 60 человек с момента открытия отделения (1863 г.) до удовлетворения ходатайства о реорганизации в контору (1914 г.).

Сплошное исследование личных дел сотрудников Самарской конторы Государственного банка позволяет нам сделать следующие выводы относительно положения банка как институциональной единицы.

Числиться служителем Самарской конторы были престижно, в делах имеется множество примеров того, как после прослушивания курсов в гимназии и/или училище молодые люди стремились занять должность в Самарской конторе Государственного банка.

Нами не было найдено ни одного примера движения по карьерной лестнице сотрудника без образования вообще и специального образования в частности. В данном случае домашнее образование сотрудников дворянского происхождения рассматривается нами равнозначно.

Образование определяло во многом роль и возможности сотрудника. Сотрудники относились к своим занятиям ответственно и добросовестно. В делах рапортов нами не обнаружено доказательств обратному. Приведено достаточно примеров прошений сотрудников о мерах социальной поддержки, в делах имеются переводные билеты, подтверждающие участие Самарской конторы в жизни своих «подопечных», что, с нашей точки зрения, служит прекрасной иллюстрацией функции социальной защиты.

Таким образом, Самарская контора Государственного банка вполне может быть представлена как институциональная целостность, вплетенная в систему социальной и экономической жизни региона со своими законами, правилами и установками.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Ананьич Б.В.* Банкирские дома в России. 1860-1914: Очерки истории частного предпринимательства. 2-е изд. М., 2006, 1991; *Ананьич Б.В., Калмоков С.В., Петров Ю.А.* Главный банк России. От Государственного банка Российской

империи к Центральному банку Российской Федерации. 1860-2000. М., 2000.

² *Бовыкин В.И., Петров Ю.А.* Коммерческие банки Российской империи. М., 1994.

³ *Гиндин И.Ф.* Банки и экономическая политика в России (XIX- начало XX в.). М., 1997.

⁴ *Морозан В.В.* История банковского дела в России (вторая половина XVIII- первая половина XIX в.). СПб., 2004; *Он же.* История сберегательных касс в императорской России. СПб., 2007; *Он же.* Санкт-Петербургская контора Государственного банка и ее клиенты (1894–1917 гг.). СПб., 2021..

⁵ *Лизунов П.В.* Банкирский дом «И.Е. Гинцбург» и его владельцы. СПб., 2017.

⁶ *Проскурякова Н.А.* Земельные банки Российской империи. М., 2003.

⁷ *Роднов М.И.* Волжско-камский коммерческий банк и уфимское купечество (вторая половина XIX- начало XX в.). Уфа, 2020.

⁸ *Саломатина С.А.* Коммерческие банки в России: динамика и структура операций. 1864-1917. М., 2004, и др. ее работы.

⁹ *Лизунов П.В.* Банкирский дом «И.Е. Гинцбург» и его владельцы. СПб., 2017; *Роднов М.И.* Волжско-камский коммерческий банк и уфимское купечество (вторая половина XIX- начало XX в.). Уфа, 2020.

¹⁰ *Клейн Н.Л.* Экономическое развитие Поволжья в конце XIX- начале XX в. Саратов, 1981.

¹¹ *Кабытов П.С.* Влияние банков и монополий в развитии промышленности края //История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. В 2 т. Самара, 2020. С. 395, 406.

¹² История банковского дела в Самарской губернии. Отв. ред. Н.Ф. Тагирова. Самара, 2012.

¹³ *Лебедев С.К.* Санкт-Петербургский международный коммерческий банк во второй половине XIX века: европейские и русские связи. М., 2003. С. 91-97.

¹⁴ *Лебедев С.К.* Санкт-Петербургский международный коммерческий банк во второй половине XIX века: европейские и русские связи. М., 2003. С. 91.

¹⁵ ЦГАСО. Ф.276. Оп. 4. Д. 58. Л. 5.

¹⁶ ЦГАСО. Ф.276. Оп. 4. Д. 37. Л. 3.

¹⁷ ЦГАСО. Ф.276. Оп. 4. Д. 31. Л. 1.

¹⁸ ЦГАСО. Ф.276. Оп. 4. Д. 48. Л. 1.

¹⁹ ЦГАСО. Ф.276. Оп. 4. Д. 60. Л. 14.

²⁰ ЦГАСО. Ф.276. Оп. 1. Д. 1101. Л. 172.

²¹ ЦГАСО. Ф.276. Оп. 4. Д. 36. Л. 14.

²² ЦГАСО. Ф.276. Оп. 4. Д. 53. Л. 18.

²³ ЦГАСО. Ф.276. Оп. 3. Д. 3.

²⁴ ЦГАСО. Ф.276. Оп. 4. Д. 5. Л. 9.

²⁵ ЦГАСО. Ф.276. Оп. 4. Д. 5. Л. 39.

Приложение 1. Клятвенное обещание. Подписано сотрудником Иваном Щепкиным, занимавшим в Самарской конторе Государственного банка позицию счетчика. Поступая на службу, ответственные сотрудники давали клятву о добросовестном исполнении своих обязанностей

2 17

Клятвенное обещание.

Обыкновенно и клянуся Всемогущим Богом, предъ Святыхъ Его Ангелии и Милостивыхъ Крестныхъ Господиныхъ въ томъ, что, принимая на себя обязанности казеннаго Дежурнаго Кладовоу Самарскаго Отделения Государственнаго Банка, я долженъ действовать во всемъ согласно существующимъ нынѣ и впредъ установленнымъ законамъ Российской Имперіи, инструкціи и правиламъ моего казеннаго Высшаго, такъ и непосредственно Начальства, по совѣсти и безъ смелости и нести сущность казеннаго долгу въ исполненіи Ею Императорскаго Высочества, не щадя живота своего до последней капли крови, если оное и иначе поступать буду, то во всемъ умышленно противъ долга суровости и совѣсти, долженъ дать отвѣтъ предъ закономъ и передъ Богомъ, на страшномъ судѣ Его.

Во удостовѣреніе сего, крестомъ слова и крестомъ Спасителя моего. Аминь. 1889 года Июня 12 днѣ

По сему Клятвенному обещанію присягу принимаютъ отъ казеннаго Кладовоу Иванъ Щепкинъ въ присутствіи Привокзальнаго Кладовоу изъ Самарскаго Отделения Чужаго П. Сергеева

²⁶ ЦГАСО. Ф.276. Оп. 4. Д. 31. Л 4.

²⁷ ЦГАСО. Ф.276. Оп. 4. Д. 31. Л 5.

²⁸ ЦГАСО. Ф.276. Оп. 4. Д. 31. Л 5.

²⁹ ЦГАСО. Ф.276. Оп. 4. Д. 83. Л 1.

³⁰ ЦГАСО. Ф.276. Оп. 4. Д. 56. Л 8.

³¹ ЦГАСО. Ф.276. Оп. 4. Д. 36. Л 18.

³² ЦГАСО. Ф.276. Оп. 4. Д. 3. Л 5.

³³ ЦГАСО. Ф.276. Оп. 4. Д. 6. Л 8.

³⁴ ЦГАСО. Ф.276. Оп. 4. Д. 7. Л 2.

³⁵ ЦГАСО. Ф.276. Оп. 4. Д. 55. Л 55-57.

³⁶ ЦГАСО. Ф.276. Оп. 4. Д. 64. Л 16.

³⁷ ЦГАСО. Ф.276. Оп. 4. Д. 4. Л 33.

³⁸ ЦГАСО. Ф.276. Оп. 4. Д. 16. Л 25.

³⁹ ЦГАСО. Ф.276. Оп. 4. Д. 11. Л 24.

⁴⁰ ЦГАСО. Ф.276. Оп. 4. Д. 50. Л 30.

⁴¹ ЦГАСО. Ф.276. Оп. 4. Д. 52. Л 11.

⁴² ЦГАСО. Ф.276. Оп. 4. Д. 54. Л 9.

⁴³ ЦГАСО. Ф.276. Оп. 4. Д. 77. Л 4.

- ⁴⁴ ЦГАСО. Ф.276. Оп. 4. Д. 12. Л 5-10.
⁴⁵ ЦГАСО. Ф.276. Оп. 1. Д. 1042. Л 31.
⁴⁶ ЦГАСО. Ф.276. Оп. 4. Д. 19. Л 15.
⁴⁷ ЦГАСО. Ф.276. Оп. 4. Д. 16. Л 20.
⁴⁸ ЦГАСО. Ф.276. Оп. 4. Д. 69. Л 3.

- ⁴⁹ ЦГАСО. Ф.276. Оп. 1. Д. 1101. Л 1.
⁵⁰ ЦГАСО. Ф.276. Оп. 1. Д. 1101. Л 168.
⁵¹ ЦГАСО. Ф.276. Оп. 4. Д. 19. Л 31.
⁵² ЦГАСО. Ф.276. Оп. 1. Д. 984.
⁵³ ЦГАСО. Ф.276. Оп. 4. Д. 43. Л 6.

**THE STATE BANK OFFICE IN SAMARA REGION AT THE EARLY XX CENTURY:
ORGANIZATION OF INTERNAL LIFE**

© 2021 N.A. Cherkasova

Samara State University of Economics

On the base on archival documents, the author examines the social composition, educational level, and professional competencies of employees of the Samara office of the Russian Empire State Bank from the standpoint of the theory of institutionalism. The study comes to the conclusion about the gradual staff growth in the department, the improvement of the professional competencies of its employees, the manifestation of the social protection function by the bank. The author argues that the State Bank as an important system element of the capitalist economy in the Russian Empire at the beginning of the twentieth century still retained elements of traditional (paternalistic) relations in its inner life.

Keywords: State Bank, Russian Empire, XIX – early XX centuries, Samara region, institutional theory, bank as an institute, socio-cultural environment.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-4-23-33

Natalia Cherkasova, Chief Treasurer of the Federal Treasury Department for the SAMARA Region, Lecturer at the Faculty of Secondary Vocational Education at the Samara State University of Economics. E-mail: cherkasova.n.a@bk.ru

УДК 94(47).083

ПРОСТРАНСТВО ОБЩЕДОСТУПНЫХ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ МЕСТ ДОСУГА ГУБЕРНСКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ИНФРАСТРУКТУРЫ (НА МАТЕРИАЛАХ САМАРЫ)

© 2021 Е.Ю. Семенова

Самарский федеральный исследовательский центр РАН,
Самарский государственный технический университет

Статья поступила в редакцию 04.10.2021

В статье исследуется инфраструктура общедоступных мест – библиотек, театра, кинематографа, садово-парковой зоны – города Самара в период Первой мировой войны, а также деятельность городского самоуправления по их благоустройству. Анализируются материально-технические характеристики учреждений и зон досуга культурно-просветительской направленности, их приспособленность для посещения, соответственно, зрителем, читателем, прогуливающимся горожанином. На основе изучения материалов о Самаре сделано заключение, что, несмотря на наличие в условиях Первой мировой войны у жителей губернского города разноплановых мест для досуга культурно-просветительского формата, в губернском центре не по всем критериям было обеспечено удобство для посетителей. Выявлено, что в годы войны органы местного самоуправления осуществляли меры по оснащению и благоустройству имевшихся общедоступных досуговых культурно-просветительских мест в городе, стремились поддерживать и развивать их инфраструктуру, соотносить ее с требованиями безопасности.

Ключевые слова: городское пространство, библиотека, театр, кинематограф, садово-парковая территория, Самара.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-4-34-43

Тематика городского пространства активно разрабатывается на современном этапе развития науки в философском, социологическом, культурологическом, культурно-историческом контексте. Важной ее составляющей является культурно-просветительская и досуговая сфера. Исследователи подчеркивают, что городское пространство «как социокультурная среда тесно связано с жизненным пространством человека как субъекта социальных процессов», «означает социально-психологический, со-

циально-экономический и социокультурный контексты его существования»¹.

Характеризуя современную общедоступную библиотеку, Н.П. Опарина справедливо заключила, что данное учреждение призвано «формировать благоприятную для продвижения чтения информационную среду, в которой созданы условия для получения самыми широкими слоями населения полезной... и социально необходимой литературы... утверждая в общественном мнении представления о ценности... чтения и книжной культуры»². Полагаем, что такую же благоприятную соответствующую среду следует формировать и другим акторам культурно-просветительского досугового пространства города.

Однако следует учитывать, что кроме содержательного компонента (репертуарной части, тематики программ и т.п.) данная среда включает материально-техниче-

---

Семенова Екатерина Юрьевна, доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории и археологии Самарского федерального исследовательского центра РАН, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Самарский государственный технический университет».
E-mail: dashka129k@yandex.ru

ский аспект. Одна из трактовок фразы К.С. Станиславского в письме к цеху гардеробщиков МХАТ о том, что данный театр «отличается от многих других театров тем, что в нем спектакль начинается с момента входа в здание театра»⁵ определяет атмосферу комфорта и удобства для посетителя как необходимую составляющую культурно-просветительского заведения. Полагаем, что это важно не только в мирное время, в процессе размеренной жизни, но и в период нестабильности, когда комфортные условия досуговых культурно-просветительских практик могли обеспечить дополнительное приятие соответствующих форм проведения свободного времени у горожан, привлечь в места культурно-просветительского досуга больше зрителей, читателей, слушателей, вносили бы, пусть и небольшую, позитивную лепту в психологическую атмосферу жизни городского обывателя.

К настоящему времени тема культурно-просветительского досуга в городской среде в период Первой мировой войны достаточно разработана. Изучены виды и формы досуга⁴: библиотеки⁵, кинематограф⁶, театр, включая содержательную составляющую программ⁷, возможности городского ландшафта⁸, в том числе по материалам Самары и других городов Поволжья. В ряде работ рассматриваются проблемы ресурсной базы городских культурно-просветительских учреждений (наличие зимних и летних помещений для театральных постановок, количество и книжный фонд библиотек, проблемы разрушения садово-паркового пространства в условиях 1917 г.)⁹.

Однако вопрос о материально-технической основе, инфраструктурных возможностях культурно-просветительских досуговых мест города нуждается в дальнейшей разработке. Уместной территорией российской провинции периода Первой мировой войны с точки зрения изучения внутренней инфраструктуры, материально-технических условий функционирования общедоступных досуговых культурно-просветительских зон городской среды пред-

ставляется город Самара как губернский центр, находившийся на достаточном удалении от столицы, в тылу, в пределах которого в годы войны была развита сеть соответствующих объектов.

Общедоступные места культурно-просветительского досуга, сложившиеся в Самаре к началу войны, исходя из специфики внутреннего пространства можно разделить на две группы – открытые, располагавшиеся на воздухе, и закрытые, находившиеся в помещениях. Первая группа включает садово-парковое пространство, которое само по себе представляло возможности для прогулок, однако при наличии соответствующей инфраструктуры могло сочетать данный контекст с культурно-просветительской направленностью. Вторая группа представляет разнообразие, сопряженное с направлением деятельности заведения: культурно-просветительский досуг, связанный с визуальным, сценическим действием (театр, кинематограф); культурно-просветительский досуг визуально-тематической направленности (музей); культурно-просветительский досуг, ориентированный на удовлетворение читательского спроса (библиотека). Отметим, что репертуарно первые два компонента второй группы в Самаре в годы войны реализовывались и на площадках, не имеющих статуса «театр», «кинематограф», «музей», а знакомство с литературным словом осуществлялось и посредством лекций за пределами библиотечного помещения, что не является предметом анализа в данной статье.

Анализируя удобство помещений, обеспечивающих необходимый комфорт посетителю, отметим, что минимальный набор составляющих, позволяющих относительно длительное пребывание в данном пространстве, предполагает наличие гардероба, санитарной зоны, удобного места для просмотра программы.

Основным общедоступным театральным помещением в Самаре являлся Городской театр. К услугам посетителя самарского Городского театра из важных инфраструк-

турных компонентов были предоставлены следующие. Само расположение Городского театра было удобным для части горожан, поскольку он находился в 3-й городской части. Помещение театра было приспособлено для всесезонного приема посетителей и осуществления постановок. Оно состояло из двух частей, первая из которых включала вестибюль и фойе, а вторая – зрительный зал, специально оборудованный вентиляцией¹⁰. Помещение театра имело санитарные зоны (клозеты). Поправить прическу, одежду, макияж было возможно в дамской и мужской уборных, оборудованных венскими стульями, диванами и креслами, которых было больше для дам (не считая шести диванов к их услугам было предоставлено двадцать четыре места, а у мужчин, не считая двух диванов, – двенадцать), несколькими столиками, зеркалом (в дамской комнате их было два, в мужской – одно). Женская уборная также была оснащена эмалированными умывальниками¹¹.

Подсчет общего количества мест в театре вызывает вопросы. По одним источникам в Городском театре Самары было 529 мест, не включая места на галерее¹². Согласно счету Городского театра по инвентарной описи движимого и недвижимого имущества городского управления на 1 января 1912 г., сидячих мест в зале было не менее 567, включая места во всех ложах и партере на стульях и креслах, не считая мест на шести венских диванах в ложах и мест на пяти скамейках в амфитеатре¹³. Однако данная опись не включает сведения об удобстве части зала. Другие источники дают статистику по вместимости зрительного зала в 989 мест¹⁴, отмечается, что амфитеатр был с «галереей и балконом»¹⁵. Не все места были удобны для просмотра спектакля. В амфитеатре зрители сидели на пяти общих деревянных скамейках, обитых красным сукном¹⁶. Из 153 зрительных мест, расположенных на галерее, 58 позволяли осуществлять просмотр спектаклей только стоя¹⁷.

Выгодно отличались от такой обстановки места в губернаторской ложе, оснащенной

особыми удобствами. Кроме двух диванов в ней была собственная вешалка, зеркало и плевательница, стол был покрыт скатертью, на столе к услугам посетителей имелся графин с водой, а под ногами лежали два ковра. Ложа не предполагала большого количества зрителей, в ней размещались всего пять стульев. Столики стояли также в «ложе бельэтажа с правой стороны», «левой ложе бенуа», «литере «Е» лож третьего яруса», зрительское пространство каждой из которых было укомплектовано также венским диваном и шестью венскими стульями. В указанных ложах стулья не соединялись между собой, у посетителей была возможность менять их разворот в целях удобства.

Неоднозначным представляется комфорт партерной части зрительного зала, в которой из двухсот девяноста двух мест восемь составляли деревянные кресла, восемьдесят – деревянные венские стулья, а двести четыре – чугунные кресла¹⁸.

Разница в комфорте места, занимаемого зрителем в Городском театре, соотносилась с ценой на билет. В 1914 г. цены за билет на утренние спектакли отличались на галерее от 5 коп. (зритель смотрел спектакль стоя) до 20 коп. (сидячие места) и доходили до 4 руб. в лучших зонах просмотра. На бенефисные спектакли они составляли соответственно 25 коп. и 40 коп. на галерее и до 9,5 руб. в лучших зонах. На общедоступные спектакли цены на билет были существенно привлекательнее, соответственно 5 коп. и 20 коп. на галерее и до 5 руб. в лучших зонах зала. А на обыкновенные спектакли билет стоил соответственно 25 коп. и 40 коп. в галерее и до 8,5 руб. в лучших зонах зрительного зала¹⁹.

Перед спектаклем и в антракте публика могла воспользоваться услугами гостиной (где размещались три дивана, восемь венских стульев и четыре кресла), фойе (в котором стояли двенадцать деревянных кушеток и семнадцать деревянных табуретов), посетить чайную комнату фойе (на тридцать одно место из венских стульев)²⁰. В свободное от спектакля время в театре

функционировали три буфета – один «винный» и два «чайных». Когда встал вопрос о ремонте театра в 1915 г., то первый было решено отдать под увеличение гардероба²¹.

С гардеробом в Городском театре не все обстояло благополучно. Имевшегося пространства было недостаточно, в результате его переполнения при раздевании и одевании часто возникала давка. Кроме того, некоторые любители спектаклей при посещении театра в холодное время года простужались по причине отсутствия на входе теплого помещения. Данная проблема рассматривалась как отдельный момент в ходе обсуждения вопроса о ремонте здания театра в 1916 г. В результате городское самоуправление постановило для удобства посетителей театра создать при входе в театр теплый фронтон с двумя входными дверями размером 3,5 м в высоту, 3,2 м – в длину и 2,5 м – в ширину²².

В октябре 1916 г. артисты и зрители впервые за период войны столкнулись с таким неудобством, как проблема холода не только при входе, но и в помещении театра. Имевшийся спуск для дров в калорифер (включал шесть топок) нуждался в ремонте, который не был своевременно проведен²³.

Отметим, что необходимость ремонтных работ в театре рассматривалась городским самоуправлением еще в 1915 г., однако выделенных средств в 1060 руб. оказалось недостаточно. С учетом ремонта калорифера, цементирования площадки террас, внутренней покраски и кровельных работ нужная сумма увеличивалась до 2600 рублей. В августе 1916 г. Театральная комиссия Городской управы составила список необходимых работ, включавший около двух десятков пунктов. Их содержание свидетельствует о том, что зрителей при посещении театра к данному времени «встречал» кроме указанных выше еще ряд неудобств. Так, предлагалось сделать форточки в курительных, что свидетельствует о распространении табачного дыма за их пределами. Пункты о покраске деревянных скамеек в амфитеатре, на балконе и в галерее, покра-

ске умывальников в клозетах, побелке стен в амфитеатре свидетельствуют о приходе помещения в некоторое запустение, что не совмещается с понятием театра как культурно-просветительского центра²⁴.

Более того, оказалось, что театр являлся местом не вполне безопасным для посещения. Так, проверка пожарных рукавов обнаружила, что пять из них являются худыми и короче необходимой длины. В негодность пришли веревки, которые поддерживали декорации на сцене²⁵.

Нам удалось выявить документы, свидетельствующие о заключении городским самоуправлением контрактов на подрядные работы по ремонту помещения театра с рядом предпринимателей, в том числе Пейсаховичем, Елисеевым, Шалигуровым, Чаплыгиным²⁶. Однако не установлено, были ли данные подряды реализованы в полной мере и в какой период.

Кроме Городского театра общедоступными сценами для самарских театралов являлись всесезонное помещение Народного Дома комитета попечительства о народной трезвости, включавшее двадцать три ряда «партера» и пять рядов галереи, помещение при обществе дома трудолюбия, рассчитанное на 250 «стоячих» мест и 476 «сидячих» мест. В Собрании служащих в правительственных учреждениях размещалась разборная сцена для всесезонных постановок с возможностью предоставить зрелище зимой для 140 «сидячих» мест и 30 «входных», а летом – 430 мест, в том числе 240 «стоячих» и 190 – «на хорах»²⁷.

Как и в Городском театре, в других приспособленных для постановок помещениях комфорт для зрителя соотносился с ценой на билет. Так, в помещении Народного дома просмотр спектакля по «входному» билету и на местах на галерее обходился в 2 коп., а места в рядах – в 3, 5, 7, 10, 12, 15, 17 и 20 коп., в зависимости от близости к сцене²⁸. Таким образом, для значительной части публики общедоступная для просмотра театральная постановка осуществлялась в неудобном для зрителя положении.

Наиболее комфортным по масштабам и обустройству помещением для общедоступного чтения в годы Первой мировой войны в Самаре продолжала являться Александровская публичная библиотека, имевшая собственное здание. Посетители библиотеки могли комфортно разместиться для чтения за столами (всего их было двадцать один). Удобство чтения обеспечивало освещение. Однако настольных ламп для всех столов в библиотеке не хватало, их было только семнадцать, причем только три из них – электрические (остальные – керосиновые). Яркость освещения поддерживалась благодаря люстрам. Книги в данной библиотеке размещались в шкафах (их было шестьдесят девять). К удобству посетителей в помещении библиотеки были предоставлены пять диванов, в витраже демонстрировались познавательные выставки. Кроме того, читатели могли следить за временем по библиотечным часам, а любознательные – даже контролировать атмосферное давление по результатам на барометре²⁹. Услуги чтения предоставлялись не только в помещении самой библиотеки, но также обеспечивалась возможность взять литературу по абонементу³⁰. Для удобства оформления такой услуги использовались специальные конторки³¹.

В годы войны городское управление финансировало содержание помещения библиотеки, выделяя средства на освещение и отопление, натирку полов, починку мебели, приобретение новых шкафов в связи с расширением библиотечного фонда³². Интерес к посещению библиотеки и в связи с наличием ряда удобств, в том числе возможности оформления абонемента, был относительно стабильным. Если за 1914 г. в библиотеке отмечалось 34124 посещения и 1642 выдачи абонементов, то в 1915 г. соответственно 36887 и 1958, а в 1916 г. – 31526 и 2398³³.

Горожане также могли воспользоваться услугами библиотеки Самарского общественного собрания, которая располагалась в комнате здания, занимаемого Собранием.

В отличие от Александровской публичной библиотеки данное помещение было плохо оснащено, иногда использовалось под «карточную комнату». При посещении читального зала, совмещенного с хранилищем, читатели сами выбирали книги с полок. Только в 1916 г. библиотека Общественного собрания получила специальное оборудование – столы для читального зала, шкаф для книг. Кроме того, изменился ее антураж – были выставлены портреты писателей³⁴. Отметим, что позитивные изменения в комфорте для посетителей библиотеки пришлось именно на военный период.

Привлекательным для городского обывателя местом досуга в годы Первой мировой войны являлся синематограф или биоскоп, в котором осуществлялся просмотр киносеансов. Хотя репертуарная часть синематографа не является предметом данной статьи, отметим, что с точки зрения культурно-просветительской миссии синематограф данной эпохи вызывает противоречивые суждения, учитывая наличие таких фильмов, как фильмы ужасов «дьяволиады», пропагандистские картины, преобладание развлекательного над познавательным компонентом. Пребывание в кинозале зависело от продолжительности киносеанса.

Документы позволяют заключить, что в годы войны городское самоуправление стремилось к тому, чтобы владельцы синематографа неукоснительно соблюдали условия, необходимые для безопасного и комфортного пребывания посетителей. Все прошения, которые поступали в органы городского самоуправления по поводу открытия помещения для работы кинозала, проходили необходимую экспертизу и при утверждении каждого из них содержался перечень необходимых к соблюдению технических условий, которые следовало выполнить для получения разрешения на работу заведения. Отметим, что ключевые требования по безопасности фактически предполагали размещение синематографа в каменном здании, находящемся на

территории свободного пространства. Его расположение в одном здании с магазином или иными местами для активного посещения обывателями было затруднено конструктивно, а для реализации требовало существенных вложений. Перечень данных требований отличался - зависел от насыщенности проекта необходимыми компонентами по созданию безопасных для посетителей условий. Например, Николай Михайлович Дуберштейн получил разрешение на прошение (с приложением проекта устройства электроосвещения) об открытии синематографа в Солдатской слободке в январе 1915 г. только с небольшим замечанием – условием соблюдения им всех требований, предъявляемых к помещению для киносеансов, разработанных самарским самоуправлением еще в 1911 г.³⁵

В ответ на прошение Василия Васильевича Шаталова о размещении биоскопа на втором этаже в каменном доме на углу улиц Панской и Самарской, поданное в феврале 1915 г., Городская управа потребовала более существенных доработок – устроить санитарную зону с мужским и женским отделениями, исключить в конструкции возможность сообщения между помещениями кинематографа и магазина, а также включило требование об утверждении губернским правлением проекта электрического освещения³⁶.

В случае обращения с соответствующим ходатайством от 26 июня 1915 г. Николая Дмитриевича Новокрещенова, учитывая размещение в выбранном под биоскоп двухэтажном каменном здании на углу улиц Садовой и Ярмарочной еще и магазина, самоуправление потребовало осуществить еще больше доработок: соорудить три лестницы из несгораемого материала, разделенные между собой в целях наличия нескольких выходов из зала; обеспечить запасной выход в фойе, а из фойе на террасу из несгораемого материала; полы и перегородки в помещении изготовить также из несгораемого материала; обязательно утвердить губернским правлением проект электрического освещения³⁷.

Наиболее примечательной историей с точки зрения внимания городского самоуправления к неукоснительному соблюдению ключевых требований по безопасности и удобству для публики при функционировании кинематографа, по нашему мнению, является эпопея, связанная с прошением В.М. Смыслова, желавшего открыть еще один кинематограф со зрительным залом на 572 места на улице Дворянской. Данная история также свидетельствует о расхождении имеющихся правил о технических аспектах функционирования синематографа и реальной жизни. Она затянулась на год, с сентября 1914 г. по октябрь 1915 г., поскольку было выявлено, что не только нет технических оснований для открытия нового синематографа на предлагаемой территории, а, наоборот, следует закрыть ныне функционирующий («Модерн») в связи с несоответствием ряду требований (в том числе отсутствие свободного подъезда по фактически территории соседского двора; недостаточность свободного пространства рядом со зданием, в котором размещался кинематограф). В.М. Смыслов оказался деятельным человеком и решил выйти из сложившейся ситуации, изменив проект. Спустя две с половиной недели он предложил расширить уже имевшийся биоскоп путем сноса части дворовых построек, заключить с соседом договор об аренде принадлежавшей ему земли на пять лет, а также указать в нем обязательный пункт о необходимости «статуса» ворот на данной территории (их следовало обязательно держать открытыми в период работы синематографа). Данные изменения вписывались в минимум самых необходимых требований. Однако представительство Городской управы осуществило осмотр данной территории с участием архитектора только во второй половине октября 1915 г. Данный промежуток объясняется необходимостью выполнения Смысловым дополнительных требований к устройству кинематографа (переустроенный биоскоп получил название «Колизей»): расширить коридор, создать лестницы и лестничные

клетки из негорючих материалов, обеспечить в конструкции наличие запасных выходов во двор, предоставить проект электрического освещения³⁸.

Подчеркнем, что создаваемые синемаатографы располагались в разных частях города: Н.Д. Новокрещенова – в 5-й, В.М. Смылова – в 1-й, В.В. Шаталова – во 2-й, Н.М. Дуберштейн – как отмечалось, в Солдатской слободке, что обеспечивало более удобный по месту проживания доступ в кино.

Досуговой практике горожан были предоставлены садово-парковые зоны Самары. Их благоустройство отличалось в возможностях комфорта, а также соотношении досуга с культурно-просветительским контекстом. Само расположение садово-парковых зон охватывало только несколько частей города, а их площади существенно отличались: в 1-й части располагались Александровский сад (1,4 га, на Театральной площади), Алексеевский сквер (0,69 га, на Алексеевской площади), Набережный сквер (самый маленький – 0,04 га, у дома Кожевникова в 44-м квартале), во 2-й части – Покровский сад (6,76 га, на Покровской площади), в 3-й части – Струковский сад (1,1 га, вдоль берега Волги), Новособорный сад (самый масштабный – 11,6 га, на Соборной площади)³⁹. Только на территории Струковского сада располагалось помещение «курзала» («воксала»), в котором летом устраивались театральные и концертные постановки. Причем все сидячие места для зрителей были старыми, 1877 и 1884 годов установки, различались между собой удобством, располагались на четырнадцати венских стульях, трех венских диванах с деревянной спинкой и наименее удобные – на 19 скамейках⁴⁰. Также в саду размещалась деревянная веранда для оркестра, что позволяло устраивать музыкальные концерты. К услугам избранной публики в пространстве сада функционировали Купеческое и Дворянское собрания. Сад охранялся, на его территории находилась будка полицейского. Прогулки посетители сада могли осуществлять не только

среди деревьев и кустарника, но также и в цветочной оранжерее. В парке был разбит каменный грот («выложен в виде арки»), в котором можно было посидеть на скамейках. В летнее время к услугам посетителей на территории сада предлагались к продаже фрукты и прохладительные напитки в двух павильонах. Важным компонентом для длительного пребывания в саду были две ретирады (туалеты)⁴¹.

Прочие садово-парковые территории были оснащены менее комфортно. Ретирада работала только на территории Новособорного сквера. Только в Александровском саду располагался деревянный двухэтажный «воксал» с террасой, но в отличие от Струковского он не имел особого оснащения для зрителей. На территории Набережного сквера был павильон для продажи минеральной воды. Стационарная охрана (сторож) действовала в Новособорном сквере, Александровском и Покровском садах⁴². Таким образом, в целях организации и проведения культурно-просветительского досуга в относительно комфортных условиях из садово-паркового пространства Самары можно было использовать только Струковский сад. Причем в 1917 г. его территория, как и территория других садово-парковых зон города, стала подвергаться разорению со стороны местных жителей и военных⁴³.

Комплекс культурно-просветительских мест в досуговом пространстве Самары периода Первой мировой войны, являвшихся общедоступными, отличался разнообразием возможностей. Однако пространство самих мест культурно-просветительского досуга следует определить как неоднородное. Наиболее значимые комфортные условия помещения Городского театра включали наличие удобных мест в зрительном зале и помещений, в которых в антракте можно было привести себя в порядок, отдохнуть от зрелища, пообщаться, устроить легкий перекус. В городской публичной библиотеке наиболее значимым ракурсом комфорта было наличие условий (отдельного помещения, столов, стульев, освещения) для чте-

ния. В пространстве садово-парковой зоны Струковский сад обеспечивал возможность для просмотра и прослушивания концертно-постановочных программ.

Однако стоит отметить, что условия комфорта в каждой из зон, возможных для культурно-просветительского досуга, имели свои специфические недостатки. В Городском театре, как и в других помещениях, предоставлявших доступ для сценических постановок, они касались наличия таких зрительских мест, которые были неудобны для длительного просмотра спектакля. Также в Городском театре существовали дополнительные неудобства в пределах и за пределами зрительного зала, к числу которых относились холод в зале (с 1916 г.) и в вестибюле, теснота в гардеробе, неприятные запахи из курительной. Для библиотеки наиболее значимыми некомфортными условиями являлись: отсутствие нормального освещения рабочего места для части посетителей при полной загрузке читального зала в городской публичной библиотеке, отсутствие оснащённости помещения до 1916 г. в библиотеке Общественного собрания. Для садово-парковой зоны отметим ее малую включённость по причине ресурсного контекста в культурно-просветительский досуг, а также отсутствие необходимой для досугового пространства санитарной зоны по ряду данных объектов.

Подчеркнем, что в годы Первой мировой войны органы городского самоуправления в Самаре не только выявляли проблемы в функционировании ресурсов культурно-просветительского досугового пространства, но и предприняли ряд мер для их исключения. Для библиотеки они заключались в оснащении помещения столами, стульями, книжными шкафами. Для театра был разработан и начал реализовываться масштабный план ремонтных работ, направленный на нормализацию отопления, благоустройство пространства пребывания зрителей вне зрительного зала. Особо отметим внимание городского самоуправления к вопросу развития сети кинематографов в

городе. Каждый из проектов проходил тщательную экспертизу и должен был отвечать требованиям электро- и пожаробезопасности, санитарным требованиям.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Недосека Е.В. Пространство досуга как территориальная социокультурная организация // Проблемы развития территории. 2013. Вып. 4(66). С. 66.
- ² Опарина Н.П. Культурно-досуговая среда современной общедоступной библиотеки // Восьмые Азаровские чтения. Библиотека. Культура. Общество. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под ред. И.Ю. Акифьевой. Самара, 2018. С. 256.
- ³ Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М., 2003. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/2678/Театр (дата обращения: 15.09.2021).
- ⁴ Казакова-Анкаримова Е.Ю. Формы городского досуга на Урале в начале XX в.: традиционализм и модерность // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: Материалы Междунар. науч. конф.: В 2 т. Т.1. СПб., 2018. С. 365–369; Семенова Е.Ю. Виды и формы досуга горожан Поволжья в годы Первой мировой войны // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. №1. С. 60 – 67.
- ⁵ Завальный А. Библиотечная жизнь в Самаре в 1917 году // Свежая газета. Культура 2017. Июнь. №11(119); Коннонов И.С. Публичные библиотеки в культурной среде российской провинции во второй половине XIX - начале XX века (на примере Пензенской, Самарской и Симбирской губерний) // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. №119. С. 58; Матвеев М. Ю. Организация библиотечной сети в дореволюционной России, конец XIX – начало XX в. // Вестник СПбГУКИ. 2015. №1(22). С. 94 - 100; Шувалов Ю.Б. Досуговое чтение в годы Первой мировой войны: специфика и содержание (по материалам Пермской губернии) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2017. №4 (39). С. 24 - 34.

- ⁶ Алексеева Е.П. Развитие и становление кинематографа в Казани и Казанской губернии (1897–1917 гг.). Казань, 2007; Буданова А.А. Развитие кинематографии в Самарской губернии за 1898 - 1917 гг. // Краеведческие записки. Самара, 1996. Вып. VIII. С. 119–133; Попов П. Самарский бульвар Капуцинов // Аргументы и факты. 2010. 10 августа. URL: <https://samara.aif.ru/society/details/126341> (дата обращения: 12.09.2021); Семенова Е.Ю. Кинематограф – феномен отечественной культуры в годы Первой мировой войны (по материалам поволжских губерний) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2007. Т. 9. №2. С. 364 - 371.
- ⁷ Родионова О.Р. Народное театральное творчество в Российской провинции в конце XIX - начале XX в. (на примере Нижневолжского региона) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. 2009. №1(15). С. 180–185; Семенова Е.Ю. Культура Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.): по материалам Самарской, Симбирской, Пензенской и Саратовской губерний. Самара, 2007. С. 175 – 193.
- ⁸ Рябова С.А. «Ох, тяжелы цилиндры и «панамы» летних антрепренеров!»: Социальный портрет антрепренеров увеселительных садов начала XX в. // Родина: российский исторический журнал. 2015. № 11. С. 105 – 107; Семенова Е.Ю. Влияние Первой мировой войны на садово-парковое пространство в тыловых городах России (по материалам Поволжья) // Первая мировая война в истории российской нации: сб. науч. ст. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию начала Первой мировой войны (г. Пенза, 10 – 11 июня 2014 г.) / под общ. ред. О.А. Суховой, О.В. Ягова. Пенза, 2014. С. 143–146.
- ⁹ Семенова Е.Ю. Возможности чтения в условиях провинциального российского города в годы Первой мировой войны (по материалам Поволжья) // Научный диалог. 2021. № 1. С. 392 – 410; *Ее же*. Охрана городского ландшафта в условиях революционного 1917 года: проблемы и пути их решения (на примере г. Самара) // Самарский научный вестник. 2020. №2. С. 188 – 193; *Ее же*. Работа театра в городах Поволжья в годы Первой мировой войны: специфика инфраструктуры и ее влияние на репертуар и посещаемость // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. №5. С. 48 – 56.
- ¹⁰ Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 153. Оп. 39. Д. 1. Л. 26.
- ¹¹ Там же. Д. 3. Л. 203–204.
- ¹² РГАЛИ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 2591. Л. 100–103.
- ¹³ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 39. Д. 3. Л. 203–204.
- ¹⁴ РГАЛИ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 3001. Л. 110.
- ¹⁵ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 39. Д. 1. Л. 26.
- ¹⁶ Там же. Д. 3. Л. 203–204.
- ¹⁷ РГАЛИ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 3001. Л. 110.
- ¹⁸ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 39. Д. 3. Л. 203–204.
- ¹⁹ РГАЛИ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 3001. Л. 111.
- ²⁰ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 39. Д. 3. Л. 203–204.
- ²¹ Там же. Оп. 37. Д. 274. Л. 13.
- ²² Там же. Л. 13, 18.
- ²³ Там же. Л. 14, 21.
- ²⁴ Там же. Л. 22.
- ²⁵ Там же. Л. 1, 25.
- ²⁶ Там же. Л. 15, 16, 17, 18, 24 об.
- ²⁷ РГАЛИ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 2591. Л. 100–103; ЦГАСО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 91. Л. 8 об., 40.
- ²⁸ ЦГАСО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 91. Л. 8 об., 40.
- ²⁹ Там же. Ф. 153. Оп. 39. Д. 3. Л. 199.
- ³⁰ Там же. Ф. 674. Оп. 1. Д. 7. Л. 5 об., 29 об., 82.
- ³¹ Там же. Ф. 153. Оп. 39. Д. 3. Л. 199.
- ³² Там же. Ф. 674. Оп. 1. Д. 7. Л. 17 об., 26 об., 71.
- ³³ Там же. Ф. 674. Оп. 1. Д. 7. Л. 4 об, 5, 29, 30 об., 79, 81.
- ³⁴ Отчет Самарского общественного собрания за 1914–1915 год и приходно-расходная смета на 1915–1916 г. Самара: Эл.-тип. Клинингер С. П., 1915. С. 1, 3.
- ³⁵ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 38. Д. 855. Л. 6, 7–7 об.
- ³⁶ Там же. Д. 860. Л. 3, 5–5 об.
- ³⁷ Там же. Д. 865. Л. 4, 5–5 об., 8.
- ³⁸ Там же. Д. 851. Л. 6–6 об., 14–15, 19.
- ³⁹ Там же. Оп. 39. Д. 1. Л. 2–3.
- ⁴⁰ Там же. Д. 3. Л. 3.
- ⁴¹ Там же. Д. 1. Л. 51–55; Д. 52. Л. 1–3.
- ⁴² Там же. Д. 1. Л. 56–59.
- ⁴³ Семенова Е.Ю. Охрана городского ландшафта в условиях революционного 1917 года... С. 190–192.

**THE SPACE OF PUBLIC ACCESSIBLE CULTURAL AND EDUCATIONAL PLACES OF LEISURE
IN THE PROVINCIAL CITY, CENTRE OF GOVERNORATE, DURING THE FIRST WORLD WAR:
OPPORTUNITIES AND PROBLEMS OF INFRASTRUCTURE (ON THE MATERIALS OF SAMARA)**

© 2021 E.Yu. Semenova

Samara State Technical University,
Samara Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

The article contains a study of the infrastructure of public places, i.e., libraries, theater, cinema, garden and park zone, of the city of Samara during the First World War, as well as the activities of the city government for its improvement. The author estimates the material and technical characteristics of the cultural and educational institutions and leisure areas, their convenience for visiting by the viewer, reader, or walker. On the base of the materials from Samara, the author came to a conclusion, that, despite the existence of diverse places for cultural and educational leisure in the urban space, such institutions and areas of the provincial center did not provide necessary convenience for visitors according to all criteria. It is revealed that local self-governmental bodies carried out measures to equip and improve the available public leisure cultural and educational places during the war, sought to maintain and develop their infrastructure, enforce safety requirements.

Keywords: urban space, library, theater, cinema, garden and park area, Samara.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-4-34-43

Ekaterina Semenova, Doctor of History, Associate Professor, Senior Researcher Fellow, History and Archeology Department, Samara Federal Research Center of RAS; Professor, Department of Philosophy, Social Studies and Humanities, Samara State Technical University. E-mail: dashka129k@yandex.ru

УДК 930.85

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ: ОПЫТ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ

© 2021 Н.С. Мухаметшина¹, Е.И. Костюкова², О.Р. Паренькова²

¹ Самарский государственный технический университет

² Московский государственный медико-стоматологический университет имени А. И. Евдокимова

Статья поступила в редакцию 05.09.2021

В статье рассматриваются этапы государственной политики в сфере образовательной миграции, анализируются программы повышения привлекательности российских вузов для иностранных студентов, организационные формы работы с иностранными студентами, практики социальной адаптации, применяемые в российских университетах в постсоветский период. Основное внимание уделено результатам опроса иностранных студентов, обучающихся в Московском государственном медико-стоматологическом университете имени А.И. Евдокимова.

Ключевые слова: учебная миграция, социальная адаптация, студенческая молодежь.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-4-44-51

Учебная (образовательная) миграция – явление, имеющее давние, многовековые традиции. Возникали и формировались специфические формы и направления учебной миграции. Время, историческая эпоха оказывали влияние на культурные образцы взаимодействия участников учебной миграции. В эпоху глобализации учебная миграция, как и в целом феномен миграции, приобрела географическую, социальную, физическую масштабность, претерпела качественные изменения. Все эти процессы отличает повышенная динамичность, многокомпонентность, что неизбежно порождает социокультурную напряженность. В этой связи актуализируется проблема социальной, или точнее – социокультурной адаптации субъектов учебной миграции. Обратим внимание, что к субъектам учеб-

ной миграции можно отнести всех, кто совершил переезд из места проживания (города, села, иных типов поселений) к месту нахождения учебного заведения. В соответствии с типологией социальной мобильности выделяют внутреннюю и внешнюю миграцию, в демографии существуют более детальные описания типов миграции. Учебная (образовательная) миграция рассматривается как один из видов социальной миграции и как направление в миграционных исследованиях.

Учебная (образовательная) миграция как направление государственной политики России существует без малого двести лет. Феномен активно изучался и изучается отечественными исследователями в рамках экономики, демографии, социологии, права¹. История образовательной миграции остается на периферии научных интересов. В диссертации доктора социологических наук Е.Е. Письменной, выполненной в 2009 году в Институте социально-политических исследований РАН, предложена периодизация образовательной миграции в России. Автор выделяет четыре этапа: 1 этап – с 1840-х гг. до 1920-х гг.; 2 этап – с 1920-х гг.

Мухаметшина Наталья Семеновна, доктор политических наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук.

E-mail: nmukhametshina@mail.ru

Костюкова Елена Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории медицины.

E-mail: historymtd@mail.ru

Паренькова Ольга Рудольфовна, кандидат медицинских наук, доцент кафедры истории медицины.

E-mail: historymtd@mail.ru

до середины 1940-х гг.; 3 этап – с середины 1940-х гг. до начала 1990-х гг.; 4 этап – с 1991 г. по настоящее время. Представлены краткие характеристики каждого этапа образовательной миграции, обозначены их особенности². Подчеркнем, что хронология периодизации опирается на такой формальный критерий как государственная политика в сфере привлечения иностранцев в отечественные вузы. В 1840-е гг. в российские университеты по своей инициативе стали более активно приезжать иностранные студенты, но, главное, начала формироваться государственная политика по привлечению иностранной молодежи в ведущие светские и духовные высшие учебные заведения. В этом плане представляет интерес работа А.В. Казакова, охватившая период с конца XIX века до начала 1940-х гг.³. Более глубокий анализ позволит уточнить как хронологические рамки, так и содержательный аспект истории учебной (образовательной) миграции в России.

В данной статье авторы обращаются к учебной (образовательной) миграции, субъектами которой являются иностранные студенты, приехавшие для получения высшего профессионального образования в российские вузы в постсоветский период. Предмет анализа – технологии и результаты социокультурной адаптации субъектов учебной миграции новейшего времени. Под социальной адаптацией мы понимаем процесс приспособления индивида к новым для него условиям жизнедеятельности. В контексте проблематики статьи – к условиям проживания и обучения в инокультурной среде и специализированную деятельность, направленную на оптимальное приспособление к инокультурной среде.

В последние годы возросли и продолжают увеличиваться объемы внешней учебной миграции в российские учебные заведения. Практически во всех вузах Российской Федерации обучаются иностранные студенты. Платные образовательные услуги, включение в перечень критериев эффективности деятельности вуза наличия иностранных

обучающихся, разработанные правительством стимулирующие программы мотивируют руководство вузов активно заниматься привлечением данной категории, а также правовым, социальным, культурным, бытовым и прочими аспектами их обустройства.

В мае 2017 года на заседании президиума Совета при Президенте России по стратегическому развитию и приоритетным проектам был утвержден приоритетный проект «Развитие экспортного потенциала российской системы образования», подготовленный Министерством образования и науки. В октябре 2018 года постановлением Правительства утвержден порядок предоставления субсидий в рамках реализации приоритетного проекта⁴. Срок реализации проекта – с 2017 года по 2025 год включительно. На первом этапе отработка проекта осуществлялась в 20 вузах, а с 2021 года началось его внедрение во все вузы страны, определенные коррективы внесла пандемия. На государственном уровне поставлена цель повышения привлекательности и конкурентоспособности российского образования на рынке образовательных услуг. Предполагается, что в результате реализации проекта количество иностранных студентов, обучающихся очно в российских вузах, увеличится более чем в 3 раза (220 тыс. в 2017 г., 710 тыс. в 2025 г.), количество слушателей онлайн курсов – также более чем в 3 раза (1,1 млн в 2017 г., 3,5 млн в 2025 г.). Приоритетный проект предусматривает работу и с иностранными школьниками, численность которых в различных формах дополнительного образования также должна существенно увеличиться.

Названные документы – дополнительный и действенный стимул для вузов. Следует отметить, что многие вузы внедрили либо вернулись к опыту подготовки иностранных специалистов задолго до принятия приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования». На сайтах вузов представлена различная информация о деятельности в данном направлении. Так, в Саратовском

государственном медицинском университете обучение иностранных студентов осуществляется с 1991 года. В структуре вуза – деканат по работе с иностранными студентами, основными функциями которого являются довузовская подготовка, обучение на вузовском и послевузовском этапах. Помимо продолжающейся лингвистической подготовки на первом курсе студенты «знакомятся с традициями России и особенностями культуры в специальном курсе «Страноведение». В период обучения студенты проходят клиническую практику в стационарах города, что позволяет выпускникам университета успешно адаптироваться в профессиональной деятельности»⁵. Социальная адаптация в этом вузе включает такую педагогическую технологию, как тьюторство. В университете регулярно проводятся дни национальных культур, студенты – иностранцы активно задействованы в различных творческих и спортивных форматах.

В Поволжском государственном технологическом университете (Йошкар-Ола) активное обучение иностранных студентов началось в 2010 году, когда был создан Центр по работе с иностранными обучающимися. В вузе накоплен существенный организационный опыт, но особо следует отметить системную работу по социальной адаптации иностранных студентов⁶. В 2018 году Марийский государственный университет вошел в число пилотных по реализации приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования», что позволило существенно увеличить количество иностранных студентов. В частности, в МарГУ для получения медицинского образования приезжают студенты из Индии. Существенный фактор – вуз входит в число 14 университетов России, официально рекомендованных Медицинским советом Индии⁷, марийские вузы пользовались популярностью у иностранных студентов задолго до утверждения официального статуса. В итоге накоплен позитивный опыт социокультурной адаптации⁸.

В вузах Самарской области обучаются студенты из десятков стран мира. Объемы внешней учебной миграции продолжают увеличиваться. В этой связи в структуре вузов созданы специальные подразделения. Например, в Самарском государственном экономическом университете в 2017 году образован отдел по работе с иностранными обучающимися, в Самарском государственном техническом университете с 2016 года функционирует Управление по работе с иностранными студентами. В Самарском государственном медицинском университете набор и обучение иностранных студентов курирует отдел международного сотрудничества и образования. Эти примеры можно продолжить. Информация на официальных сайтах свидетельствует о том, что руководство вузов и работники соответствующих подразделений осознают необходимость социальной адаптации иностранных студентов к отличительной культурной среде⁹. Технологии социальной адаптации, как правило, включают этнокультурные мероприятия, интернациональные клубы, союзы иностранных студентов. Например, в Мордовском государственном университете имени Н.П. Огарева успешно работает Союз иностранных студентов, который проводит работу в различных направлениях, в первую очередь уделяя внимание учебной и воспитательной деятельности. С этой целью организуются национальные праздники и фестивали¹⁰. Такой подход дает возможность иностранным студентам ознакомиться с новой социокультурной средой, а российским студентам и жителям – с культурой приезжих. Межкультурное взаимодействие – наиболее востребованный формат, который использует большинство учебных заведений.

Социокультурная адаптация и интеграция инокультурных мигрантов и принимающего населения – востребованная научная проблема. В связи с ростом объемов внешней учебной миграции и проблем, возникающих в процессе взаимодействия, активизировались исследования, предметом

которых является социокультурная адаптация иностранных студентов в принимающую среду. Инициаторами таких исследований, как правило, выступают представители тех вузов, которые и в практическом плане имеют опыт работы с иностранными студентами¹¹. Опубликованные результаты исследований представляют географию научного интереса к проблематике – это Москва, Краснодар, Воронеж, Ярославль, Томск, Оренбург, Волгоград и т.д. Обратим внимание на публикацию Д.С. Дрожжиной, в которой проанализированы подходы к изучению социальной адаптации иностранных студентов российскими исследователями и поставлен вопрос о необходимости более внимательного отношения к методологии, прежде всего на операциональном уровне. В статье представлен кейс Томского политехнического университета¹². Результаты и перспективы образовательной миграции как ресурса формирования трансграничного общества рассмотрены в работах томского исследователя Н.П. Погодаева¹³. Исторические связи и современные перспективы подготовки специалистов для государств Центральной Азии рассмотрены в статье волгоградских исследователей¹⁴.

На состоявшемся в 2021 году XIV Конгрессе антропологов и этнологов России (Томск, 6-9 июля) в секции «Мигранты и принимающие сообщества» была сформирована панель «Социокультурная адаптация иностранных студентов в России». Участники панели представили как практики социокультурной адаптации, так и результаты научных исследований¹⁵.

В Московском государственном медико-стоматологическом университете имени А.И. Евдокимова (МГМСУ) создан деканат по работе с иностранными обучающимися. В 2021 году авторами был реализован инициативный проект, направленный на изучение проблем, с которыми сталкиваются большинство иностранных студентов. Методология исследования - качественный метод сбора эмпирического материала. Было проведено 82 полуформализованных

интервью, в которых приняли участие студенты из Исламской Республики Иран. Из них 48 женщин и 34 мужчин. По этнической принадлежности 80 информантов являются этническими иранцами, 2 – этническими киргизами. 80% студентов составляют люди в возрасте 20-25 лет. Большинство из них окончили школу, 34% опрошенных имеют высшее образование, но решили изменить профессию. 50 человек на момент поступления в МГМСУ имели среднее (полное) общее образование, 28 человек – высшее образование, среднее специальное образование – 4 человека.

В силу возрастных и психологических особенностей адаптационные процессы у них имеют определенные трудности, начиная от языкового барьера и заканчивая (ин)толерантностью принимающей стороны. Подавляющее большинство этих студентов (75 человек) прошли отбор в своей стране. При этом информацию о вузе иранские студенты в основном получили из двух источников: от друзей – 30 человек (37%), из Интернета – 29 человек (35%). Некоторые абитуриенты проводили свое собственное исследование, 52% отметили, что МГМСУ – лучший стоматологический вуз России, 18% отметили высокий уровень научных исследований.

Практически подавляющее большинство студентов-иранцев, принявших участие в опросе, не сталкивались со случаями дискриминации (88%). Пять человек из опрошенных только слышали об этом от других людей, а три человека сталкивались со случаями дискриминации. Например, две девушки первого курса утверждали, что полицейский в Москве сказал о том, что они как-то особенно пахнут, и они приняли это за негативное высказывание. Трое студенток отметили, что «нам не разрешили зайти в некоторые общественные места из-за того, что иранцы». Вероятно, эта ситуация связана с тем, что в условиях пандемии были введены ограничения на посещения некоторых общественных мест. Другая студентка отмечает, что их путают с сирийцами, и сочувствует сирийцам,

считая, что они мужественные люди. Еще двое студентов слышали от друзей, что могут быть ущемления из-за религии. Можно отметить, что с дискриминацией по национальному или религиозному признаку студенты не сталкивались, а те случаи, что приведены выше, = это, скорее, недопонимание друг друга. В целом имеет место субъективное мнение об этой проблеме. Результаты представлены в диаграмме (Рис. 1).

Религия оказывает заметное влияние на различные аспекты жизнедеятельности, в частности, на стереотипы восприятия культурно различимых групп населения друг другом. Следовательно, религиозный фактор влияет как на процесс, так и на результаты социокультурной адаптации и интеграции. Конечно, речь идет о тех индивидах, которые каким-либо образом вовлечены в религиозную жизнь - от формального признания Бога до состояния полной вовлеченности. Наш опыт изучения адаптационно-интеграционных стратегий мигрантов-мусульман из государств Центральной Азии свидетельствует о том, что религиозная идентичность актуальна для подавляющего большинства, но к благочестивым можно отнести от четверти до трети информантов¹⁶.

По результатам опроса студентов-иранцев стало ясно, что 54% опрошенных посещают мечеть только по праздникам, если и обращаются туда по каким-либо вопросам, то это консультации по вопросам брака и семьи. Из бытовых вопросов одному человеку помощь была оказана в приобретении мебели, еще одному студенту - в поиске жилья. Только один студент первого курса считает, что важная функция религиозных общин – предотвращение нарушений законов. Многие студенты не обращаются за помощью, потому что рассчитывают на помощь тех, кто живет в Москве давно. Религиозные организации оказывают некоторую помощь в социальной адаптации, но размеры этой помощи незначительны. Как видно из опроса, основная помощь – это консультации по вопросам брака и семьи (Рис. 2).

Определенные трудности у студентов-первокурсников возникают с учебой. Основная трудность для иранских студентов заключается в недостаточном знании русского языка. Два студента даже обращались за помощью в религиозную организацию для выполнения домашнего задания, но все остальные сами справляются с изучением языка. Только 2% опрошенных свободно го-

Рис. 1.

Рис. 2.

ворят на русском языке. 63% обучающихся в основном понимают язык, но говорят медленно. Поэтому обучающие видео, медленное произношение на занятиях, усиленные домашние задания студентами признаются достаточной помощью со стороны университета. Лучшим вариантом помощи со стороны вуза студенты назвали обучающие курсы по культуре повседневного общения, особенностям культуры России. Пока таких курсов в МГМСУ нет. В связи с активным использованием дистанционного обучения возникли проблемы связи. При опросе большинство студентов жаловались на плохую связь по Интернету. Например, один из информантов отметил: «Сейчас у нас больше проблем для обучения, потому что Интернет в нашей стране не очень хорош». Несколько студентов–иранцев хотели бы, чтобы с ними работали двуязычные преподаватели, и предложили распространить эту практику для всех иностранных студентов.

Большинство опрошенных считают, что общение со сверстниками в России помогло бы им быстрее выучить язык и не испытывать тех трудностей, с которыми они столкнулись из-за пандемии. Какие еще пробле-

мы возникают у студентов? Это холодный климат, особенно осенью и зимой. Так, студенты отмечали: «было немного сложно», «сильные зимние холода в России», «погода в России очень холодная», «воздух в России иногда бывает слишком холодным, но к этому можно приспособиться, надев теплую одежду», «адаптация сложная». И только немногим нравится погода в Москве.

Труднее всего, по мнению большинства опрошенных студентов, им учиться, общаться и организовать питание. Проблемы с бытом и досугом возникают у немногих (Рис. 3).

Отсутствие привычных продуктов питания отмечают большинство опрошенных, в также необходимость находиться вдали от семьи. Какие продукты иранские студенты везут с собой в Россию? Чаще всего рис и орехи. Один из студентов пояснил: «Некоторые продукты питания в России дорогие, а некоторых иранских продуктов в России нет. Вот некоторые из продуктов, которые я привожу в Россию: шафран, грецкие орехи, мед, фундук, фисташки, миндаль, розы, финики, рис, специи». Остальные отмечают: «Все есть в России, но из Ирана ты привоз-

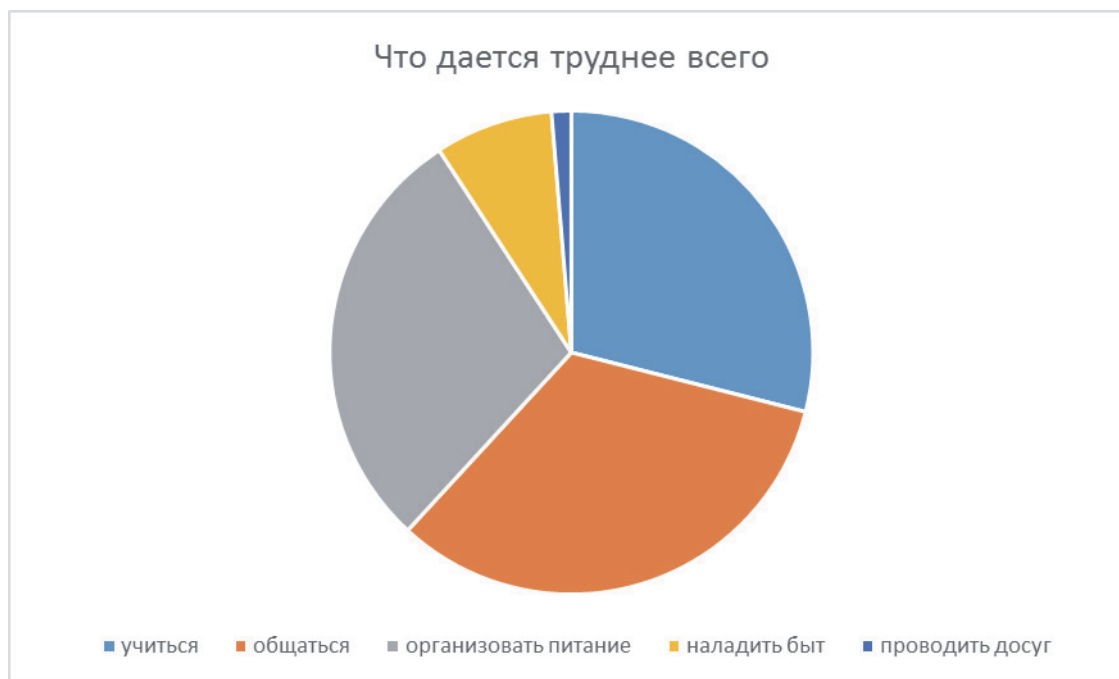

Рис. 3.

ишь то, что специфично для нашей культуры, то, к чему мы привыкли».

Несмотря на трудности адаптации студенты быстро привыкают к новым условиям и с удовольствием включаются в учебный процесс.

Опыт наших исследований феномена социокультурной адаптации и интеграции мигрантов из государств Закавказья и Центральной Азии свидетельствует, что такие атрибуты этнической культуры, как пища, одежда, интерьер жилища, язык общения функционируют, как правило, на бытовом уровне. Однако и при общении с местным населением, особенно интенсивно в студенческой среде, происходит демонстрация этнокультуры. Межкультурные мероприятия и ассоциации как наиболее востребованный формат социокультурной адаптации иностранных студентов способствуют преодолению взаимной отчужденности, «налаживанию контактов», в конечном итоге – снижению напряженности.

Таким образом, изучение опыта работы российских вузов с иностранными студентами, в том числе по социокультурной адаптации, позволит повысить эффективность государственной политики в сфере учебной (образовательной) миграции.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Замотин М.П.* Образовательная миграция в миграционных исследованиях российских авторов // Социологические исследования 2016. №5. С.77-86.
- ² *Письменная Е.Е.* Социальные последствия учебной миграции в Россию: автореф. дис. ... докт. социол. наук /URL: <https://cheloveknauka.com/sotsialnye-posledstviya-uchebnoy-immigratsii-v-rossiyu/> (Дата обращения 05.09.2021)
- ³ *Казаков А.В.* Иностранцы в России с конца XIX века и в начале Второй мировой войны // Вестник Марийского государственного университета. 2016. №1 (5). С.28-30.
- ⁴ О порядке предоставления субсидий на повышение привлекательности российского образования на международном образовательном рынке // URL: <http://government.ru/projects/selection/653/34496/> (Дата обращения 05.09.2021).
- ⁵ URL: <http://www.sgm.ru/info/str/facul/fin.html/> (Дата обращения 03.09.2021).
- ⁶ *Полухина А.Н.* Иностранцы в ПГУ: набор, обучение, адаптация и предупреждение правонарушений // Миграционные процессы: вызовы современности: мат. экспертной площадки. Йошкар-Ола, 15 ноября 2018. / Под ред. О.В.Орловой. Йошкар-Ола, 2018. С.57-67.
- ⁷ *Петрова Н.П.* Актуальные аспекты экспорта российского образования: опыт регионального вуза// Миграционные процессы: вызовы современности: мат. экспертной площадки. Йошкар-Ола, 15 ноября 2018. / Под ред. О.В. Ор-

- ловой. Йошкар-Ола, 2018. С.68-73.
- ⁸ Орлова О.В. Иностранцы в регионе: восприятие местного населения // XII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Ижевск, 3-6 июля 2017 г./ Отв. ред. А.Е. Загребин, М.Ю. Мартынова. Москва – Ижевск, 2017. С.323.
- ⁹ URL: <https://www.sseu.ru/>; <https://samgtu.ru/>; <https://www.samgmu.ru/> (Дата обращения 03.09.2021).
- ¹⁰ Ахатъева Н.В., Никонова Л.И. Роль интернационального воспитания молодежи в адаптации студентов-мигрантов к новому социокультурному пространству // XIV Конгресс антропологов и этнологов России. Томск, 6-9 июля 2021 г. Сб. материалов. Москва – Томск, 2021. С. 75.
- ¹¹ Например, Петров В.Н., Ракачев В.Н., Ракачева Я.В., Ващенко А.В. Особенности адаптации иностранных студентов // Социологические исследования. 2009. №2. С.117-121; Рахимов Т.Р. Особенности организации обучения иностранных студентов в российском вузе и направление его развития. В сб.: Дефиниции культуры: сборник трудов участников Всероссийского семинара молодых ученых. Томск, 2011. С.406 - 411; Моднов С.И., Ухова Л.В. Проблемы адаптации иностранных студентов, обучающихся в техническом университете // Ярославский педагогический вестник. 2013. №2. Т.1 (Гуманитарные науки). С. 111–115.
- ¹² Дрожжина Д.С. Изучение адаптации иностранных студентов: дискуссия о методологии // Universitas. Журнал о жизни университетов. 2013. Т.1. №3. С.33-47.
- ¹³ Погодаев Н.П. Осиёви, ҳамчун руси навин: образовательная миграция из Таджикистана в Россию как ресурс формирования трансграничного общества // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С.183-198.
- ¹⁴ Белякова Л.Ф., Сидорова Т.Л., Петрунева Р.М., Васильева В.Д. Туркменские студенты в Волгоградском государственном техническом университете // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 4. С. 127-135
- ¹⁵ Кошелева Е.Ю., Алхадиди А.М.А. Социокультурная адаптация арабских студентов в томских вузах // XIV Конгресс антропологов и этнологов России. Томск, 6-9 июля 2021 г. Сб. материалов. Москва – Томск, 2021. С. 76; Костюкова Е.И., Паренькова О.Р. Социальная адаптация (им) мигрантов в культурно отличимую среду медицинского университета // XIV Конгресс антропологов и этнологов России. Томск, 6-9 июля 2021 г. Сб. материалов. Москва-Томск, 2021. С. 77.
- ¹⁶ Мухаметшина Н.С. Религиозные практики выходцев из государств Закавказья и Центральной Азии // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки, 2020. Т.2. №3. С. 110-116.

SOCIAL ADAPTATION OF THE FOREIGN STUDENTS: EXPERIENCE OF RUSSIAN UNIVERSITIES

© 2021 N.S. Mukhametshina¹, E.I. Kostykova², O.R. Parenkova²

¹ Samara State Technical University

² A.I. Evdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry

The authors distinguish the stages of state policy on educational migration, focus on possible ways to increase the attractiveness of Russian universities for foreign students, offer an analysis of organizational forms of cooperation with foreign students and social adaptation practices used in Russian universities during the post-Soviet period. The study is based on the materials of the survey of foreign students studying at the Moscow State University of Medicine and Dentistry.

Key words: educational migration, social adaptation, student youth.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-4-44-51

Natalia Mukhametshina, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Philosophy, Social Sciences and Humanities. E-mail: nmukhametshina@mail.ru
Elena Kostykova, Candidate of History, Associate Professor, Department of History of Medicine. E-mail: historymtd@mail.ru
Olga Parenkova, Candidate of Medicine, Associate Professor, Department of History of Medicine. E-mail: historymtd@mail.ru

УДК 94(37)

РИМСКАЯ ВЛАСТЬ ГЛАЗАМИ ПОДДАННЫХ (I - II ВВ. Н.Э.)

© 2021 Е. А. Гуськов

Самарский филиал Московского городского педагогического университета

Статья поступила в редакцию 30.10.2021

Задачей исследования является анализ социокультурных, политических и конкретно-исторических факторов, влиявших на формирование образа власти в глазах населения ранней Римской империи и на характер коммуникации между носителями власти и обществом. Специфика восприятия конкретных правителей и власти в целом различными категориями людей определялась особенностями их положения в социальной иерархии, характером государственного устройства Римского государства, отчасти официальной пропагандой, выстраивавшей определенный образ как самого правителя, так и всего государства, а также индивидуальными обстоятельствами, с которыми приходилось сталкиваться императору. Император находился в разных иерархических отношениях с гражданами, воинами, провинциалами, вольноотпущенниками и рабами; объем его власти был неодинаков по отношению к этим группам. Как результат не существовало единого образа власти для всего населения средиземноморского государства. Часто на него влияли локальные традиции восприятия власти.

Ключевые слова: Римская империя, император, восприятие власти.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-4-52-58

Любая власть стремится заручиться поддержкой населения и ради этой цели использует, насколько возможно, различные средства. Чем разнообразнее арсенал, имеющийся в распоряжении правительства, тем более гибкой является политическая система, а чем разнообразнее форма взаимодействия политической системы с отдельными социальными группами и индивидами, тем более сложным и амбивалентным является образ власти, который складывается у населения. На формирование образа власти влияет множество объективных и субъективных факторов различного уровня, в т.ч. и тех, на которые ее носители не могут оказать непосредственного влияния¹.

Правители Рима возглавляли огромное и сложно организованное государство,

включавшее в себя не только гражданскую общину столицы и ее колоний, но и множество провинций, многие из которых сами по себе имели сложную этническую, социальную и политическую структуру, подразумевавшую параллельное управление римской администрацией и местными органами. Характер политической системы Рима не может быть определен в привычных терминах современной политологической классификации. Двусмысленность положения римского правителя состояла в том, что по отношению к населению он мог выступать в двух ипостасях – как принцепс и как император. Все население Империи можно разделить в правовом и социальном аспекте на три группы: 1) гражданский коллектив Рима (собственно римляне) и многочисленные муниципии Италии (а позднее и в провинциях), т.е. это та группа, для которой двойственный характер власти Цезарей был наиболее актуальным; правитель вы-

---

*Гуськов Евгений Александрович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, международного права и зарубежного регионоведения
E-mail: megistos@yandex.ru*

ступал в своей ипостаси принцепса только для этой группы; официально, пользуясь только своим положением первого гражданина, казнить римского гражданина принцепс не мог; в середине I в. н.э. доля этой группы составляла около 5% от общей численности населения Империи. В ее составе можно выделить отдельную подгруппу, в отношении которой правитель Рима выступал только в другой своей ипостаси (императора) – римские граждане, поступившие на военную службу, над которыми он имел право жизни и смерти; в своих иерархических отношениях с римским правителем они были близки к остальным группам населения: 2) провинциалам и 3) рабам². Для последних двух групп владыки Рима всегда олицетворяли ту же деспотическую власть, что и прежние эллинистические монархи. Они носили титулы сообразно с местными особенностями (например, в Египте римские правители назывались фараонами, сынами Ра и т.д.).

Такая властная структура, с одной стороны, имела важные социальные последствия, способствовав сближению части римских граждан с обширным населением Средиземноморья, а с другой, определила характер коммуникации власти с обществом. До начала III в. н.э. граждане составляли абсолютное меньшинство в общей массе населения Империи, но играли при этом несопоставимую со своей численностью огромную политическую роль. Император-принцепс по определению был первым гражданином, и его власть над согражданами изначально была сильно ограничена республиканскими политическими традициями. Среди сенаторов он был *primus inter pares* и в теории не имел права распоряжаться их жизнями³. По отношению к провинциалам, либертинам и рабам он был полновластным господином. Как очень точно выразился А.В. Коптев, «в качестве принцепса он был вождем гражданского коллектива. В качестве императора он выступал правителем всего населения империи. Задачи, решавшиеся правителем и вождем, не всегда совпадали»⁴. Импера-

тору было необходимо выдерживать баланс между этими двумя своими ипостасями, чтобы сохранять социальный мир и лояльность как можно большего числа категорий населения. «Императоры, ориентировавшиеся на гражданский коллектив, оставили о себе хорошую память. Другие пытались или были вынуждены обстоятельствами решать общеимперские задачи, ущемлявшие интересы привилегированного класса граждан. Они рассматривались как тираны... «Плохими» императорами становились те, кто пытался относиться к подданным как к гражданам (Клавдий, Нерон) или к гражданам как к подданным (Калигула, Домициан)»⁵.

Образ принцепса коррелировал с образом власти в целом у граждан и подданных. Среди имиджевых характеристик важнейшими для римлян были социальные факторы: принадлежность к конкретной социальной группе, материальное положение, происхождение и биография; пожалуй, к правителям требования были особенно жесткими, по крайней мере в раннем принципате. «Недобор баллов» по одному из критериев обязательно должен был компенсироваться другими достоинствами. Для римлян вообще или для отдельных групп родовитость императора или претендента на престол порой выступала чуть ли не решающим обстоятельством. В частности, после свержения Нерона принятию императорской аккламации Гальбы немало поспособствовала его знатность и огромное состояние. По замечанию Тацита, все считали Гальбу достойным принципата, поскольку его род принадлежал к древней знати и занимал немаловажные государственные посты (Тас. *Hist.* 1. 49. 2 - 4). Эту характеристику неизменно подчеркивали у своих персонажей даже позднеантичные историки. Интересно, что недостаток родовитости иногда служил «оправданием» неразумной в глазах некоторых социальных слоев политике того или иного императора (например, как это было с М. Оппелием Макрином), а в некоторых случаях, когда

это позволяли пробелы в истории рода, выглядевшему достойно императору могли приписать и недостающие генеалогические звенья⁶. Конечно, почти наверняка подобные генеалогические реконструкции в древности (по крайней мере, в поздней республике и ранней империи) не воспринимались буквально, но в данном контексте важна сама социокультурная среда, в которой был востребован такой запрос, подталкивающий тех, кто претендовал на вхождение в круг имперской элиты, а уж тем более на императорский пурпур, к удревнению своего рода. Подлогами генеалогических деталей особенно отличился неизвестный автор «августовой истории», «создавший» никогда не существовавших в действительности предков многим известным политическим деятелям IV в. Древность рода была характеристикой, значимой не только в патрицианской среде, но и, возможно, среди широких масс населения. Для воинов родovitость императора не играла существенной роли, но они готовы были играть по традиционным правилам, когда это было выгодно им самим или их патрону⁷. Надо думать, они не полностью игнорировали значение социального статуса претендента на престол, однако он был лишь приятным, но необязательным довеском к тем критериям, которые предъявлялись к участникам военно-иерархических отношений⁸. Качества императора волей-неволей у воинов продолжали по инерции измеряться также и по гражданской шкале ценностей.

Как известно, гражданская и военная организация Империи были довольно четко разграничены; этот дуализм восходит к архаическим временам⁹. Обе эти сферы замыкались фигурой правителя, а также на первых порах общим римским происхождением гражданских и военных лиц. Данное обстоятельство привело к размыванию границ применимости характерных для каждой из них критериев оценки власти. Целый ряд критериев – социальная политика, следование традициям (как политическим, так и религиозным) – был общим для

всех. Играя на мотиве соблюдения «нравов предков», из которых знатность как условие для получения социального престижа была лишь одним из элементов сложного комплекса ментальных установок, принципы в условиях перерождения римской государственности сохраняли по крайней мере видимость статус-кво. Они не отвечали интересам всех групп, но хотя бы не раздражали большинство из них. Именно таким принципам наиболее всего повезло в общественном мнении. Например, нельзя говорить о том, что политика Антонинов сильно отличалась от той, которую проводил Домициан, но при этом Траян и его преемники выставляли напоказ свою связь с армией, как правило, только в военной среде и в провинциях, и не бравировали ею по любому поводу или без него в столице и Италии. Демонстрируя добрые отношения с сенатом, предоставляя ему возможность принимать некоторые решения в духе республиканских порядков, они в то же время не забывали и об армии, впрочем, без заискивания в духе Каракаллы, сохраняя в ней строгий порядок, поэтому отношение к Антонинам у солдат было, скорее, нейтральным, а среди аристократии – однозначно восторженным (редкие исключения, вроде прохладного отношения Тацита, не в счет). Наибольшую приязнь у воинов, судя по всему, вызывали Цезарь, Домициан и Каракалла, т.е. императоры, которые для сенаторов были либо ненавистны, как последние двое, либо, как в случае с Цезарем, так скажем, неприятны. Антонинам удалось найти разумную середину между заискиванием и суровостью, снисходительностью и устрашением среди воинов, а также между воинами и аристократией. Это разделение было прямым следствием дуальной природы принципата: правителю удавалось создать имидж «хорошего императора» только в том случае, если он четко разделял две основные свои ипостаси – императора и принцепса. Во втором случае он должен был быть не господином, а первым среди равных. В раннем принципате, который представлял собой монар-

хию, притворявшуюся республикой, резкое возвышение правителя над коллективом было невозможным или по крайней мере проблематичным¹⁰. С началом III века разграничение гражданской и военной ролей уже не было основным условием для попадания в разряд «хороших императоров». Отбросив антониновскую формулу отношений с сенатом, Северы начали постепенно приближать внешнее обрамление своей власти к ее реальному содержанию, что на деле уничтожило примерный паритет между принцепсом и императором в пользу последнего. Как следствие, оценивание его по гражданской шкале ценностей начинает неуклонно терять актуальность. Это выражалось не в том, что характеристики доброго гражданина стали вдруг неприменимы к нему, а в том, что теперь открыто подчеркивался военный характер его власти – т.е. в том, чего так старался избегать Август. Отныне правитель был не просто первый среди равных: теперь он был хоть и добрый, но все же полновластный повелитель, в идеале такой же доблестный и все так же проводящий разумную политику в отношении всех сословий и провинций. Иными словами, те же самые критерии, но на новый лад.

Не менее важным было и то, что император рассматривался как олицетворение определенной социальной и политической программы, которая по-разному воспринималась гражданами и «негражданами», а также различными слоями внутри этих категорий. Данный фактор восприятия фигуры римского правителя переходил в активную фазу только в чрезвычайных обстоятельствах: например, во время первой гражданской войны 68 - 69 гг., когда за тремя императорами из четырех стояли вполне заметные социальные программы, конечно, не оформленные в виде четкого алгоритма действий, но заметно различающиеся между собой и в конечном счете определившие исход войны. Победил в ней Веспасиан, бывший сторонником активного привлечения провинциалов в сенат и всадников к управлению Империей, есте-

ственно, за счет собственно римской знати, поэтому он воспринимался в соответствии со спецификой социальных и идеологических установок. Сенатская историография относится к нему довольно прохладно; даже Тит, которого, скорее всего, вполне искренне называли «отрадой рода человеческого», не удостоивался восторженных отзывов у последующих римских историков: им определенно не импонировала политика Флавиев по существу, но ее форма вполне устраивала. С Домицианом все оказалось проще. Это был один из тех случаев, когда с некоего ракурса форма власти совпала с ее содержанием. Примечательно, что это совпадение имело силу и с прямо противоположного ракурса, но, само собой, с иной окраской. Отсюда и становится понятным, почему последний представитель династии Флавиев стал знаковой фигурой в римской истории: насколько он был любим одними, настолько же ненавидим другими. Фигуры остальных императоров, за исключением Каракаллы и, пожалуй, Элагабала, раскалывали общественное мнение на гораздо более многочисленные и уравновешивающие друг друга группы.

Следующая подгруппа факторов – персональные – не может рассматриваться в отрыве от предыдущей: в основном это психологические, но иногда и физические особенности, а также чисто политические качества того или иного императора. Поскольку они являются самыми индивидуальными из всех предыдущих и в какой-то степени самыми очевидными, я их не буду касаться. Здесь будет уместно упомянуть только об отношении к римским владыкам в среде провинциалов, поскольку в целом они принимали Империю и ее государственное устройство как данность и их восприятие римской власти ограничивалось, как правило, только личностными характеристиками правителей. Замечу, что для граждан такой уровень восприятия власти Тацит считал одним из признаков падения нравов. Вместо обсуждения действительно важных государственных дел, как было при

Республике, политическая жизнь Империи, по его мнению, свелась к толкам о достоинствах и пороках государей (Tac. *Hist.* 1. 7. 3 etc.). Сетования Тацита имели под собой основания, если учесть, допустим, в каком направлении шла римская историография императорского периода: надо полагать, именно как отражение этой тенденции постепенно на первое место выходит биографический принцип построения римской истории. Успехи и неудачи Рима теперь зависели только от достоинств и недостатков конкретных императоров. И еще одно замечание по этому поводу: реальную личность императора мало кто в действительности знал, поэтому надо уточнить, что и здесь речь идет в большей степени о специально созданном или ненамеренно возникшем имидже, ставшем результатом столкновения реальных характеристик личности, ее политики, социокультурной среды и специфики воспринимающих субъектов.

Смесь этих факторов формировала образ власти, и чем более согласованными они были, тем более определенным был этот образ. Противоречия между ними соответствующим образом могли отразиться на имидже императора. Одна из самых неоднозначных фигур римской истории I столетия новой эры – император Клавдий I. В своей политике он отошел от кровавых эксцессов предшественников, довольно последовательно разграничивал гражданскую и военную власть, что, казалось бы, должно положительно сказаться на его образе, но в то же время он был полон «взаимосключающих параграфов»: сторонник сохранения республиканских традиций, он отправил на смерть более 40 сенаторов – в полном противоречии с ними. Слухи о том, какую огромную власть над ним имели его либертины и жены, негативно сказывались на его имидже и как человека, и как правителя. Непоследовательность Клавдия создала ему репутацию разве что не умственно неполноценного человека, и его личностные характеристики были перенесены на политическую систему в целом. Особенно

это справедливо в отношении его предшественника. Калигула, крайне популярный в начале своего правления, своим имиджем практически «народного императора» пресекал возможные разговоры о ликвидации принципата просто в силу родства с крайне популярным Германиком. Поэтому неслучайно, что времена Калигулы (может быть, на самом деле психически нездорового человека) и Клавдия – это период активного обсуждения возможности реставрации республиканского устройства. Власть римлянами воспринималась через конкретных ее носителей, иногда в образе идеального правителя (Август и Антонины), иногда в прямо противоположном образе, созданном практически по зеркальному принципу относительно политического идеала (Калигула, Нерон, Домициан, Каракалла и Элагабал).

Были, разумеется, и исключения, когда смешение гражданской и военной власти правителя не приводило к серьезным последствиям для имиджа или когда первоначальный негативный образ сменялся более положительным в отсутствие практических действий со стороны самого правителя, поскольку на оценку его деятельности и иногда самой его личности неизбежно влияли обстоятельства, в которых он действовал. Самые яркие примеры – Септимий Север и Адриан, которые при всех прочих равных условиях, без сомнения, получили бы ярлыки тиранов. Основатель династии Северов, вопреки своей изуверской жестокости, был в целом благоприятно оценен современниками благодаря тому, что он спас Империю от ужасов очередной гражданской войны, разгугла разбойничьих шаек и продовольственного кризиса. Замечу, что Тиберия, который решал почти идентичные проблемы, причем не в пример более мягкими средствами, это не спасло от «звания» тирана по той же самой причине – в его время слабо прикрытая монархическая манера правления перевешивала все его достоинства и успехи (опять-таки речь идет не о реальной характеристике, а об ее образе, причем, судя по всему, не соответствующем действительности).

Теперь от факторов, определявших образ римского императора, перейдем непосредственно к самому образу. Социально значимые характеристики императора были включены в его титулатуру. Помимо занимаемых им «должностей» принцепса и императора, великого понтифика и авгура, трибунских полномочий, иногда консулата, он всегда (в смысле онтологической, а не исторической перспективы) был Великим, Счастливым, Непобедимым и Благочестивым. Во всяком случае, он обязан был быть таким. Причем все эти качества, кроме последнего, были в некотором смысле intersubъективными, ибо зависели от расположения к нему богов. Поскольку он был Благочестивым, что понималось как следование нравам предков, как точное соблюдение религиозных традиций (по сути – почитание богов), то боги позволяли ему быть Счастливым, Непобедимым и на уровне земного бытия Великим (среди богов это была привилегия Юпитера). Тацит сохранил для нас отрывок из речи Тиберия, в которой император или сам историк, что в данном случае непринципиально, говорит о роли принцепса в благополучии государства (*Ann.* 3. 53. 4): «...от принцепса требуется нечто большее и более выдающееся (имеются в виду обязанности отдельных должностных лиц. – Е. Г.), и, если всякий снискивает одобрение за добросовестно выполненные дела, промахи всех вменяются в вину ему одному» (пер. А.С. Бобовича). В одном из сенатских постановлений (кстати, тоже времени Тиберия) эта мысль выражена еще более четко и прямо: *salutem imperi nostri in eius domu[s] custodia posita[m]* (*SCdeCnP.* 162-163). Его достоинства гарантировали Римскому государству благополучие – и наоборот. В идеале заслуги принцепса должны были быть признаны всеми гражданами, чтобы он был вправе властвовать над каждым из них. Отдельные попытки утверждения божественного или наследственного права приобретения принципата не имели успеха, а идея о заслугах императора является неизменной темой как в римском ис-

кусстве, так и в нумизматике. Избранный за великие достоинства император должен был иметь за спиной единый в своем мнении народ. Каждый был волен сам выбирать частные культы, но определенную долю благодарности должны были получить те боги, от которых зависели судьба и безопасность всего государства. В этой идее были некоторые опасные моменты, но ее нельзя назвать неудачной. В течение двух столетий образ императора как элемента, соединяющего мир богов и гражданский коллектив Рима, а позднее и всего Средиземноморья, обеспечивал относительно стабильное состояние Римской империи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Преснякова Л.А. Структура личностного восприятия политической власти // Полис. Политические исследования. 2000. № 4. С. 135.
- ² Однако при этом воины по-прежнему осознавали, что некогда были гражданами и при благополучном завершении службы снова ими станут. В то же время политический смысл гражданства приобретал новое содержание в условиях принципата. См. Махлаюк А.В. Дихотомия *civis – miles* в Риме позднереспубликанского и императорского времени // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: История. 2003. № 2. С. 6, 10.
- ³ Разумеется, реальность была суровее. Об этом см. Birley A. The Oath not to put Senators to Death // *The Classical Review*. 1962. Vol. 12, issue 3. P. 197 - 199.
- ⁴ Контев А.В. *Princeps et dominus*: к вопросу об эволюции принципата в начале позднеантичной эпохи // Древнее право. 1996. № 1. С. 182 сл.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Например, Веспасиана, принадлежавшего к незнатному роду, пытались записать даже в потомки одного из друзей Геракла, основавшего родной городок принцепса – Реате. Ироничное отношение самого Веспасиана к подобным «научным» изысканиям современников (*Suet. Vesp.* 12) являлось скорее исключением, чем правилом на фоне реакции других правителей. Марк Антоний без лишней скромности заявлял о своем родстве с Гераклом. Как известно, с утверждением власти Августа и без того богатая история Юлиев, возводивших свой род к легендарному Энею, с одной стороны, и к Венере, с другой, переплетается с материнской линией

императора – родом Атиев, якобы настолько же древним, как и Юлии. Несмотря на то, что успех этой пропаганды едва ли можно назвать оглушительным, свое дело она все-таки сделала.

⁷ Известен один эпизод, произошедший в 185 г., когда воины одного из британских легионов чуть не подняли восстание из-за того, что во главе их поставили «безродного» легата – всего лишь всадника, а не сенатора (Dio Cass. 73. 9. 2²–3; Herod. 1. 9. 7; SHA. *Comm.* 6. 1). Скорее всего, этот инцидент был частью продуманной игры вольноотпущенника императора Коммода, Клеандра, против кадровой политики преторианского префекта С. Тигидия Перенниса, который назначал на важнейшие посты своих людей и в итоге, перейдя дорогу императорскому спальнику, поплатился жизнью (Dio Cass. 73. 9. 3). Сомнения в искренности мотивов возмущенных легионеров вызывает то обстоятельство, что вскоре после этих событий Септимий Север будет заигрывать с прямо противоположными чувствами иллирийских и паннонских солдат, а в новообразованных

трех Парфянских легионах и вовсе не допустит сенаторов до командных должностей. Ни о каких возмущениях со стороны тех солдат неизвестно, да их и не могло быть, поскольку еще со времен поздней Республики воины, состоя в почти клиентельных отношениях с императором, рассматривались в качестве основных противников сенатского (т.е. фактически – гражданского) всевластия. История I в. н.э. продемонстрировала немало примеров того, что этот антагонизм не только не угас, но даже усилился.

⁸ См., например, рассуждение Онасандра о второстепенном значении родовитости для полководца (1. 23).

⁹ Махлаюк А.В. Указ. соч. С. 7.

¹⁰ Кстати, Каракалла часто поступал с точностью до наоборот: среди воинов он разыгрывал роль простого воина, выделяющегося среди солдатской массы только своей доблестью (т.е. был своего рода военным принцепсом, несмотря на оксюморон), а с сенаторами вел себя как *dominus*.

ROMAN POWER IN THE PERCEPTION OF THE EMPIRE'S POPULATION (I–II A.D.)

2021 © E. A. Guskov

Moscow City University, Samara Branch

The aim of the research is the identification and analysis of socio-cultural, political and concrete historical factors that influenced the formation of the image of power in the eyes of the population of the early Roman Empire and the nature of communication between the bearers of power and society. The specifics of the perception of specific rulers and power in general by various categories of people were determined by the peculiarities of their position in the social hierarchy, the nature of the structure of the Roman state, and partly by official propaganda, which built a certain image of both the ruler himself and the entire state, as well as individual circumstances that the emperor had to face. The emperor was in different hierarchical relationships with citizens, soldiers, provincials, freedmen and slaves; the scope of his power was not the same in relation to these groups. As a result, there was no single image of power for the entire population of the Mediterranean state. It was often influenced by local traditions of power perception.

Keywords: Roman Empire, emperor, perception of power.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-4-52-58

УДК 94(410).07

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ ВИРГИНСКИХ КОЛОНИАЛЬНЫХ ЭЛИТ И ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ С КОРЕННЫМ НАСЕЛЕНИЕМ ДОЛИНЫ ОГАЙО В СЕРЕДИНЕ 1770-Х ГГ.

© 2021 Е.П. Макаров

Самарский государственный технический университет

Статья поступила в редакцию 05.12.2021

Статья посвящена изучению ряда локальных геополитических последствий Франко-индейской войны 1754-1763 гг., в результате которых территории долины реки Огайо оказались включенными в проекты по расширению зоны влияния виргинских колониальных элит. Исследование локальных политико-правовых практик, связанных с исполнением королевских земельных грантов, показывает особенности выстраивания взаимоотношений американских колонистов и коренных народов региона. Особого внимания заслуживает период начала 1770-х гг., когда экономическая и финансовая экспансия плантаторов спровоцировала ряд локальных вооруженных конфликтов между вооруженными силами Виргинии и многочисленными индейскими племенами. Анализ данных вопросов позволяет лучше изучить правовые основы пребывания виргинских переселенцев на землях коренных народов, которые зачастую слабо изучены применительно к специфике исторического контекста локального конфликта.

Ключевые слова: Североамериканские колонии, колониальные элиты, Виргиния, вооруженный конфликт, индейские племена.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-4-59-65

Изучение истории политико-экономического становления и последующего развития Виргинии колониального периода невозможно без учета периодов усиления территориальной экспансии в земли коренных народов Америки. Данная экспансия неизбежно провоцировала открытые вооруженные конфликты, которые определяли границы возможного продвижения за территории западного приграничья. Конфликты меняли облик коммуникационной инфраструктуры, использовавшейся сначала для военных, а затем для экономических нужд колонии. Одной из важных причин территориальной экспансии всегда являлось стремление виргинских колониальных элит к экономическому освоению богатых ресурсами западных регионов и включению коренных народов в экономическую деятельность колонии¹.

Макаров Егор Павлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук. E-mail: egor.makarov.esq@gmail.com

Итоги Франко-индейской войны 1754-1763 гг. показали виргинским властям важность политики непрерывного диалога с племенами, которые в локальном контексте были в основном соотносимы с многочисленной конфедерацией ирокезов. Власти Виргинии в течение многих лет наблюдали за непрерывной межплеменной борьбой за обширный регион, лежащий непосредственно за пределами западной границы колонии². Взгляды колониальных губернаторов при этом часто ограничивались пониманием необходимости выстраивания взаимоотношений с сильнейшими племенами, во всех случаях ассоциировавшимися с конфедерацией ирокезов. Менее значительные племена при своей миграции в подавляющем большинстве случаев отступали и покидали территории ирокезов.

Франко-индейская война 1754-1763 гг. внесла значительные коррективы во взаимоотношения виргинских властей и племен, поскольку франко-британский конфликт

показал готовность европейцев осваивать стратегически важные территории долины реки Огайо вне зависимости от текущего доминирования отдельных племен на этих территориях³. В связи с этим обстоятельством важно выделить этапы эволюции политики взаимоотношений виргинских властей с племенами, что необходимо для анализа характера локальных вооруженных конфликтов американских колонистов и коренного населения региона в середине 1770-х гг.

В качестве первого этапа можно обозначить период 1763-1765 гг., во время которого виргинские власти были заняты ликвидацией негативных экономических последствий недавно окончившейся войны. Парижский договор 1763 г. обеспечил британским колонистам значительное преимущество в вопросе приоритета на спорных территориях, а французы обязались не продолжать экспансию в регион и не использовать соглашения с племенами для нанесения вреда британским интересам⁴. Применительно к долине Огайо можно констатировать, что с данного периода британские колонисты лишились мощнейшего конкурента в лице французов – единственного геополитического соперника, который мог бы оспорить британское право на преобладание в регионе⁵.

Вторым этапом целесообразно считать период 1766-1768 гг., который наглядно демонстрировал рост числа контактов виргинских властей с представителями конфедерации ирокезов. Несколько лет последовательного выстраивания более тесных и доверительных отношений показали готовность сторон к учету взаимных интересов. Закономерным итогом этого процесса сближения стало подписание Форт-Стэнвикского соглашения 1768 г., по которому входившие в конфедерацию ирокезов племена в обмен на крупную сумму денег и выгодные условия торговли передавали Виргинии земли к югу от реки Огайо. Принимая во внимание обозначенные этапы развития виргинской политики

взаимоотношений с местными племенами, стоит учитывать принципиальное обстоятельство, отчетливо проявившееся к 1768 г. Ведя переговоры и заключая соглашения с племенами от имени британской короны, виргинские власти в большей степени ориентировались на непосредственные интересы закрытого сообщества крупнейших плантаторов колонии. Внутри данного общества часто не было единства мнений по ряду как экономических, так и политических вопросов, что объяснялось делением по географическому принципу на группы интересов Тайдуотера – плантаторов виргинских равнин юго-востока и Пидмонта – плантаторов центральной Виргинии. Изучение процесса длительной подготовки и обсуждения положений Форт-Стэнвикского соглашения обнаруживает компромисс, достигнутый виргинскими колониальными элитами к 1768 г. Данный компромисс характеризовался совместным финансированием землеустроительных работ в регионе и равным доступом к последующему сельскохозяйственному и промышленному освоению новых территорий. Форт-Стэнвикское соглашение оказалось примером того, как действовавшая от имени британской короны колониальная администрация Виргинии стала посредником в земельной сделке между сообществом плантаторов и коренными народами региона⁶. Виргинские элиты стремились как можно скорее реализовать свое право бенефициара розничных продаж размежеванных земельных участков и в то же время соблюдали соглашения внутри собственного закрытого сообщества, включая вновь возникающие фермерские хозяйства в сложную систему товарно-денежных отношений и зоны экономического влияния как Тайдуотера, так и Пидмонта⁷.

В качестве третьего этапа можно выделить период 1769-1770 гг., который обнаружил политические сложности, сопровождавшие заключение любого важного договора с коренными народами. Конфедерация ирокезов в целом исполнила обязательства, взятые на себя по Форт-Стэнвикскому со-

глашению, а затем инициировала массовую миграцию с уступленных Виргинии территорий. В то же время уходом ирокезов воспользовались многие менее значительные племена. Не признав Форт-Стэнвикского соглашения, в купленные Виргинией земли мигрировал племенной союз шауни, быстро объединивший вокруг себя небольшие родственные племена в конфедерацию племен Огайо. Период 1769-1770 гг. показал виргинским властям нежелание шауни идти на компромисс, а во время неоднократных переговоров вожди малых племен заявляли об отсутствии у конфедерации ирокезов права вести переговоры и заключать сделки от имени всех коренных народов региона. При этом важно отметить, что землеустроительные работы в выкупленных землях начались еще с 1768 г., и за период 1769-1770 гг. в регион непрерывным потоком направлялись разведывательные, торговые и промысловые экспедиции.

С ростом активности виргинских колонистов пропорционально возрастало и количество мелких столкновений, в основном между промысловиками и племенами, постоянно заявлявшими о своих правах свободного передвижения и охоты на спорных территориях. В подобных условиях неопределенности в отношениях с племенами виргинские элиты самостоятельно снаряжали и вооружали экспедиции и старались избегать вооруженных столкновений с племенами. Политика мирного сосуществования и примирительный тон переговоров с племенами позволили к 1770 г. выполнить важные подготовительные работы и собрать воедино ранее разрозненную сеть опорных постов картографов и геодезистов, разведчиков и промысловиков, а также торговцев. При этом становилось очевидным, что по мере углубления процесса колонизации конфликт с племенами мог усугубиться и перейти в открытое вооруженное столкновение. В среде виргинских элит к 1770 г. отсутствовало единое понимание того, как решить разгоравшийся конфликт, и единственной действенной мерой к этому вре-

мени было признано привлечение помощи со стороны дружественных племен ирокезов. Виргинские опорные посты оказались под вооруженной охраной, но повторное прибытие в регион групп ирокезов было крайне негативно воспринято уже осевшими на данных территориях шауни.

Четвертый этап в процессе эволюции политики взаимоотношений виргинских властей с племенами возможно зафиксировать с началом 1770-х гг., и именно на данном этапе наблюдался переход ситуации напряжения в острую конфликтную фазу. Для исследования исторического значения событий данного периода важно принимать во внимание особенности политического и правового поля Виргинии, заключавшийся в том, что экономическое могущество плантаторского сообщества было настолько велико, что позволяло оказывать значительное влияние на решения губернатора и политическую ориентацию народно-представительного Дома Берджесов. Таким образом, чиновники британской короны находились под серьезным влиянием местных элит, которые и определяли локальную политику взаимоотношений с племенами как до, так и после Форт-Стэнвикского соглашения.

С 1771 г. поток переселенцев на запад существенно возрос, а колониальная администрация согласовывала все большее количество экспедиций через Аппалачи. В распоряжении современных исследователей находится обширная источниковая база документов, касавшихся экспедиций так называемых семейных предприятий, заключавших контракты и получавших снаряжение и финансирование непосредственно от богатейших плантаторов или земельных компаний Виргинии. Одними из наиболее известных первопроходческих миссий считались семейные предприятия Дэниела Буна, Майкла Кресапа, Эбенезера Зейна, Джорджа Роджерса Кларка и Уильяма Рассела⁸.

Стоит отметить, что активная экспансия виргинских колонистов велась в нескольких

географических направлениях, равно беспокоивших племена шауни. С 1771 г. резко возросла активность виргинских промысловых групп, а сотрудничество с дружественными ирокезами существенно расширило объемы меновой торговли на охраняемых постах, расположенных по реке Аллегейни. Другим важным показателем возросшей активности колонистов стали все более частые экспедиции и прокладка транспортной инфраструктуры в землях Кентукки, расположенных южнее реки Огайо. С 1772 г. вслед за промысловыми экспедициями началось движение фермеров с семьями, получивших необходимое снаряжение и вооруженную поддержку за счет земельных компаний Виргинии.

Важно принимать во внимание резко негативную реакцию ориентированных на шауни малых племен, практически сразу начавших повсеместные нападения и на промысловые экспедиции, и на вновь организуемые фермерские хозяйства. Предприятие Дэниела Буна одним из первых подверглось нападениям шауни, при этом он сам и члены его группы неоднократно попадали в плен, но освобождались при посредничестве ирокезов. В 1773 г. серия конфликтов вошла в новую фазу, и во время экспедиции семейного предприятия Уильяма Рассела индейцы полностью уничтожили несколько новых фермерских хозяйств, не оставив ни одного человека в живых. В это же время становилась все более заметной консолидация части племен шауни, делавар и чероки, фактически отказавшихся вести переговоры с поселенцами и начавших кровопролитные боевые действия. Постепенно все новые племена присоединялись к противникам виргинской экспансии, а на всей осваивавшейся территории происходили вооруженные столкновения. Промысловые экспедиции были вынуждены возвращаться и отступать гораздо севернее тех территорий, которые были переданы Виргинии по Форт-Стэнвикскому соглашению. Фактически к этому времени конфликт с племенами приобрел настолько значительный масштаб,

при котором планы по колонизации новых территорий оказались на грани срыва⁹.

В контексте четвертого этапа процесса эволюции политики взаимоотношений с племенами очень важным является 1774 г., который ознаменовал новую серию хорошо вооруженных экспедиций в земли Кентукки. Снаряжая новые экспедиции, сообщество виргинских плантаторов рассчитывало переломить ситуацию и погасить конфликт с племенами за счет увеличения вооруженных контингентов наемников, способных быстро наносить ответные удары по стоянкам племен после каждого нападения на ферму или опорный пост. Прибытие большого числа наемников значительно усилило экспедиции Э. Зейна, Д.Р. Кларка и М. Кресапа, отступивших к тому времени к форту Редстоун и ответственных за защиту виргинских хозяйств, расположенных в пределах коммуникаций вдоль тропы Немаколины и речных переправ на Мононгахиле. После возобновления притока колонистов вооруженная экспедиция М. Кресапа продвинулась к Мидл-Айленд-Крик, а группа Д.Р. Кларка вела землеустроительные работы вдоль Литл-Кановы. В то же время, воспользовавшись вооруженной поддержкой наемников, а также направленных виргинским правительством инженерных групп У. Кроуфорда и А. Макдональда, экспедиция Э. Зейна взяла на себя строительство первых укреплений будущего форта Финкасл¹⁰.

Можно предположить, что реакция коренных жителей региона на усиление потока вооруженных виргинских колонистов была резко негативной, но у многих малых племен не хватало сил для нападений на хорошо вооруженные и усиленные экспедиции. Временное ослабление остроты вооруженного противостояния племен и виргинских переселенцев объяснялось скорее выжидательной позицией более крупных объединений шауни, делавар и чероки, не имевших по многим вопросам единой позиции и поддерживавших временный союз лишь перед лицом угрозы виргинской экспансии. Документы указывают на то, что

к 1774 г. виргинские земельные компании контролировали имевшуюся инфраструктуру долины Огайо и пользовались моментом усиления вооруженных контингентов для того, чтобы по возможности прекратить конфликт мирным путем. Длительные переговоры с многочисленными малыми племенами чаще всего приводили к тому, что на взаимовыгодных условиях коренные жители земель Кентукки присоединялись к виргинским промыслам и меновой торговле¹¹. Избранная виргинскими земельными компаниями политика адресных точечных договоренностей с вождями оказалась удачной, и некоторые индейские поселения даже становились опорными стоянками экспедиций. Принципиально важно обратить внимание на то, что мирное развитие событий и политика скорейшего примирения с племенами доминировали на протяжении периода от окончания Франко-индейской войны и до 1774 г.¹²

Колониальная администрация Виргинии и сообщество крупнейших плантаторов были единодушны во мнении о том, что крупномасштабного конфликта лучше избегать, а переговорный процесс и поддержание разногласий между наиболее крупными союзами шауни, делавар и чероки являлось наиболее удачным способом последовательного мирного освоения земель Кентукки. В то же время документальные источники указывают на то, что со многими племенами так и не удавалось договориться. Чем дальше экспедиции продвигались в глубь земель Кентукки, тем чаще происходили вооруженные стычки с местными племенами, из-за чего темпы освоения земель замедлялись, а в некоторых случаях экспедиции вовсе были вынуждены возвратиться в исходные отправные базы¹³.

Поворотным моментом в политике взаимоотношений виргинских властей и коренных народов долины Огайо можно считать март-апрель 1774 г. Именно в марте 1774 г. союзу племен шауни удалось убедить другие наиболее крупные племена региона в необходимости дать отпор захватчикам.

В ближайшие виргинские форты поступили известия о том, что вся конфедерация племен Огайо объявила о состоянии войны с британскими колониями, после чего начались повсеместные вооруженные столкновения. После нескольких кровопролитных боев у устья реки Сайото всем экспедициям поступил приказ об отступлении к форту Питт. Были покинуты не только торговые посты и фермы, но также и укрепленные лагеря наиболее крупных и хорошо вооруженных экспедиций М. Кресапа, Э. Зейна и Д.Р. Кларка. События апреля 1774 г. еще более обострили ситуацию открытого противостояния с племенами, когда виргинские наемники, получив ошибочную информацию, напали на поселение дружественного племени минго, а среди многочисленных жертв оказалась семья вождя. После данного происшествия, именованного в исторических источниках как «резня у Йеллоу-Крик», многие дружественные Виргинии племена стали переходить в стан ее врагов и присоединяться к конфедерации племен Огайо¹⁴.

Для исследования взаимоотношений виргинских властей и индейских племен в 1770-е гг. данное время является наиболее важным, поскольку с момента неконтролируемой эскалации насилия были потеряны все надежды на мирное дипломатическое разрешение нарастающего конфликта с коренными жителями региона. Уничтожение ферм, промысловых стоянок и торговых постов привело к массовому оттоку поселенцев на восток и большим убыткам как земельных компаний в частности, так и всего плантаторского сообщества в целом¹⁵. О причинах эскалации насилия власти Виргинии узнали лишь в мае 1774 г., после чего единственно возможным способом разрешения критической ситуации был признан созыв ополчения и отправка солдат для полного подавления агрессии конфедерации племен Огайо. Губернатор Джон Мюррей, лорд Данмор, лично возглавил ополчение и, двигаясь от форта Питт к форту Финкасл, а затем к брошенным ранее экспедиционным стоянкам, достиг устья Кановы¹⁶. По-

строив укрепленный лагерь Кемп-Плезант в октябре 1774 г. он получил данные о том, что объединенные силы конфедерации племен Огайо ожидают виргинцев на другом берегу реки Огайо. 10 октября произошло сражение у Пойнт-Плезант, в котором индейские войска были разгромлены, после чего основные силы шауни отступили, а малые племена обратились к экспедиции Данмора с предложением мира. Это обстоятельство положило конец конфедерации племен Огайо. 19 октября шауни также обратились к губернатору Данмору с предложением мира и по Кемп-Шарлоттскому договору обязались уйти с территорий к югу от реки Огайо, окончательно признав условия Форт-Стэнвикского соглашения¹⁷.

Подводя итог анализа эволюции политики взаимоотношений виргинских властей с племенами долины реки Огайо, можно сделать ряд важных выводов, демонстрирующих особенности внутривластного процесса в колонии и объясняющих, каким образом можно связать территориальные приобретения виргинских колониальных элит и вооруженные конфликты Виргинии с племенами, происходившие в 1770-е гг.

Во-первых, Франко-индейская война 1754-763 гг. значительно упрочила положение виргинских элит на сопредельных территориях. Поддерживая британскую армию во время войны, виргинские элиты не только заложили основы собственного преобладания в регионе, но также получили по итогу войны значительный опыт и ресурсы, которые сделали их главным участником процесса освоения долины Огайо. Таким образом, распущенное по итогу войны ополчение пополнило разведывательные экспедиции, а освобожденные после заключения Парижского договора 1763 г. материальные ресурсы были вложены в подготовку и реализацию Форт-Стэнвикского соглашения 1768 г. Данный документ положил начало законному освоению территорий за западной границей Виргинии и смог стать ярким примером переговорного процесса с племенами. Пример заключения

договора между британской колонией и могущественной конфедерацией ирокезов показал, что крупные племенные объединения могли стать ценным региональным союзником.

Во-вторых, сопряжение интересов колониальной администрации и закрытого плантаторского сообщества показывало, что освоение земель Кентукки могло существенно расширить зону политико-экономического влияния Виргинии. Для этого и власти Виргинии, и сообщество плантаторов были готовы совместно продвигать политику взаимодействия с племенами в рамках Форт-Стэнвикского соглашения. В качестве единственного ответа на непримиримую позицию шауни и их попытку создания конфедерации племен Огайо виргинские элиты избрали политику последовательного наращивания темпов экспансии в регион. Баланс сил при этом поддерживался с помощью привлечения ирокезов и малых дружественных племен, охотно шедших на сделки с представителями виргинских властей.

В-третьих, особо показательным является процесс успешной изоляции шауни и попытки виргинских элит использовать противоречия между крупными объединениями шауни, делавар и чероки. Подобная продуманная политика вплоть до 1774 г. позволяла форсировать процесс промыслового и сельскохозяйственного освоения долины Огайо и сравнительно малыми ресурсами углубляться в земли Кентукки. С точки зрения взаимоотношений виргинских властей с племенами 1774 г. оказался поворотным, поскольку совпали процесс усиления шауни и инициированная «резней у Йеллоу-Крик» война Виргинии с объединением минго. На данном показательном примере можно наблюдать, как политика плантаторского сообщества и принадлежавших ему земельных компаний фактически была не отделима от политики официальных властей Виргинии, что равно заметно как при изучении Форт-Стэнвикского соглашения 1768 г., так и военных действий 1774 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Anderson F.* Crucible of War: The Seven Years' War and the Fate of Empire in British North America 1754-1766. New York, 2007.
- ² *Corbett J.S.* England in the Seven Years War: A Study in Combined Strategy. Cambridge, 2010.
- ³ *Jennings F.* Empire of Fortune: Crowns, Colonies, and Tribes in the Seven Years War in America. New York, 1990.
- ⁴ *Макаров Е.П.* Земельная экспансия британской колониальной элиты на примере деятельности компании Огайо накануне Франко-Индийской войны 1754-1763 гг. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 1 (58). С. 143-150
- ⁵ *Макаров Е.П.* Контекстуальные особенности британо-французских колониальных противоречий накануне Франко-Индийской войны 1754-1763 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2020. Т. 2. № 2 (6). С. 52-58.
- ⁶ *Beverley R.* The History and the Present State of Virginia. London: R. Parker, 1855. 103 p.
- ⁷ *Stanard M.N.* Colonial Virginia. Its People and Customs. Philadelphia: Lippincott, 1917. 518 p.
- ⁸ *Bruce H.A.* Daniel Boone and the wildness road. New York: The Macmillan company, 1910. 396 p.
- ⁹ *Jacob J.J., Clark G.R.* A biographical sketch of the life of the late Captain Michael Cresap. Cincinnati: Uhlhorn, Steam Job Printer, 1866. 156 p.
- ¹⁰ *Butterfield C.W.* History of George Rogers Clark's conquest of the Illinois and the Wabash Towns 1778 and 1779. Columbus: Ohio press of F.J. Heer, 1904. 848 p.
- ¹¹ *Stith W.* The History of the First Discovery and Settlement of Virginia. New York :Reprinted for Joseph Sabin, 1865. 386 p.
- ¹² *Doddridge J.* Notes on the Settlement and Indian Wars of the Western Parts of Virginia and Pennsylvania from 1763 to 1783, Inclusive, Together with a Review of the State of Society and Manners of the First Settlers of the West Country. Albany, N.Y.: Joel Munsell, 1876. 331 p.
- ¹³ *Campbell C.* History of the Colony and the Ancient Dominion of Virginia. Philadelphia: J.B. Lippincott, 1860. 768 p.
- ¹⁴ *Hartley C.B.* The life of Daniel Boone, the founder of the State of Kentucky. New York: A.L. Burt Company, 1859. 422 p.
- ¹⁵ Colonel William Fleming's journal, 1774 // Documentary history of Dunmore's war 1774. Ed. by R.G. Thwaites, L.P. Kellogg. Madison: Wisconsin historical society, 1905. P. 282-291.
- ¹⁶ *Murray J.* Journal of the expedition down the river Ohio under the command of His Excellency John Earl of Dunmore Lieutenant and Governor General of His Majesty's Colony and Dominion of Virginia. Williamsburg, 1774. 28 p.
- ¹⁷ *Макаров Е.П.* Война губернатора Данмора и продвижение экономических интересов виргинских элит накануне американской войны за независимость // История государства и права. 2021. № 9. С. 56-62.

TERRITORIAL ACQUISITIONS OF THE COLONIAL ELITE OF VIRGINIA AND ARMED CONFLICTS WITH THE INDIGENOUS POPULATION OF THE OHIO VALLEY IN THE 1770S

© 2021 E.P. Makarov

Samara State Technical University

The article is devoted to the study of a number of local geopolitical consequences of the French and Indian War of 1754-1763, as a result of which the territory of the Ohio River Valley was included in projects to expand the zone of influence of the Virginian colonial elites. The study of local political and legal practices associated with the execution of royal land grants shows the peculiarities of building relationships between American colonists and the indigenous peoples of the region. The period of the early 1770s, when the economic and financial expansion of the planters provoked a number of local armed conflicts between the armed forces of Virginia and numerous Indian tribes, deserves special attention. An analysis of these issues makes it possible to better study the legal foundations of the stay of the Virginian settlers on the lands of indigenous peoples, which are often poorly studied in relation to the specifics of the historical context of each of the local conflicts.

Keywords: North American colonies, colonial elites, Virginia, armed conflict, Indian tribes.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-4-59-65

Egor Makarov, Candidate of History, Associate Professor of the Department of Philosophy, Social Sciences and Humanities. E-mail: egor.makarov.esq@gmail.com

УДК 94(410).07

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ФОРМИРОВАНИЕ БРИТАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА НАЦИОНАЛЬНЫХ ОКРАИНАХ

© 2021 С.Г. Малкин

Самарский государственный социально-педагогический университет

Статья поступила в редакцию 19.10.2021

Обращение к историческим кейсам имеет не только академическое, но и политическое значение, особенно в тех случаях, когда актуальная повестка во многом определяется риторикой и опытом конфликтов, уходящих корнями в историю. В этой связи основное внимание в статье уделено характеру, формам и последствиям образовательной политики Великобритании на национальных окраинах в эпоху Нового времени в процессе формирования британской идентичности, поддерживавшей на идеологическом уровне практики национально-государственного строительства как в рамках Соединенного Королевства, так и в пределах Британской империи. На конкретных исторических и современных примерах показаны возможности и ограничения образовательной политики как гуманитарной технологии укрепления идеологической и риторической основ Великобритании в качестве многонационального и сложносоставного государственного образования. В фокусе исследования – исторически наиболее укорененный в этом смысле шотландский пример, анализ которого позволяет более предметно рассмотреть связь образовательных стратегий властей в прошлом и их последствий в настоящем, имея в виду перспективы повторного референдума о независимости Шотландии на фоне выхода Великобритании из Европейского союза.

Ключевые слова: образовательная политика, британская идентичность, национальные окраины; Великобритания, Ирландия, Шотландия.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-4-66-71

*Работа подготовлена в рамках проекта № 073-00065-21-01 от 14.07.2021
государственного задания Министерства просвещения РФ*

Современная западная (в первую очередь англо-американская) теория и опирающаяся на нее практика антиповстанчества подходят к школьному обучению как к одному из важнейших элементов политики «завоевания сердец и умов» местного населения. В этом смысле их идейная генеалогия восходит к установкам военных и гражданских офицеров колониальных служб европейских империй на завершающем этапе их существования, ознаменовавшимся началом деколонизации (в ограниченном масштабе до середины XX в.) после

Великой войны. Британский случай при этом является одним из наиболее показательных в этом вопросе. В этой связи эксперты довольно часто обращают внимание на особенности гражданского образования в школах Северной Ирландии в настоящее время. Власти рассматривают его как один из важных способов нормализации ситуации в провинции, расколотой по этно-религиозному признаку и на протяжении десятилетий охваченной беспорядками, сопряженными с актами политического насилия (1968-1998 гг.).

Предполагается, что такая образовательная модель должна способствовать формированию и укреплению общей оль-

---

Малкин Станислав Геннадьевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории, права и методики обучения. E-mail: s.g.malkin@mail.ru

стерской идентичности на региональной основе. Однако этот опыт показывает: дети из католических и протестантских районов и округов в Ольстере по-прежнему обучаются раздельно (93% обучающихся), что многое говорит об отдаленности перспектив этой образовательной модели с точки зрения формирования североирландской идентичности, особенно после «неожиданного» обострения вопроса о статусе этой провинции в связи с недавним выходом Великобритании из Европейского союза². Непрерывающийся приток рекрутов в террористические организации в провинции, как в католические, так и в протестантские, за счет подрастающего поколения и после Соглашения Страстной пятницы (1998 г.), призванного положить конец противостоянию британских сил безопасности и Временной Ирландской республиканской армии, также оставляет вопросы относительно степени эффективности в том числе и образовательного трека в рамках мирного процесса в Северной Ирландии.

При этом речь идет о стране с давним и разнообразным, хотя и не всегда успешным опытом инклюзивного образования, накопленным на фоне деколонизации, способствовавшей наплыву подданных Короны из бывших британских колоний в метрополию, начиная с середины XX в. В этом смысле сохранение политического значения гражданского образования, потенциала его реализации в зонах современных локальных конфликтов актуализирует разговор о гуманитарных технологиях и образовательных стратегиях в формировании национальной идентичности. Более того, исторически регулирование образовательной сферы в принципе являлось одной из важнейших составляющих колониальной и окраинной политики европейских держав по укреплению лояльности местных подданных Короны не только на закате, но и в эпоху строительства первых глобальных империй.

В отличие от североирландского случая, имеющего обширную историографию и уже

давно превратившегося в своеобразную фигуру речи, шотландский пример оказался куда более успешен (как образовательный и политический проект) и по этой причине заслуживает пристального внимания. К тому же долгосрочные последствия Брежита, как стали называть выход Великобритании из Европейского союза, сказались не только на перспективах мирного процесса в Ольстере и связанных с ним инициатив, в том числе и в образовательной сфере. В полный рост встал вопрос о дальнейшем пребывании Шотландии в составе Соединенного Королевства и, следовательно, о существовании самой Великобритании как таковой. Если на референдуме 2014 г. о независимости Шотландии с незначительным перевесом все же победили сторонники сохранения союза с Англией, то после решения Лондона о выходе из Европейского союза проведение повторного референдума о независимости вновь вошло в актуальную политическую повестку Шотландии – и вновь усилиями правящей Шотландской национальной партии.

Конечно, процесс деволюции – передачи значительной части законодательных полномочий на места – в Великобритании был запущен еще во второй половине XX в. В частности, шотландский парламент был восстановлен в 1997 г. Однако в целом пребывание Шотландии в составе Великобритании, фактически – с унии корон в 1603 г., юридически – с парламентской унии 1707 г., можно охарактеризовать как долгосрочный пример взаимовыгодного сотрудничества. Мир и стабильность на окраинах Великобритании утверждались не только с помощью королевской армии, но и благодаря расширению в местной среде круга сторонников британского мира – в политическом и культурном смысле слова. Фактически речь шла о формировании новой британской идентичности, основанной не на этническом происхождении, а на общих политических и экономических приоритетах и ценностях. Этот процесс был запущен вместе с унией парламентов в 1707 г. и про-

должался на протяжении всей последующей истории Британской империи, вплоть до середины XX в. Ее строительство при этом также являлось частью проекта формирования британской национальной идентичности (в гражданском смысле слова, учитывая ее многонациональный состав), отражавшего, в свою очередь, процесс формирования британской политической нации.

При этом особых результатов по интеграции Горной Шотландии власти добились в рамках образовательной политики, имевшей языковую и дискурсивную стороны. Еще в начале XVII в. корона продемонстрировала ясное понимание возможностей образования в вопросах культурной и политической интеграции горцев Шотландии: «Невежество и грубость [горцев] вызваны пренебрежением... образованием... Средство [к исправлению сложившегося положения заключается] в том, что каждый джентльмен или йомен в указанных землях, или другой, имеющий детей [и обладающий определенным состоянием], должен отправлять своего старшего сына или, если нет сыновей, то старшую дочь в школы Лоуленда [Нижней Шотландии]... для обучения разговору и чтению на английском языке»⁴.

Однако революционные события, наполнившие в истории Англии и Шотландии почти весь XVII в., прервали и без того трудно реализуемую в условиях лишь номинально подконтрольного короне Хайленда образовательную политику первых Стюартов. Новые правители столкнулись с той же проблемой – политической и культурной обособленностью Горной Страны. Якобитское движение (за возвращение короны «трех королевств» дому Стюартов), нашедшее широкую поддержку в Хайленде, требовало от новых правителей возобновления активных мер в этом крае. Вильгельм Оранский был более занят политической игрой на континенте, предпочитая в отношении горцев Шотландии показательные репрессии и подкуп вождей⁵. Тем же в целом ограничивалась его преемница королева Анна, и даже после принятия короны

более деятельными в Горной Шотландии представителями дома Ганноверов стратегия образования и ее языковые практики в Горной Стране все еще оставались в ведении Церкви Шотландии⁶.

Прозелитизм приходских школ в Горной Шотландии к началу XVIII столетия может быть описан в тех же терминах, что и деятельность школ Нижней Шотландии по обучению горцев в начале XVII в.: пример межкультурного образования на периферии привычного Соединенному Королевству жизненного уклада. Протестантизм к началу XVIII в. стал одной из важнейших основ британской идентичности в Англии и Шотландии, вновь гонимый после Славной революции католицизм прочно ассоциировался с якобитами. Наиболее последовательными сторонниками Стюартов в их попытках вернуть шотландской династии британский престол были именно горцы, многие из которых оставались католиками или сторонниками епископата. Борьба за распространение протестантизма в Хайленде характеризовалась поэтому как борьба за «освобождение от варварства и папизма» и превращение жителей Горной Страны в лояльных протестантской же монархии британцев⁷.

Такое просвещение Горной Шотландии на практике, однако, не шло проторенным путем, а пробивало себе путь сквозь череду социокультурных экспериментов. Первые из них были связаны с попыткой властей использовать в привнесённом образовании местный, гэльский язык. Последующие характеризовались сочетанием в преподавании английского языка и протестантского образовательного дискурса, также бывшего для Горной Страны в данный период явлением во многом внешним. Первые преобразования пришлось на 1690-е гг. Тайный Совет Шотландии уже в 1690 г. выделил 1 тыс. шотландских фунтов (для дефицитной казны Шотландского королевства в тот период немалая сумма) на распространение в Хайленде Библий на гэльском языке⁸. Вместе с недостатком

церковной протестантской литературы на гэльском остро ощущалась нехватка проповедников, знавших гэльский язык и способных выступать связующим звеном между противоречивыми культурами. В 1698 г. Ассамблея Шотландской Церкви решила отбирать среди обучавшихся горских юношей наиболее способных с тем, чтобы пополнить редкие ряды преподавателей приходских школ, знавших гэльский язык⁹.

Разбойная деятельность якобитов в Горной Стране и сохранение пограничных практик насильственного характера на рубежах Горной Страны с одной стороны, и религиозное рвение протестантской общины Шотландии, с другой, вызвали к жизни иной, более масштабный по размаху и результатам опыт межкультурного общения через просвещение в Горной Шотландии. В 1698 г. было образовано тесно связанное с Церковью Шотландии «Общество пропаганды христианского знания». Оно сразу же обозначило свое негативное отношение к гэльскому языку как главному препятствию в распространении протестантской религии (в Соединенном Королевстве понимавшейся именно как британский культурный код). Учителя приходских школ в Хайленде по-прежнему в основном не знали гэльский язык, местные уроженцы порой в такой же степени были знакомы с английским, и тем не менее амбициозная образовательная политика «Общества» дала в формировании британской идентичности свои результаты.

В 1720-1730-е гг. Горная Страна подверглась настоящему культурному вторжению новой британской традиции. Вслед за военными дорогами и фортами следовало, конечно, и «Общество пропаганды христианского знания», а вместе с ним – английский язык и протестантское вероисповедание – одни из самых важных основ британских общественных институтов в тот период как в Англии, так и в Шотландии. Показателен пример горной области Рэннох, об «отсутствии цивилизации и варварстве» в которой к началу XVIII в. сообщают современники, очевидно вы-

ступавшие за распространение в Хайленде британского мира. Первые основанные «Обществом» школы с преподаванием на английском здесь – первые межкультурные контактные зоны в крае – появились в 1732 г. К 1765 г. их насчитывалась дюжина со средним количеством учеников в 60 - 65 человек, что для такой отдаленной области и по меркам Горной Страны, чье население в 1747 г. не превышало 230 тыс. человек, являлось заметным¹⁰. В 1719 г. «Обществом» основано 49 школ в Хайленде, к 1732 г. их число было доведено до 109 и 200 к концу XVIII в.¹¹

Кросскультурное образование в Горной Шотландии в первой половине XVIII в. ждало и определенные трудности. Труднодоступность Горного Края, сложная военно-политическая и криминогенная обстановка в крае приводили к тому, что, например, МакДоналды из Мойдэрта и в 1755 г. говорили на гэльском языке и у них не было ни одной школы с преподаванием на английском¹². Не понимая и потому в том числе не принимая своих южных соседей, эти МакДоналды и в последнем якобитском восстании 1745 - 1746 гг. продолжали держать сторону Стюартов¹³.

Вместе с тем по ту сторону горских палашей и гренадерских штыков очаги британской культуры успели пустить в неподатливую местную почву крепкие корни. Вторгаясь в чужую культурно-историческую систему, Лондон не мог (и потому не собирался) в одночасье изменить традиции, укоренившиеся в Горной Шотландии. Однако его проводники в Горной Стране решительно обозначали и утверждали в крае новые границы британской культуры, расширяли для нее проницаемость Хайленда – дороги, военные форты и школы с учителями-протестантами и преподаванием на английском языке ускоряли передвижение не только стражей порядка в Горной Шотландии, но и традиций создававшейся Великобритании. Принятие британской идентичности, которая вполне сочеталась с шотландской, открывало перед горцами

наряду с временным давлением на традиционные язык и культуру (до конца XVIII в.) возможности быстрого карьерного роста и в королевской армии, и в торговых домах, и даже при королевском дворе¹⁵. С 1792-го по 1815 г. – время кульминации почти векового изнурительного противостояния «Великой Британии» и «Великой Франции» – почти каждый четвертый житель Хайленда проходил добровольную службу в полках под флагом Соединенного Королевства¹⁴.

Разные исторические судьбы Ирландии и Шотландии с точки зрения истории их отношений с Англией, безусловно, повлияли на характер ирландской и шотландской национальной идентичностей и степень их комплементарности британской идентичности. В результате Ирландия (за исключением шести северо-восточных протестантских графств Ольстера) фактически добилась независимости от Лондона еще в начале XX в., в 1921 г., после двух лет партизанской войны, а окончательно выйдет из-под власти короны в 1937 г. Шотландия и в первой трети XXI в. по-прежнему является частью Соединенного Королевства, несмотря на неприятие Брексита большей частью шотландцев и обещание Шотландской национальной партии повторить референдум о независимости 2014 г. Таким образом, образовательная политика Лондона на этих национальных окраинах выступала и выступает не только как инструмент формирования британской идентичности, но и маркер эффективности этого процесса. В этом смысле ирландский и шотландский случаи представляют особый интерес, являясь идеальной парой для сравнительно-исторического анализа. Такой подход, в свою очередь, позволяет переосмыслить роль гуманитарных технологий как в прошлом, так и на современном этапе национально-государственного строительства, однако это предмет отдельного разговора, обсуждение которого выходит за рамки данной статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Подробнее об этой образовательной модели: Фахретдинова А.П., Абакумова О.А. Различные подходы к гражданскому образованию в Великобритании // Вестник ТГПУ. 2017. 14 (181). С. 128 - 132.

²Edwards A., McGrattan C. Ireland, 2021: a century of insurgency, terrorism and security challenges // Small Wars & Insurgencies. 2021. Vol. 32. Issue 4 - 5. P. 587 - 597. Подробнее об образовательных практиках в Ольстере см., например: Michaels J.H. An education in counterinsurgency // International Political Review. 2020. Issue 8. P. 11 - 20; Hynd S. Small Warriors? Children and Youth in Colonial Insurgencies and Counterinsurgency, ca. 1945–1960 // Comparative studies in Society and History. 2020. Volume 62. Issue 4. P. 684 - 713.

³Notice of an Original Letter of King James II to Macdonell of Keppoch, after the Battle of Killiecrankie; three letters of General Monck; also, some documents relating to Rob Roy Macgregor, and to Simon, Lord Lovat / Ed. by J.A. Smith // Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland. 1866 – 1868. Vol. 7. P. 249 - 250; To Our Right Trusty and Well-Beloved Cosen and Councillor Johne Lord Viscounte of Dandee. Dublin Castle, March 29, 1689 // Letters of John Grahame of Claverhouse, viscount of Dundee, with illustrative documents. Edinburgh, 1826. P. 36.

⁴The 6th Statute of the Statutes of Icolmkil (Iona), 1609 // Donald J. Gaelic in Scotland 1698-1981. Edinburgh, 1983.

⁵Примечательный факт: возмущение, вызванное в Шотландии истреблением МакДоналдов из Гленко, избранных правительством Вильгельма III Оранского для наказания в назидание нелояльным кланам Горной Страны, монарх вскоре использовал в целях благоприятной презентации собственной персоны в «Северной Британии», организовав «расследование» произошедших в начале февраля 1692 г. событий (Warrant to Commission for Inquiring into the Slaughter of the M'donalds of Glencoe, April 1695. Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland. 1862 – 1864. V. 5. P. 59 - 60); Campbell J., 1st Earl of Bredalbane. List of Chieftains named in the Scheme proposed to the king for utilizing the Highlanders in case of any insurrection at home, or invasion from abroad, 1692 // Keltie J.S. History of the Scottish Highlands, Highland Clans and Highland Regiments. With an Account of the Gaelic Language, Literature, and Music by T. Maclauchlan and an Essay on Highland Scenery by

- J. Wilson. Vol. I - II. Edinburgh and London, 1875. P. 404 - 405.
- ⁶ *Chambers R.* Domestic Annals of Scotland. From the Revolution to the Rebellion of 1745. Vol. III. Edinburgh and London, 1874. P. 252 - 254.
- ⁷ *Robbins K.* Religion and Identity in Modern British History // Religion and National Identity. Oxford, 1982. P. 482.
- ⁸ *MacLean W.L.* Religion in the Clachan // Home Life of the Highlanders 1400–1746. Glasgow, 1911.
- ⁹ *MacDonald R.C.* Moidart: Among the Clanranalds. Edinburgh, 1997. P. 235.
- ¹⁰ *Cunningham A.D.* History of Rannoch. Inverness, 1994; *Graham N.* An Inquiry into the Causes which facilitate the Rise and Progress of Rebellions and Insurrections in the Highlands of Scotland, 1747 // *Burt E.* Letters from a Gentleman in the North of Scotland to His Friend in London. With large Appendix, containing various important historical documents, hitherto unpublished; with an introduction and notes by R. Jamieson. Vol. II / Ed. by R. Jamieson. Edinburgh, Glasgow, London, 1822. P. 339.
- ¹¹ *Chambers R.* Op. cit. P. 254.
- ¹² *Neilson R.* Report on conditions in Moidart for the Commissioners of Fisheries and Manufacturers, 1755 // National Library of Scotland. MS. La. 11.623.
- ¹³ *MacDonald R.C.* Op. cit. P. 146.
- ¹⁴ В абсолютном выражении: 75.000 человек из 300.000 населения Горной Шотландии в конце XVIII - начале XIX в.: *Davidson N.* Scottish Imperialism and National Identity (Part 1) // The first part of the Speech at the Word Power Books Fringe Festival on 15 August 2004.
- ¹⁵ *MacKillop A.* The political culture of the Scottish Highlands from Culloden to Waterloo // The Historical Journal of Cambridge. Vol. 46,3. September 2003. P. 514–516.
- ¹⁶ English Historical Documents. Vol. X. 1714- 1783 / Ed. by D.B. Horn, M.A. Ransome and M. Ransome. London, 1957. P. 662 - 664.

EDUCATIONAL POLICY AND BRITISH IDENTITY FORMATION AT THE NATIONAL OUTSKIRTS

© 2021 S.G. Malkin

Samara State University of Social Sciences and Education

Addressing historical cases has not only academic but also political significance, especially if the current agenda is largely determined by the rhetoric and experience of conflicts rooted in history. In this regard, the article focuses on the nature, forms and consequences of British educational policy on the national outskirts in Modern times in the formation of British identity, which supported the practice of national and state building at the ideological level both within the United Kingdom and within the British Empire. Specific historical and contemporary examples demonstrate the possibilities and limitations of educational policy as a humanitarian technology for strengthening the ideological and rhetorical foundations of Great Britain as a multinational and complex public entity. The study focuses on the Scottish case which has the deepest historically roots; its analysis allows a more detailed study of the relationship between the educational strategies of the authorities in the past and their consequences in the present, taking into account the prospects for a second referendum on Scottish independence in the context of Britain's exit from the European Union.

Keywords: educational policy; British identity; national outskirts; Great Britain; Ireland; Scotland.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-4-66-71

УДК 93/94

**МЕТОДОЛОГИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК ПО Н.И. КАРЕЕВУ
В СВЕТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ**

© 2021 С.В. Занин, Н.П. Щукина

Самарский государственный медицинский университет

Статья поступила в редакцию 05.12.2021

На материалах исторических, социологических и методологических работ Н. И. Кареева проводится анализ его понимания междисциплинарности. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что в трудах Н.И. Кареева на протяжении всей его научной деятельности разработка вопросов терминологии, классификации наук и методологии исследований занимают центральное место. Более того, обращение к этой тематике свидетельствует о том, что ученый ощущал потребность в подобной методологической и мета-научной рефлексии. Постоянно уделяя внимание вопросам взаимодействия наук (междисциплинарности), он обнаружил некоторые условия, при которых она возможна, а именно: междисциплинарность возможна лишь при строгом разграничении предметной области наук, она обусловлена определенной фазой в развитии гуманитарных и социальных наук, одна из которых становится основой для научной рефлексии (в его трудах - социология), междисциплинарность в социальных и гуманитарных науках возможна лишь на уровне фундаментальных исследований, а не прикладных. Исследования Н. И. Кареева представляются актуальными в свете ведущихся в современной российской гуманитарной науке дискуссий о междисциплинарности, использования научной терминологии в гуманитаристике и объективности научного знания.

Ключевые слова: историография, Н.И. Кареев, социология, история, междисциплинарность.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-4-72-80

Наследие Н.И. Кареева сегодня привлекает внимание не только в связи с юбилейной датой (170 лет со дня рождения). В условиях обновления общественно-научного знания в России в конце XX и начале XXI века отечественные исследователи во многом заново, освободившись от обязательных идеологических клише эпохи марксизма, в постмарксистской историографии открыли для себя горизонты зарубежной исторической и социологической науки. Об интегрированности российской науки дореволюционно-

го периода в науку мировую много писал и Н.И. Кареев, отмечая, что вклад в последнюю «весьма рано» внесли русские ученые, причем «раньше, например, чем американцы» [Кареев; 1897. С. XIV]. Являясь одним из первых и крупнейшим историком российской социологии, Н.И. Кареев немало сделал для того, чтобы вписать это наследие в мировую социологию, о чем помнят и зарубежные ученые. Да и в целом его работы содержат многочисленные оценки социологического позитивизма О. Конта, Г. Спенсера и Э. Дюркгейма.¹

С точки зрения актуальности наследия ученого, обращает внимание прежде всего его позиция позитивиста, который, призывая изучать не «сущности», а явления, тем самым делает акцент на динамизме современного ему социума и связанном с ним

Занин Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Истории Отечества, медицины и социальных наук.

E-mail: zansamara@mail.ru

Щукина Нина Петровна, доктор социологических наук, профессор кафедры Истории Отечества, медицины и социальных наук.

E-mail: nina_shukina@mail.ru

усложнении проблемного поля социальных наук.² Свидетель переходной эпохи в развитии мировой истории и истории своего Отечества, Н.И. Кареев стремился сформулировать общие принципы познания социальных явлений, «уважительно» относясь и к работам своих современников, хотя порой и не скрывал своего прохладного отношения к новомодному на тот момент времени неокантианству.³ Ведь неслучайно в работах Н.И. Кареева – от первых до последних – прослеживается стремление выявить внутренние тенденции в эволюции научного знания его времени и предложить соответствующую усложняющемуся предмету исследования классификацию наук. В последнем случае именно взаимосвязь гуманитарных и социальных наук и ее методологические основания стали одной из главных тем научных исследований Н.И. Кареева, будучи тесным образом связанными с его историческими работами, которые также приобретают ныне актуальное звучание. Известный российский историк Л.П. Репина замечала по этому поводу, что «аргументация современных пропагандистов глобальной истории удивительным образом перекликается с тем, что выдающийся российский ученый Н.И. Кареев, констатировавший «постепенное объединение судеб отдельных стран и народов», более века назад описывал как «всемирно-историческую точку зрения».⁴

Но, быть может, в еще большей мере, чем взгляд на «глобальную историю», для современной российской исторической науки важно суждение Кареева, прямо вытекающее из его представления о всемирной истории как о феномене, как о некоем «индивидуальном», по его словам, «однажды данном нам явлении».⁵ Взгляд на индивидуальное, уникальное в истории открывал уже в трудах самого Кареева перспективу изучения психологии исторического деятеля, обстоятельств его жизни в конкретной социальной, культурной среде и локусе, роднил ученого (разумеется, с известными оговорками) с современной интеллектуальной историей в ее различных версиях

и редакциях, коль скоро историю, по его словам, «интересует все индивидуальное – личность, народ, событие, процесс, – отмеченное собственным именем, топографическим и хронологическим указанием».⁶ Согласимся с тем, что Н.И. Кареев, по выражению А.Н. Нечурхина, «допускал известную психологизацию истории». Но дело не столько в подобном «допущении», сколько в том, что такого рода научное исследование должно быть основано на *взаимодополнительности* наук, на междисциплинарности, как мы сказали бы сейчас.⁷ Сам термин, разумеется, Н.И. Кареевым не употреблялся, но мысль о ней имплицитно присутствует в его трудах, коль скоро он настаивал на том, чтобы «история и социология шли рука об руку, взаимно одна другой помогая, одна другую контролируя; социология – со стороны общих научных идей, история – со стороны научно установленных фактов».⁸ На вопросе о концепции междисциплинарной методологии исследований в творчестве Н.И. Кареева представляется важным остановиться в настоящей статье, учитывая некоторые тенденции, наблюдаемые в гуманитарных науках в современной России. Таким образом, методологическую основу нашего исследования составляет историографический анализ научных подходов к обоснованию междисциплинарности в трудах Н.И. Кареева.

Отметим, что актуальность его наследия в современной историографии видится как раз в предложенном им междисциплинарном синтезе, в попытке интеграции гуманитарных, социальных, технических и естественных наук, особенно синтеза истории и социологии.⁹ Но сам Н.И. Кареев указывал и на то, что в его работах уделяется постоянное внимание пересмотру вопросов познания действительности, а по сути – рефлексии в рамках научного знания.¹⁰ Он задавал вопросы: что социальные науки могут ожидать друг от друга в этих условиях? Вокруг каких проблем они могут взаимно дополнять друг друга? Эти и другие вопросы сегодня вызывают дискуссии на разных уров-

нях и в разных формах, что – в частности – нашло яркое отражение в материалах ежегодных национальных конференций, а также Харчевских чтений.¹¹

Согласно Н.И. Карееву, междисциплинарность невозможна без строгого различения «общих понятий», определяющих характер мыслительного процесса.¹² Более того, «прогресс знания заключается в лучшем разъяснении старых понятий и возникновении новых, равно как в оправдании новых суждений по поводу прежних понятий».¹³ Вместе с тем понятийный аппарат условен, раз научные термины могут использоваться то в широком, то в узком смысле слова, в зависимости от задач исследований. «Сколько недоразумений порождается на этой почве неопределенности и многозначности таких терминов», – замечает ученый.¹⁴ Без строгого определения понятий не представляется возможным, по его словам, преодоление столь часто встречающегося «настоящего терминологического хаоса, поистине терминологической анархии» в гуманитарных науках, если сравнивать их с «естественными науками», терминология которых отличается «большей определенностью и большим однообразием при употреблении, нежели в науках, изучающих духовную природу человека и мир человеческих отношений».¹⁵ В современной отечественной научной литературе нетрудно встретить примеры подобной «анархии», прямо вытекающей из отсутствия различий предметного и рефлексивного уровня внутри научного познания. Например, в одной из монографий уделяется большое внимание понятийному ряду: практически каждая из шести глав работы начинается со слов «прежде всего, уточним содержание понятий...» и далее: «наркотик – это вещество, наркоман – человек его употребляющий, наркомания – зависимость, превращающая человека в наркомана». В итоге определение понятия наркотизма дается не путем обозначения существенных его признаков, а путём перечисления инструментов борьбы с ним.¹⁶ Или – суицидология определя-

ется как наука о мотивах «добровольного ухода из жизни и разрабатывающая психологические, педагогические, теологические и иные способы избавления человека от навязчивых идей и других зависимостей».¹⁷ Что такое «теологический способ избавления от зависимостей» авторы сочинения не проясняют. Нередко и в учебных пособиях встречаются схожие недостатки.¹⁸

Но ведь в том-то и дело, что, отождествляя предмет с инструментарием, частью которого является научный термин, авторы и попадают в тот самый «хаос», о котором предупреждал Кареев, приводя в качестве примера «двусмысленность самого слова «история»: «историей мы называем и изучение прошлого, и само изучаемое прошлое, ... как будто исторические источники и историческая жизнь – одно и то же и изучаются совершенно одинаково».¹⁹ Эта сентенция великого историка невольно приходит на ум, когда слышишь высказывания отечественных историков, считающих, что вся история как наука заключена в открытии и публикации новых источников. «Изучаемое прошлое» – результат определенной реконструкции по принятым исследователем правилам и процедурам, а «изучение прошлого» – процесс исследования источников, который включает в себя в том числе и отношение историка к ним. Если первое является по преимуществу рефлексией, то второе – областью предметной деятельности, причем она не является чем-то «объективным». Предмет исторического исследования необходимо еще сконструировать с учетом позиции исследователя. Эту мысль можно проиллюстрировать известной строкой А.С. Пушкина: «обязан истинный поэт для вдохновенных песнопений избрать возвышенный предмет». Здесь и мотивации поэта («обязан»), и его идентичность («истинный») вполне влияют на то, что он считает «возвышенным предметом». Именно поэтому парадоксальными выглядят сегодня притязания некоторых авторов на разработку «новой методологии», в частности криминологических исследований, с обе-

щением «избежать субъективных оценок и влияния психологического опыта исследователя на получаемые им выводы».²⁰ Как раз этот самый «опыт» и является составной частью процесса познания, который необходимо носит субъективный характер.

Сам Н.И. Кареев существенное внимание уделял именно рефлексивному уровню научного исследования, который нас преимущественно интересует в связи с проблемой междисциплинарности. По его мысли, науки, изучающие мир природы, называются естественными, в свою очередь науки, изучающие мир человека, называются гуманитарными, и это «всякий знает».²¹ Между тем сама классификация наук подчас носит «искусственный» характер.²² Поэтому деление наук на естественные и гуманитарные «очень грубо и далеко неточно». Уроки постконтровского позитивизма для Кареева не прошли даром. Он понимал, что деление на «естественные» и «гуманитарные» приводит к тому, что сложность, динамизм, противоречивость и взаимопроникновение наук подчас упускаются из виду. Но сказанное не означает, что классификация наук должна оставаться размытой, как это нередко случается в современной отечественной науке. «Как известно, - читаем мы в монографии, выдержавшей два издания, - все отрасли научного знания поделены на те, которые изучают окружающую человека среду, и на те, которые изучают внутренний мир человека».²³ В журнале, издаваемом ИНИОН РАН, «Социальные и гуманитарные науки» само название предполагает взгляд на эти науки как на самостоятельные. В случае с «Гуманитарными науками» - журналом Финансового университета, гуманитарные науки это - философия, социология, психология, история, русский и иностранные языки и т.п. В исследовательской деятельности Центра прикладных исследований Европейского университета в Санкт-Петербурге используются понятия социо-гуманитарных и гуманитарных дисциплин как взаимозаменяемые. При этом в материалах журнала «Социальные науки»

(Саратов) искомые науки включают в себя наряду с экономикой, социологией, юриспруденцией и т.п. лингвистику, филологию, философию. Столь широкая трактовка предметно-тематического поля и используемого в нем понятийного аппарата неизбежно ведет к подмене междисциплинарности, с позволения сказать, гибридной, против которой, в сущности, и предостерегал Н.И. Кареев, размышляя о классификации наук.

Во-первых, Н.И. Кареев настаивал на различии между наукой в строгом значении слова и ее функцией в обществе, которая не может служить основанием для классификации. «Задача истории, - писал он, - не в том, чтобы открывать какие-либо законы (на это есть социология) или давать практические наставления (это дело политики), а в том, чтобы изучать конкретное прошлое без какого-то ни было поспешного предсказывания будущего, как бы изучение прошлого и ни помогало в иных ситуациях предвидению того, что может случиться или наступить».²⁴ Во-вторых, именно классификация наук помогает точнее определить поле исследований отдельных социальных наук, под которыми им понимались науки о социальных явлениях (социология, государственное управление, юриспруденция, политэкономия). Они в некотором роде могут считаться и гуманитарными, в том смысле, что касаются человеческой деятельности. История («общая история» и такие исторические дисциплины, как «археология, демография, этнография») также относится к отдельному классу гуманитарных наук.²⁵ Подчеркнем, что такое видение взаимосвязи социальных и гуманитарных наук представлено в работе, которая «порождена желанием подвести итоги под выработавшимися в течение полустолетия методологическими взглядами и в которой предприняты усилия, по словам Кареева, для «цельного изложения» методологии гуманитарных наук.²⁶

В итоге он предложил классификацию, разделив науки на феноменологические, то есть изучающие уникальное и индивидуаль-

ное, например, история, и номологические, то есть изучающие закономерности (социология, право, психология). Конечно, такая классификация не могла не вызвать определенной настороженности у современников, в частности у тех, кто выступил с критикой его философско-исторических воззрений, обвиняя подчас историка и социолога в противоречиях и схематизме.²⁷ Социальные науки («номологические») рассматриваются ученым как самостоятельные, а не как относящиеся к классу гуманитарных наук. При этом гуманитарные и социальные науки соответственно «изучают духовную природу человека» и мир человеческих отношений, в том числе и психологию.²⁸

Свою классификацию Н.И. Кареев иллюстрирует, в частности, на примере связи между историей, социологией и юриспруденцией (теоретической и прикладной). История относится к числу общественных наук, поскольку ее предметом являются «разные человеческие общества, а потому только *общественные факты* заслуживают название исторических».²⁹ Рассматривая социологию в ее связи с другими общественными науками, Н.И. Кареев замечает, что «сначала было не совсем ясно, что должна представлять собою социология рядом с такими старыми науками, как история, юриспруденция и политическая экономия».³⁰ Но полувековое ее развитие позволяет, по его словам, предположить растущее сближение социологии с частными науками, что открывает возможность использования их результатов в «общей науке об обществе», которой и является, по его мнению, социология. Он настаивает на том, что по отношению к частным наукам социология должна занять такое же место, как биология по отношению к таким наукам, как физиология, став «синтезом и базисом социальных наук».³¹ Иными словами, ученый проводит различие между частными науками и общими. К последним относится социология. Социология – «общая для всех общественных явлений, изолированно изучавшихся *прежними* специальными наука-

ми».³² Поскольку история изучает общество «не как неизменное бытие, а как развивающееся явление», то в центр ее внимания попадает социальная динамика, которую и изучает социология, пользующаяся историей «как вспомогательной наукой», достигшей «известной высоты развития».³³ Иными словами, междисциплинарность не является данностью, она возникает на определенной *исторической* ступени развития наук. Неслучайно раздел одной из работ ученого называется «Историзм в гуманитарных и социальных науках».³⁴ Более того, если следовать логике Н.И. Кареева, то не исключена ситуация, при которой возможный сегодня междисциплинарный синтез окажется невозможным завтра, учитывая различные фазы развития гуманитарных и социальных наук и их взаимоотношений. В период, когда он сам разрабатывал свою классификацию наук, развитие социологии привело к тому, что именно на базе этой науки стала возможна рефлексия по поводу данных «частных наук» и вытекающие из нее основания для междисциплинарного синтеза. Именно в этом контексте следует рассматривать защищаемый им на протяжении всей жизни «принцип историзма». По мнению ученого, появление исторических школ «в первой половине XIX века сначала в правоведении», затем в других специальных науках способствовало внедрению исторического метода в их деятельность и тем самым предупреждению «абстрактного» исследования объектов данных наук, *вне времени и пространства*».³⁵ Поэтому внедрение «исторического метода» стало не только заслугой так называемой «исторической школы права» (а именно ее в этом контексте имел в виду ученый), но и отражало новый этап в развитии европейской гуманитарной науки, сущность которого состояла в том, что названный метод не только предполагал соблюдение принципа историзма в конкретных исследованиях, но и стал составной частью самой научной рефлексии.

Продолжением размышлений о сущ-

ности научной рефлексии являются его рассуждения о научной критике, которая «должна пользоваться теми же методами рассуждения, наблюдения и экспериментации, какими пользуется и научное исследование». ⁵⁶ Другими словами, научная критика по своей природе не только предметна, но рефлексивна. Осознавая это, ученый демонстрировал готовность к самокритике: «видеть соломинку в глазу ближнего и не замечать бревна в своем одинаково противно требованиям и науки, и этики». ⁵⁷ В работе «Моим критикам» он замечает, что критика, конечно, неприятна, но она может вскрыть «недостатки моего труда, все возможные в нем ошибки, погрешности». ⁵⁸ То есть и в его работах не может быть притязаний на «категорическое суждение», поскольку и они могут стать предметом критики с позиций «рассуждения, наблюдения и экспериментации». Но в том-то и специфика гуманитарной науки, что она конкретна как с точки зрения исторически определенного предмета исследования во «времени и пространстве», так и с точки зрения рефлексии и критики. Н.И. Кареев одним из первых в российской науке обратил внимание на связь методологии с рефлексивным уровнем научного познания, который в свою очередь может быть достигнут на исторически определенной фазе развития науки.

По Карееву, необходимо учитывать и то, что и сами науки делятся на «чистые» (в современных терминах «фундаментальные») и «прикладные», имеющие дело с фактами данного места и данного времени и ставящие «себе те или другие практические цели». ⁵⁹ Например, «чистая» юриспруденция ставит общие вопросы «о том, к чему нужно стремиться», например, «о правильном государственном устройстве, о справедливости правовых норм, о выгодности или невыгодности чего-либо для целей хозяйственной деятельности». ⁴⁰ Однако же существуют и «вопросы, способные интересовать только специалистов, даже только самый тесный кружок очень узких специалистов, делающих свое ученое дело, часто

и весьма важное дело самодовлеющей науки». ⁴¹ Значима с практической точки зрения мысль ученого о том, что далеко не все науки носят прикладной характер и что, учитывая преемственность в их развитии, к их описанию необходимо подходить с особой осторожностью. Тем не менее и сегодня в монографических исследованиях можно встретить утверждения, будто «любая наука должна решать прикладные задачи, что выражается в создании технологий». ⁴² Важным ориентиром, который задает творческое наследие Н.И. Кареева, является признание связи прикладных и фундаментальных исследований, без которой любой результат может оказаться, если можно так выразиться, полуфабрикатом, а междисциплинарный синтез окажется попросту невозможным, поскольку всякие прикладные исследования, например археографические или нумизматические в истории, как раз и предполагают строгие дисциплинарные границы.

Вопрос о междисциплинарности закономерно ставится Кареевым в плоскости фундаментальных исследований и имеет прямое отношение к методологии, о чем свидетельствует его работа «Общая методология гуманитарных наук», рукопись которой стала сравнительно недавно доступной широкой общественности благодаря публикациям Е.А. Долговой и А.В. Малинова. Примечательна дата создания этого труда - 1920 г. Перед нами обобщающий труд, в какой-то мере завещание великого ученого. «Методология, - пишет он, - есть дальнейшее развитие того, что содержится во всякой логике, в применении к особенностям, представляемым предметами, задачами, точками зрения и приемами отдельных наук». ⁴⁵ Автор подробно анализирует разнообразие научных методов, подразделяемых, в частности, на простые и сложные, акцентирует внимание на таких методах, как исторический и сравнительный, индукции и дедукции, на методах наблюдения. Он указывает на трансграничный характер методологии: одни и те же методы могут

использоваться в разных науках, но каждая из них «сама должна разрабатывать применение» этих методов. И в этом отношении с ним вполне соглашался его младший современник - Карл Маннгейм, доказывая, что методы «сами по себе не могут быть ни хорошими, ни плохими. Все зависит от того, как захочет использовать их человек».⁴⁴

И в этом отношении особо отметим решение Кареевым проблемы верифицируемости данных гуманитарных наук. Он считал, что в гуманитарных науках ошибки неизбежны, поскольку «в сравнении с чисто рациональными науками отличаются меньшей разработанностью и «эмпиричностью» по самой своей природе».⁴⁵ А потому одни и те же методы могут использоваться в разных науках, но все зависит от характера их применения. Сами по себе они не могут быть эффективными или неэффективными. «Само солнце нельзя подвергнуть какому-либо эксперименту, - замечает Н.И. Кареев, - его можно лишь наблюдать так, как оно есть, но солнечный луч можно подвергнуть эксперименту, пропустив его через трехгранную призму, через какую-нибудь прозрачную жидкость и т.п.».⁴⁶ В совершенно иной ситуации находится ученый-гуманитарий, применяющий метод наблюдения в гуманитарных науках.⁴⁷ Социальный факт невозможно непосредственно наблюдать. Социальный факт является не столько результатом непосредственного наблюдения, сколько результатом конструирования предмета знания. Кроме того, «методы, особенно в гуманитарных науках [не всегда надежны - С.З., Н.Щ.], вследствие меньшего их совершенства, большего количества отдельных в них направлений и спорности многих принципов».⁴⁸ Учитывая это, знание, «полученное одним методом, - подчеркивает ученый, - должно дополняться и даже проверяться другим». Но и в этом случае оно будет далеко от окончательной истины, поскольку, даже при «полном совпадении» данных, полученных с помощью разных исследовательских методов, не является основанием для «категорического суждения»

о решаемой проблеме.⁴⁹ Иными словами, междисциплинарный синтез как раз и позволяет решить многие проблемы верифицируемости научного знания в гуманитарных и социальных науках. Заметим, что современная наука, вслед за Н.И. Кареевым, признает промежуточный и неокончательный характер полученных результатов исследований. Например, в Кодексе этики Международной социологической ассоциации, говорится, что они «не должны быть представлены как неоспоримая правда».⁵⁰

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что в трудах Н.И. Кареева на протяжении всей его научной деятельности разработка вопросов терминологии, классификации наук и методологии исследований занимает центральное место. Более того, постоянное обращение к этой тематике свидетельствует о том, что ученый ощущал потребность в подобной методологической и мета-научной рефлексии. Постоянно обращаясь к вопросам взаимодействия наук (междисциплинарности), он обнаружил некоторые условия, при которых она возможна, а именно: междисциплинарность возможна лишь при строгом разграничении предметной области наук, она обусловлена определенной фазой в развитии гуманитарных и социальных наук, одна из которых становится основой для научной рефлексии (в его трудах - социология), междисциплинарность в социальных и гуманитарных науках возможна лишь на уровне фундаментальных исследований, а не прикладных.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Vucinich A.* Social thought in Tsarist Russia. Chicago and London: University of Chicago Press, 1976, Гекер Дж. Ф. Вклад Н. Кареева в социологию // Рубеж. 1992. № 3. С. 37-52.

² *Нечухрин А.Н.* Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. - 1917 г.). Гродно, 2003.

³ *Могильницкий Б.Г.* Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. - начала 900-х годов. Томск, 1969. С.123.

⁴ *Репина Л.П.* Новые исследовательские страте-

- гии в российской и мировой историографии. М., 2008. С. 6.
- ⁵ Цит. по *Нечурхин А.Н.*. Цит. соч. С. 37.
- ⁶ *Кареев Н.И.* Основные вопросы философии истории. 2-е издание. СПб., 1887. Т.1. С.288.
- ⁷ Здесь и далее курсив принадлежит авторам статьи.
- ⁸ Цит. по *Нечурхин А.Н.* Цит. соч. С. 44.
- ⁹ *Осипов И.Д., Погодин С.Н.* Концепция культуры в социологии истории Н.И. Кареева // Социология науки и технологий. 2020. Том 11. № 2. С. 87.
- ¹⁰ *Кареев Н.И.* Общая методология гуманитарных наук. Предисловие (152-153). Глава 3. Гуманитарные науки, их классификация и методология (154-174) // Вече. Журнал русской философии и культуры. 2011. № 22. С. 137.
- ¹¹ Программа XXII Харчевских чтений «Социология и социальные науки: новые контексты взаимодействия» (26 октября 2020 г., Москва).
- ¹² *Кареев Н.И.* Теории исторического знания. Из лекций по общей теории истории. Теория исторического знания и теории исторического процесса. Часть 1. СПб., 1913. С. 207.
- ¹³ *Кареев Н.И.* Общая методология гуманитарных наук. Глава 2. Логические предпосылки всякой методологии // Социологическое обозрение. 2017. Том 16. № 3. С. 329.
- ¹⁴ *Кареев Н.И.* Теории исторического знания. Из лекций по общей теории истории. Теория исторического знания и теории исторического процесса. Часть 1. Цит. соч. С. 210.
- ¹⁵ Там же. С. 209.
- ¹⁶ *Савенков А.Н., Жуков В.И.* Социология правовых девиаций и социальных аддикций. Монография. М., 2019. С. 209.
- ¹⁷ Там же. С. 111.
- ¹⁸ *Антонян Ю.М.* Криминология. Избранные лекции. М., 2004. С. 21 и 25.
- ¹⁹ *Кареев Н.И.* Теории исторического знания. Из лекций по общей теории истории. Теория исторического знания и теории исторического процесса. Часть 1. СПб., 1913. С. 209.
- ²⁰ *Рыбак А.З.* Криминология в человеческом измерении: новая методология. Монография. М., 2019. С. 2.
- ²¹ *Кареев Н.И.* Историко-философские и социологические этюды. Изд. 2-е с переменами. СПб., 1899. С. 1. С. 3.
- ²² *Кареев Н.И.* Общая методология гуманитарных наук. Предисловие (152-153). Глава 3. Гуманитарные науки, их классификация и методология (154-174) // Вече. Журнал русской философии и культуры. 2011. № 22. С. 155.
- ²³ *Рыбак А.З.* Криминология в человеческом измерении: новая методология. Монография. М., 2019. С. 26.
- ²⁴ *Кареев Н.И.* Историка (Теория исторического знания). 2-е изд. Петроград, 1916. С. 29.
- ²⁵ *Кареев Н.И.* Общая методология гуманитарных наук. Предисловие (152-153). Глава 3. Гуманитарные науки, их классификация и методология (154-174) // Вече. Журнал русской философии и культуры. 2011. № 22. С. 155.
- ²⁶ Там же. С. 153.
- ²⁷ *Кареев Н.И.* Теории исторического знания. Из лекций по общей теории истории. Теория исторического знания и теории исторического процесса. Часть 1. СПб., 1913. С. 39.
- ²⁸ Там же. С. 208-209.
- ²⁹ Там же. С. 199. Здесь и далее курсив принадлежит авторам статьи.
- ³⁰ *Кареев Н.И.* Введение в изучение социологии. СПб., 1897. С. 391.
- ³¹ *Кареев Н.И.* Общая методология гуманитарных наук. Предисловие (152-153). Глава 3. Гуманитарные науки, их классификация и методология (154-174) // Вече. Журнал русской философии и культуры. 2011. № 22. С. 159-162.
- ³² Там же. С. 157.
- ³³ *Кареев Н.И.* Введение в изучение социологии. СПб., 1897. С. 43.
- ³⁴ *Кареев Н.И.* Теории исторического знания. Цит. соч. С. 132.
- ³⁵ *Кареев Н.И.* Общая методология гуманитарных наук. Глава 2 Логические предпосылки всякой методологии. Цит. соч. С. 328.
- ³⁶ Там же. С. 363.
- ³⁷ *Кареев Н.И.* Теории исторического знания. Цит. соч. С. 185.
- ³⁸ *Осипов И.Д., Погодин С.Н.* Концепция культуры в социологии истории Н. И. Кареева // Социология науки и технологий. 2020. Том 11. № 2. С. 86.
- ³⁹ *Кареев Н.И.* Введение в изучение социологии. Цит. соч. С. 164.
- ⁴⁰ *Кареев Н.И.* Теории исторического знания. Цит. соч. С. 143.
- ⁴¹ Там же. С. 192.
- ⁴² *Рыбак А.З.* Цит. соч. С. 10.
- ⁴³ *Кареев Н.И.* Общая методология гуманитарных наук. Цит. соч. С. 328.
- ⁴⁴ *Мангейм К.* Диагноз нашего времени. Очерки военного времени, написанные социологом. М., 1992. С. 33.
- ⁴⁵ *Кареев Н.И.* Общая методология гуманитарных наук. Цит. соч. С. 333.
- ⁴⁶ *Кареев Н.И.* Теории исторического знания. Цит. соч. С. 51.
- ⁴⁷ *Малинов А.В., Долгова Е.А., Слискова В.В.* Наблюдение в социальных науках (по материалам рукописи Н. И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук») // Социология науки и технологий. 2020. Том 11. № 2. С. 56.

⁴⁸ Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук. Цит. Соч. С. 328.

⁴⁹ Там же. С. 347.

⁵⁰ Code of Ethics Approved by the ISA Executive Committee. 2011.

METHODOLOGY OF THE HUMANITIES BY N. I. KAREEV IN THE LIGHT OF THE INTERDISCIPLINARITY

© 2021 S.V. Zanin, N. P. Shchukina

Samara State Medical University

The article is based on the materials of historical, sociological and methodological works by N. I. Kareev and contains an analysis of his understanding of interdisciplinarity. The analysis led to the conclusion that the development of terminology, classification of sciences and research methodology was central to Kareev's works throughout his entire scientific career. Moreover, Kareev's constant references to these topics indicate that the scientist felt the need for such a methodological and meta-scientific reflection. Constantly addressing the issues of interaction of sciences (interdisciplinarity), he discovered some conditions that made it possible, namely: interdisciplinarity is possible only with a strict delineation of the subject area of sciences; it is due to a certain phase in the development of the humanities and social sciences, one of which becomes the basis for scientific reflection (in his works it is the sociology); interdisciplinarity in social sciences and humanities is possible only at the level of fundamental research, but not in applied research. N.I. Kareev's works seem relevant in the light of the ongoing discussions in contemporary Russian humanities about interdisciplinarity, the use of scientific terminology in the humanities and the objectivity of scientific knowledge.

Keywords: historiography, N. I. Kareev, sociology, history, interdisciplinarity.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-4-72-80

УДК 94(560)

**ВИЗУАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ КОММЕМОРАЦИИ В ПОЗДНЕЙ ОСМАНСКОЙ
ИМПЕРИИ И КОНСТРУИРОВАНИЕ КОНТРПАМЯТИ
(НА ПРИМЕРЕ МЕМОРИАЛА В САН-СТЕФАНО)**

© 2021 Ю.А. Жердева

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

Статья поступила в редакцию 30.09.2021

В статье рассматриваются механизмы конструирования памяти о российских военных победах на территории Османской империи, которые были сформированы при возведении храма-памятника в Сан-Стефано. Сопоставляются несколько конкурирующих памятей о мемориале в Сан-Стефано: официальный российский имперский нарратив о военной победе над Османской империей в 1878 г., османская память о катастрофическом военном и дипломатическом поражении, память турецкого общества об инциденте разрушения памятника, современные мемориальные дискурсы. Прослежены изменения политики памяти в позднеосманском и турецком обществе.

Ключевые слова: храм-памятник в Сан-Стефано, Османская империя, memory studies, Первая мировая война, политика памяти.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-4-81-89

Введение. Последние десятилетия XX в. и начало XXI в. в исторической науке стали временем значительных трансформаций как предмета, так и методов исследования – трансформаций столь масштабных, что они практически сразу получили влиятельное именование «поворотов», обозначив тем самым еще более широкий контекст монументальных сдвигов во всех гуманитарных и социальных исследованиях. Один из самых заметных поворотов в исторической науке – «мемориальный поворот», смысл которого заключается в том, что фокус внимания историка переносится с объекта (явления или процесса) прошлого, на то как выстраивается память о нем в сознании общества (ее содержание, способы трансляции, а также функции памяти в обществе)².

Исследовательское поле *memory studies* (изучение памяти), появившееся в ходе

«мемориального поворота», представляет собой весьма дифференцированное пространство, в котором сложные теоретические проблемы понимания механизмов памяти и самой возможности существования коллективных форм памяти соседствуют с казусными сюжетами, исследующими локальные мемориальные практики на конкретно-историческом материале. Данная статья является одним из таких казусных примеров. Предметом ее выступает мемориальный комплекс в Сан-Стефано, построенный в 1898 г. российским правительством в память о знаменитом Сан-Стефанском мирном договоре 1878 г. – комплекс, который создавался как «вечное» поминовение (коммеморация) усопших российских воинов, но он не пережил ни Первую мировую войну 1914-1918 гг., ни Османскую империю. Целью исследования является реконструкция нескольких конкурирующих памятей о мемориале в Сан-Стефано: официального российского имперского нарратива о военной победе над Османской

---

*Жердева Юлия Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и документоведения.
E-mail: zherdeva.yua@ssau.ru*

империей в 1878 г., османской памяти о катастрофическом военном и дипломатическом поражении, памяти турецкого общества об инциденте разрушения памятника, современных мемориальных дискурсов. Для понимания этих конкурирующих мемориальных нарративов мы воспользовались понятием «контрпамять» (М. Хирш), под которым в данном тексте мы будем понимать память, альтернативную тому нарративу, который создавался русским мемориалом в Сан-Стефано при его возведении, но существующую в рамках «коллективного воображаемого» османского, а затем турецкого общества и современного российского.

Методика исследования. Известный итальянский исследователь истории и культуры Карло Гинзбург предостерегает историка от опасности «принять реальность за нечто самоочевидное» и призывает изображать историю «в обратном порядке»³. Следуя за Гинзбургом, мы попытаемся начать исследование визуальных стратегий коммеморации войны в поздней Османской империи, заняв предельно дистанцированную позицию по отношению к изучаемому предмету, из перспективы настоящего. Такую теоретическую рамку исследованию задают *memory studies*, изучающие разные формы взаимодействия памяти с настоящим⁴. Наше исследование будет строиться вокруг мест захоронения русских воинов, погибших в русско-турецких войнах на территории Османской империи, при этом мы постараемся выстроить несколько хронологических пластов: конструирование мемориального нарратива при возведении памятника, трансформация памяти о мемориале от османского к турецкому обществу, память о мемориале в современном российском и турецком обществах.

Результаты исследования. Начать исследование визуального конструирования памяти нам хотелось бы с размышлений об архитектурном воображении: общества, его воздвигшего (поздней Российской империи), общества, его принявшего (поздней Османской империи) и современного

общества (историков, которые сегодня эти памятники изучают). Выразительным проявлением архитектурного воображения является цитата из поэтического текста С.В. Капустина, российского историка, писателя, насельника Саввино-Сторожевского ставропигиального мужского монастыря – стихотворения, которым открывался его доклад «История русского мемориала Сан-Стефано в Стамбуле» на VIII Кадашевских чтениях в декабре 2010 г.:

*В Стамбуле ждет печаль меня,
Но не горит над ней свеча⁵.*

Российский историк в этих строках выражает сожаление о том, что памятник в Сан-Стефано (сегодня уже часть Стамбула) – мемориал на месте захоронения нескольких тысяч российских солдат и офицеров, погибших в русско-турецких войнах, – больше не существует. «Свеча» в этом тексте – очень сильная визуальная метафора. Мемориал в Сан-Стефано действительно напоминал свечу. Высоким стройным силуэтом 30-метровой колокольни⁶ он возвышался на вершине холма в местечке Сан-Стефано, недалеко от места, где 19 февраля (3 марта) 1878 г. был подписан прелиминарный мирный договор между Российской империей и Блистательной Портой. По оценкам в российской историографии этот договор был исключительно успешной победой российской дипломатии и являлся своего рода «дипломатическим credo России», точнее ее «официальной политической программой решения Восточного вопроса»⁷.

Конечно, для С.В.Капустина эта метафора – не только поэтическое воображение, но и религиозное: поминовение погибших, принятое в христианской традиции. Однако воображение историка простирается дальше, и храм-памятник в Сан-Стефано в его детальном описании визуализируется в ожившие картины русской истории, аллюзии «славных военных побед». Позволю себе пространную цитату из его статьи, текста не менее поэтического:

«Кажется, что в крутом подъеме анфилад лестниц проступают неприступные

стены Измаила, и вот-вот славные русские воины-соколы, сверкая штыками, по взмаху руки Суворова, ринутся на штурм неприступной крепости. В боковых, закругленных углах памятника еле заметно проступают рубленные, плетеные флешы – это редуты защитников Севастополя, и на седых каменных стенах проявляется профиль Нахимова с его неизменной подзорной трубой в руке. В высоко поднятом кресте видится гордый символ победы князя Румянцева над 80-тысячной турецкой армией под Кагулом. Знойный ветер доносит ощущение жаркого лета, Прутского похода Петра I, а в голубых переливах зеленого мрамора колокольни чудится отражение морских волн при знаменитом Керченском сражении Ушакова»⁸.

Историческое воображение в этом описании соединяется с национальным, и современный историк транслирует тот нарратив, который создавался российскими политическими элитами в 1878 г.: установить «Памятник Славы» на месте подписания Сан-Стефанского договора. Возведение памятника стало одним из значимых требований российской дипломатии при переговорах в Сан-Стефано и было подтверждено даже в дополнительных статьях к договору⁹. Однако в восприятии османских властей это был не «памятник славы», а «памятник позору», который, по словам одного из подписывавших договор Саадуллах-паши, османского посла в Берлине, «каждый день кричал бы османам в лицо об их позорном поражении»¹⁰. Каким же образом «памятник Славы» обратился в «свечу»?

Попробуем понять социальный и политический контекст возведения памятника, его восприятие в Османской империи. Прежде всего, интересно само именование этого сооружения. В русскоязычных документах он назывался «храм-памятник», подчеркивалось одновременно военное и религиозное его значение, в то время как во французских и английских текстах – это «памятник» (*Monument*), а в турецких – «церковь» (*Kilise*). По мнению Габриэля Дойла, франко-австралийского историка,

изучающего городские ландшафты поздней Османской империи, такой религиозный смысл в глазах османов должен был облегчить выдачу России разрешения на строительство монумента, поскольку военная его сторона напоминала бы о страшном поражении¹¹. Действительно, в феврале 1878 г. российские войска, расположившиеся в Сан-Стефано, находились лишь в нескольких километрах от Стамбула, и генерал М.Д. Скобелев вечерами, переодевшись в гражданское, даже выходил прогуляться по центру Стамбула, готовясь к возможному штурму¹². Нам, однако, представляется, что такое именование имело скорее культурный, чем политический смысл. Во-первых, жители Стамбула сами подчеркивали визуальное сходство памятника с русскими церквами¹³, а во-вторых, Сан-Стефанский мирный договор с Россией воспринимался османскими общественными и политическими кругами как национальное оскорбление, и вряд ли именование «церковью» памятника, напоминавшего об этом мире, могло смягчить такую травму.

Заметим, что между подписанием Сан-Стефанского договора в 1878 г. и открытием памятника в 1898 г. прошло 20 лет, в течение которых велись долгие переговоры о месте возведения монумента, оформлялась покупка земли под него и разрабатывался архитектурный проект. За это время российский дискурс сместился от «памятника Славы» к «мемориалу-усыпальнице», из-за чего и облик мемориала принял вид храма, причем в нарочито «русском стиле». Политически, конечно, это был грамотный шаг: теперь памятник символизировал не столько «славу русского оружия» и, соответственно, поражение османов, сколько заботу об умерших, акт поминовения. Для того, чтобы придать этому месту значение настоящей усыпальницы, останки нескольких тысяч «павших во время войны офицеров и нижних чинов» были перевезены в Сан-Стефано из различных мест османской Фракии и южной Болгарии¹⁴. Видимо, общее число погребенных здесь было не менее 10

тыс. человек¹⁵. Усыпальница была расположена в виде креста, пол устлан гранитом¹⁶. Для российской прессы этот мемориал стал «памятником на костях русских воинов»¹⁷.

Турецкий историк Дилек Кайя Мутлу подчеркивает национальный дискурс в восприятии памятника османами. Она отмечает, что, хотя Сан-Стефанский договор и спас Стамбул от российской оккупации физически, однако для националистически настроенных политиков, журналистов, писателей и общественных деятелей возведение в Сан-Стефано монумента все равно означало символическую оккупацию. Ссылаясь на восприятие идеи возведения монумента упомянутым выше Саадуллах-пашой, такой памятник – «глаза врага, смотрящие на прекрасный Стамбул»¹⁸. И действительно, 20 лет спустя открытие этого памятника было воспринято османами почти как падение Стамбула, настолько глубоким было чувство поражения, символизируемое памятником. При этом Кайя Мутлу обращает внимание на то, что по личным воспоминаниям различных представителей османского общества видна их озлобленность не только на русских, но и на османские власти, допустившие возведение такого унижительного символа национального поражения. По сути, этот памятник для османов стал средством конструирования национальной идентичности, а его снос – лишь делом времени. Еще Саадуллах-паша, поняв на Берлинском конгрессе в 1878 г., что даже через британского премьер-министра Б. Дизраэли не сможет добиться устранения из договора статьи о возведении памятника, удовлетворился надеждой на появление «храбрых героев в будущих поколениях турок, которые разрушат памятник», а после открытия памятника в 1898 г. османские власти советовали общественности «набраться терпения и ждать мести до тех пор, пока османское государство не восстановит свою мощь и не вернется к своим славным дням»¹⁹.

Действительно, только введение национального дискурса позволяет понять ту ярость, с которой был разрушен русский

памятник в Сан-Стефано. Отметим, что национальная повестка проявилась в политической жизни Османской империи сравнительно поздно, лишь во второй половине XIX в. Империя стабильно функционировала как полиэтничное и многоконфессиональное образование, конфликты внутри которого обострялись чаще всего под влиянием извне. Однако политика Порты, проводимая с 1856 г. под давлением европейских держав, «привела к политизации религиозных различий между мусульманами и христианами и различными другими конфессиональными группами»²⁰. Националистические настроения, усилившиеся с приходом к власти правительства младотурок в 1908 г., порождали агрессивную национальную политику в отношении неосманского населения империи.

Пригород Стамбула Сан-Стефано в этом новом националистическом контексте отличался особо: это был инокультурный, европейски застроенный район на побережье Мраморного моря, где многочисленные неосманские общины (греческая, русская, французская, итальянская и др.) со своими церквями, школами, кладбищами (заметим, что все эти сооружения имели статус экстерриториальности) сосуществовали с фешенебельными зонами приморского отдыха состоятельных жителей Стамбула. Строительство здесь еще одного православного храма или открытие кладбища не представляло проблемы для османских властей. И только восприятие «русского памятника в Сан-Стефано» как символа национального поражения обострило конфликт вокруг него, а согласование затянулось на несколько лет.

Российские власти усилили ощущение противостояния с османским окружением, отграничив территорию, на которой должен был находиться храм-памятник, стеной, напомилавшей крепостную, даже с башнями по углам. Это визуально отделяло русский памятник от остального пространства, противопоставляло его окружающей среде, подчеркивало иной архитектурный

язык, отличный от облика османских погребальных сооружений и кладбищ с их прозрачными стенами. Отличался он своим обликом и от османских мемориальных сооружений, примером которых в Стамбуле был так называемый «Монумент свободы». Этот мемориал был возведен лишь в 1911 г. и имел отчетливую политическую окраску: служить легитимацией младотурецкого режима как мемориал, возведенный в память о воинах, погибших при защите парламента от контрреволюционных монархических сил, попытавшихся совершить в 1909 г. переворот. Этот монумент визуально напоминал типичное османское надгробие политических элит – лаконичный, строгий, согласованный с османскими практиками поминовения. Русский же памятник в Сан-Стефано был другим. Он возвышался на открытом пространстве рядом с городом (на земле, которую смогло выкупить российское правительство), визуально доминировал над ним, подчинял себе окрестности и приковывал внимание. Своим «русским стилем» он как бы наглядно демонстрировал присутствие русской армии у ворот Стамбула. Довольно быстро он превратился в местную достопримечательность, был растиражирован на тысячах открытых писем французских издателей Стамбула.

Как только Османская империя вступила в 1914 г. в войну с Россией, этот памятник стал символической жертвой войны, а его разрушение – возвращением национальной гордости османов. Акт демонтажа памятника был совершен практически сразу – на третий день после объявления священной войны в защиту веры²¹. В своей речи Шейх уль Ислам подчеркивал, что Россия, Англия и Франция «враждебны к исламскому халифату», а также призывал мусульман этих стран присоединиться к «священной войне»²². Османские газеты писали о том, что, выражая чувство солидарности странам-участницам Тройственного союза, толпа стамбульских обывателей собралась рядом с посольствами Германской и Австро-Венгерской империй, а затем устроила тор-

жественное шествие по улицам Стамбула. Часть этой стихийно образовавшейся массы людей двинулась в сторону Сан-Стефано, где объединилась с местными обывателями, жителями окрестных деревень и ворвалась в храм, начав его разрушать.

Экстатичное разрушение храма-памятника в Сан-Стефано можно рассматривать не только в строго политическом значении, но и с позиции культурных османских практик. Прежде всего, культуры смерти в Османской империи. Во-первых, одной из важнейших особенностей османских традиций траура является экстатическое поведение при оплакивании умершего²³. Несмотря на то, что такое бурное проявление эмоций противоречит исламскому принципу сдержанности и осуждения чрезмерного проявления горя, в Османской империи вплоть до начала XX в. сохранялись практики траурной экзальтации: бросание на землю, посыпание головы прахом, громкие крики, разбивание предметов, острижение волос и проч.²⁴ Подогреваемая националистическими ораторами и религиозными фанатиками толпа, таким образом, обратилась к архаичным, но все еще живым практикам траурного поведения, усиливавшим экзальтацию. Во-вторых, и, возможно, еще более важно то, что в османской культуре сохранялись сторонники пуристского понимания исламских погребальных практик, в восприятии которых смерть имела уравнивающее значение, она стирала различия между людьми и устраняла несправедливость, поэтому и визуальное присутствие смерти должно быть минимальным: предпочтение отдавалось могилам, не отличающимся друг от друга или вообще немаркируемым, незаметным, а любая форма различия в надгробиях, особенно возведение памятника, подвергалась резким упрекам. Можно представить, какой протест вызывало присутствие такого масштабного мемориального сооружения, как русский храм-памятник с его монументальными архитектурными формами среди исламских пуристов.

Здесь можно отметить и специфику визуального картирования значимых погребений в позднеосманской городской традиции, в Стамбуле в частности. Османские политические и социальные элиты стремились придать надгробиям как можно большую заметность и монументальность как из религиозных (молиться за тех, чьи надгробия видны), так и из социальных соображений (памятники подчеркивали значимость). По словам турецкого историка Эдема Элдема, Стамбул, окруженный многочисленными кладбищами, выглядел как «город, осажденный мертвыми»²⁵.

По-видимому, изначально разрушение храма-памятника было стихийным актом, однако власть и военные сразу же постарались придать ему важное символическое значение и присвоить его. Здание было подорвано динамитом, хотя до конца его разрушить так и не смогли. В годы Первой мировой войны на месте русского памятника в Сан-Стефано были устроены военные казармы. Таким образом, произошло наглядное переназначение места – прежнее военное поражение стало поводом для реабилитации османской армии и залогом ее будущей победы над главным врагом. Центральные младотурецкие газеты «Танин» («Рассвет») и «Тасфир-и эфкяр» («Выразитель идей») на следующий день после взрыва утверждали, что разрушение русского памятника в Сан-Стефано, «памятника жестокости и злу», было правомерным актом «национального реванша», заслуженным правом «нации, которая хочет воспрянуть и навсегда забыть болезненные воспоминания о прошлом»²⁶. Парадокс в том, что сам акт забвения (разрушение памятника), стирания из памяти османов болезненных воспоминаний о проигранной войне и о том, как русские чуть не захватили Стамбул, был заснят на киноплёнку, т.е. сохранен на новом носителе памяти. А затем, уже после Второй мировой войны, именно эти документальные кадры стали считаться первым фильмом в истории национального турецкого кинематографа. По словам Кайя Мутлу, «если военные

уничтожили российский памятник вместе с национальной памятью, связанной с ним, историки турецкого кино дискурсивно реконструировали его, но в новой форме: памятник, в рамках дискурса историков кино, больше означал не память о поражении, а “славное” начало турецкого кино»²⁷.

В современном Стамбуле память о русском храме встраивается в новый политический конфликт – между либерально и традиционалистски настроенными общественными силами. Памятник не только не забыт, но и включен в риторику многоголосия городской памяти. В 2010 г. архитектурное бюро *PATU* разработало проект «Воображаемые здания» («*Hayal-et Yapılar*»), посвященный городской памяти и поддержанный Агентством «Стамбул – Культурная столица Европы 2010 г.». К работе над проектом были привлечены историки, журналисты, архитекторы, дизайнеры, которые выбрали 12 разрушенных зданий Стамбула, принадлежавших разным эпохам, и попытались представить, как бы эти сооружения существовали в современном городском пространстве. Это был интеллектуальный, ироничный диалог воображений, без лишнего пафоса и риторики оплакивания: некоторые здания стали воображаемым музеем, а некоторые – автостоянкой и даже шашлычной²⁸. На месте всех разрушенных зданий во время выставки были размещены инсталляции, напоминавшие эти сооружения. Авторы проекта хотели «создать чувствительность к разрушению», обратить внимание горожан на здания или объекты, мимо которых они ходят годами и не задумываются о том, чем они были прежде. Они стремились повысить осведомленность об исторических сооружениях, следы которых еще остались в городе. Одним из этих объектов был мемориал в Сан-Стефано.

Участники проекта подчеркивали, что «с архитектурной точки зрения русский памятник был интересным дополнением к разнообразию архитектурных стилей в городе»²⁹. Они сделали 3D-модель района Ёшилькёй (так сегодня называется Сан-

Стефано, «зеленая деревня») с реконструкцией памятника, задаваясь вопросом, как бы выглядел Ёшилькёй, если бы памятник все еще существовал. Авторы проекта превратили памятник в краеведческий музей и представили, что люди будут пить кофе на площади, которая является продолжением большого леса Ататюрка. Авторы проекта старались сделать восприятие «живого» памятника как можно более естественным, подчеркивая, что рестораны, бары и концертные залы, которые были открыты русскими эмигрантами, бежавшими от революции 1917 г. в России, оказали огромное влияние на общественную жизнь Стамбула начала XX века, а их следы все еще можно увидеть в таких известных ресторанах, как «*Rejans*» и «*Ayaspaşa*». Воображая альтернативное городское пространство Ёшилькёй, авторы проекта пытались ответить на вопрос: «Что если бы памятник Сан-Стефано не был разрушен, а небольшая община русских беженцев была добавлена к и без того многокультурному Ёшилькёю? Будут ли местные жители проводить свои выходные в знаменитых русских ресторанах вокруг памятника, в то время как его площадь будет полна любопытных туристов?»³⁰. Проект вызвал в городе оживленные дискуссии и протесты. Либерально настроенные журналисты с сожалением отмечали, что «все символы, составляющие память о городе, постоянно разрушаются, как, например, русский храм в Сан-Стефано», поскольку в политике городских властей «процесс национализации географии основан на отчуждении, а не на дистанцировании от прошлого»³¹.

Несмотря на то, что материалы проекта уже недоступны для онлайн просмотра, созданные им фантазийные и ироничные 3D-визуализации мемориала до сих пор остались в сети и вселяют в некоторые российские общественные организации надежду на то, что они олицетворяют планы возрождения памятника. Идея восстановить мемориал активно обсуждается и сейчас в российских церковных и политических кругах. Представители Императорского

Православного Палестинского Общества и Культурно-просветительской организация болгар в Москве время от времени заявляют о переговорах по восстановлению памятника³². Они ссылаются на то, что между Р. Эрдоганом и В.В. Путиным достигнута договоренность еще в 2012 г., а в 2016 г. Комиссия по национальной обороне парламента Турции дала официальное согласие на восстановление памятника³³. Указывается также, что территория юридически еще российская, является местом захоронения и должна быть восстановлена как место поминаения умерших российских воинов³⁴.

Выводы. До настоящего времени на месте взорванного мемориала остается заброшенный пустырь, котлован, бетонная плита и полуразрушенные военные казармы. Французский историк Габриэль Дойл обозначает это место как «шрам» на городском пространстве Сан-Стефано. «Время никогда не сотрет первоначальные границы между российским памятником и окружающей “национальной” территорией, – пишет он, – здесь определенно прослеживается след конкурирующих империй и конкурирующих суверенитетов: историческую экстерриториальную границу заменил только проволочный забор»³⁵. Разрушение Русско-го храма в 1914 году, по его мнению, было ранним признаком того, что произойдет в Турции при переходе от империи к национальному государству после Первой мировой войны. Этот способ национального государства навязать территориальное единообразие действительно предвосхитил как унификацию городского пространства, так и институционализацию исторической политики Турции в целом³⁶. И тем не менее в настоящее время, когда «произошло переориентирование мемориальной культуры с героического нарратива на жертвенный»³⁷, русский памятник в Сан-Стефано все еще актуализируется, но уже не в военном контексте, а культурном.

Исследование позволило показать сложный процесс трансформации мемориального дискурса в различных исторических

контекстах. Частный случай российского храма-памятника в Сан-Стефано демонстрирует: конкуренцию мемориальных нарративов о значимом для общества событии, каковым в данном случае являлась война; хрупкость чужеродных мемориальных символов, особенно в случае, когда они связаны с идеологиями формирующихся национальных государств и противостоят официальному национальному героическому нарративу; возможность примирения мемориальных дискурсов в условиях равноправного мультикультурного диалога.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бахман-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / Пер. с нем. С. Ташенкова. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. 504 с.
- ² Леонтьева О.Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. 2015. № 50. С. 59.
- ³ Гинзбург К. Остранение. Предыстория одного литературного приема // Деревянные глаза. Десять статей о дистанции. М.: Новое издательство, 2021. С. 61-62.
- ⁴ Завадский А. Memory studies // Все в прошлом. Теория и практика публичной истории / под ред. А. Завадского, В. Дубиной. М.: Новое издательство, 2021. С. 338.
- ⁵ Сан-Стефано. Русский храм-памятник в Стамбуле [Электронный ресурс] // BG diaspora. Культурно-просветительская организация болгар в Москве. 18.03.2011. URL: <http://bgdiaspora.h3b.ru/894> (полс. обр. 30.10.2021).
- ⁶ Родина. 1899. № 11. С. 437.
- ⁷ Чернов С.Л. К вопросу о Сан-Стефанском договоре 1878 года // История СССР. 1975. № 6. С. 136.
- ⁸ Капустин С.В. Русский памятник в Сан-Стефано и его значение // Кадашевские чтения. Вып. 8. [Материалы VIII конференции, 20-21 декабря 2010 г.] / Гл. ред. А. Салтыков. М.: Луг Духовный, Общество сохранения литературного наследия (ОСЛН), Кадашевская слобода, 2011. С. 157.
- ⁹ Kaya Mutlu D. The Russian Monument at Ayastefanos (San Stefano): Between Defeat and Revenge, Remembering and Forgetting // Middle Eastern Studies, Vol. 43, No. 1 (Jan. 2007). P. 77.
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ Doyle G. The Scars of Ottoman San Stefano: Traces of a Contested Past in Istanbul's Yeşilköy // Ajam Media Collective. 07.03. 2020. URL: <https://ajammc.com/2020/03/07/scars-ottoman-san-stefano/>.
- ¹² Капустин С.В. Указ. соч. С. 160.
- ¹³ Kaya Mutlu D. Op. cit..P. 77.
- ¹⁴ Родина. 1899. № 11. С. 437.
- ¹⁵ Капустин С.В. Указ. соч. С. 167.
- ¹⁶ Нива. 1899. № 2. С. 39.
- ¹⁷ Новое время. 1914. 15 ноября. С.375.
- ¹⁸ Kaya Mutlu D. Op. cit. P. 77.
- ¹⁹ Ibid., p. 77-78.
- ²⁰ Karpat H.K. Studies on Ottoman social and political history: selected articles and essays. Leiden, Boston, Koeln: Brill, 2002. P. 353.
- ²¹ Летопись войны. 1915. № 20. 3 января. С. 327.
- ²² Исхаков С.М. Вместе или порознь: Тюрки-мусульмане в российской армии в 1914-1918 годы // Татарский мир. 2004. № 15. С. 3-6.
- ²³ Edhem E. Death in Istanbul. Death and its rituals in Ottoman – Islamic culture. Istanbul, 2005. P.50
- ²⁴ Ibid. P. 52
- ²⁵ Ibid. P. 18
- ²⁶ Kaya Mutlu D. Op. cit. P. 79.
- ²⁷ Ibid, p. 83.
- ²⁸ Kozar, Cem. Hayal-Et Yapılar Sergisi'nde Taksim Kışlası [Выставка «Вообрази здания» в Казармах Таксим] // Arkitera. 22.02.2012. <https://www.arkitera.com/gorus/hayal-et-yapilar-sergisinde-taksim-kislasi/> (полс. обр. 30.09.2021).
- ²⁹ Project Hayal-et Yapılar. URL: http://www.hayal-et.org/i.php/site/bilgi_info (полс. обр. 19.04.2015).
- ³⁰ Ibid.
- ³¹ Gümüş, Korhan. Haliç Geçişleri: Şehir Yönetim Anlayışının Simgeleri [Переходы через бухту Золотой Рог: символы градостроительного подхода] // Arkitera. 30.06.2015. <https://www.arkitera.com/gorus/halic-gecisleri-sehir-yonetim-anlayisinin-simgeleri/> (полс. обр. 30.10.2021)
- ³² Инициатива МОРО ИППО о восстановлении в Стамбуле храма-памятника в честь русских воинов получила поддержку в Турции // Императорское Православное Палестинское Общество. Иерусалимское отделение. 05.04.2016. URL: <http://jerusalem-ippo.org/news/1053/> (полс. обр. 30.09.2021).
- ³³ Соглашение между правительством РФ и Правительством Турецкой республики о местах российских захоронений на территории Турецкой Республики и турецких захоронений на территории Российской Федерации. 3.12.2012. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902395109> (полс. обр. 30.09.2021).
- ³⁴ О Храме в Сан-Стефано на Круглом столе

- 08-02-2019 г. // BG diaspora. Культурно-просветительская организация болгар в Москве. 18.03.2011. URL: <http://bgdiaspora.h3b.ru/16384> (полн. обр. 30.09.2021).
- ³⁵ Doyle G. The Scars of Ottoman San Stefano: Traces of a Contested Past in Istanbul's Yeşilköy // Ajam Media Collective. 07.03. 2020. URL: <https://ajammc.com/2020/03/07/scars-ottoman-san-stefano/>
- ³⁶ Актюрк Ш. Историческая политика в Турции: ревизионистская историография бросает вызов официальной версии войны Турции за независимость // Историческая политика в XXI веке: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 511.
- ³⁷ Завадский А. Указ. соч. С. 342.

**VISUAL STRATEGIES OF COMMEMORATION IN THE LATE OTTOMAN EMPIRE
AND THE CONSTRUCTION OF COUNTER-MEMORY
(ON THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN MONUMENT IN SAN STEFANO)**

© 2021 Yu. A. Zherdeva

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev

The article is devoted to the mechanisms of constructing the memory of Russian military victories on the territory of the late Ottoman Empire, which were formed with the creation of the Russian monument in San Stefano. The author compares several competing memories of this memorial: the official Russian imperial narrative about the military victory over the Ottoman Empire in 1878, the Ottoman memory of the catastrophic military and diplomatic defeat, the memory of the Turkish society about the incident of the destruction of the monument, and modern memorial discourses. The author traces some changes in memory policy in Late Ottoman and Turkish society.

Keywords: Russian monument in San Stefano, Ottoman Empire, memory studies, World War I, memory politics.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-4-81-89

УДК 903.01/.09(470.5)

АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ УРАЛА В КАМНЕ, ГЛИНЕ И ГРАВИРОВКАХ

© 2021 Ю.Б. Сериков

Российский государственный профессионально-педагогический университет
(филиал в Нижнем Тагиле)

Статья поступила в редакцию 29.09.2021

Деревянной скульптуре Урала, несмотря на ее редкость, посвящены многочисленные публикации и научные исследования. Менее известны антропоморфные скульптуры из камня, глины, а также гравированные антропоморфные изображения. В настоящее время в литературе описано около 400 изображений живых существ, обнаруженных на территории Урала и прилегающего к нему Зауралья, датируемых во временном диапазоне от палеолита до бронзового века. Антропоморфные изображения представлены 60 изделиями, что составляет всего 15% от общего числа. Каменные антропоморфные изображения условно можно подразделить на круглую, плоскую и кремневую скульптуру. Любопытны подвески, изготовленные в виде головы человека. Глиняные фигурки представлены изображениями женщин и отдельных голов. Редкими находками являются гравированные антропоморфные изображения, выполненные на камне и кости. Отдельную группу составляют изображения антропоморфных фигур на керамических сосудах. Большая часть скульптурных и графических изображений датируется неолитом - энеолитом.

Ключевые слова: Урал, каменный век, бронзовый век, антропоморфные изображения, камень, глина, кость, гравировки.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-4-90-101

Список сокращений

М. – Москва

МГУ – Московский государственный университет

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

НТГСПА – Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия

ОмГПУ – Омский государственный педагогический университет

РАН – Российская Академия Наук

СПб. – Санкт-Петербург

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет

УрГУ – Уральский государственный университет

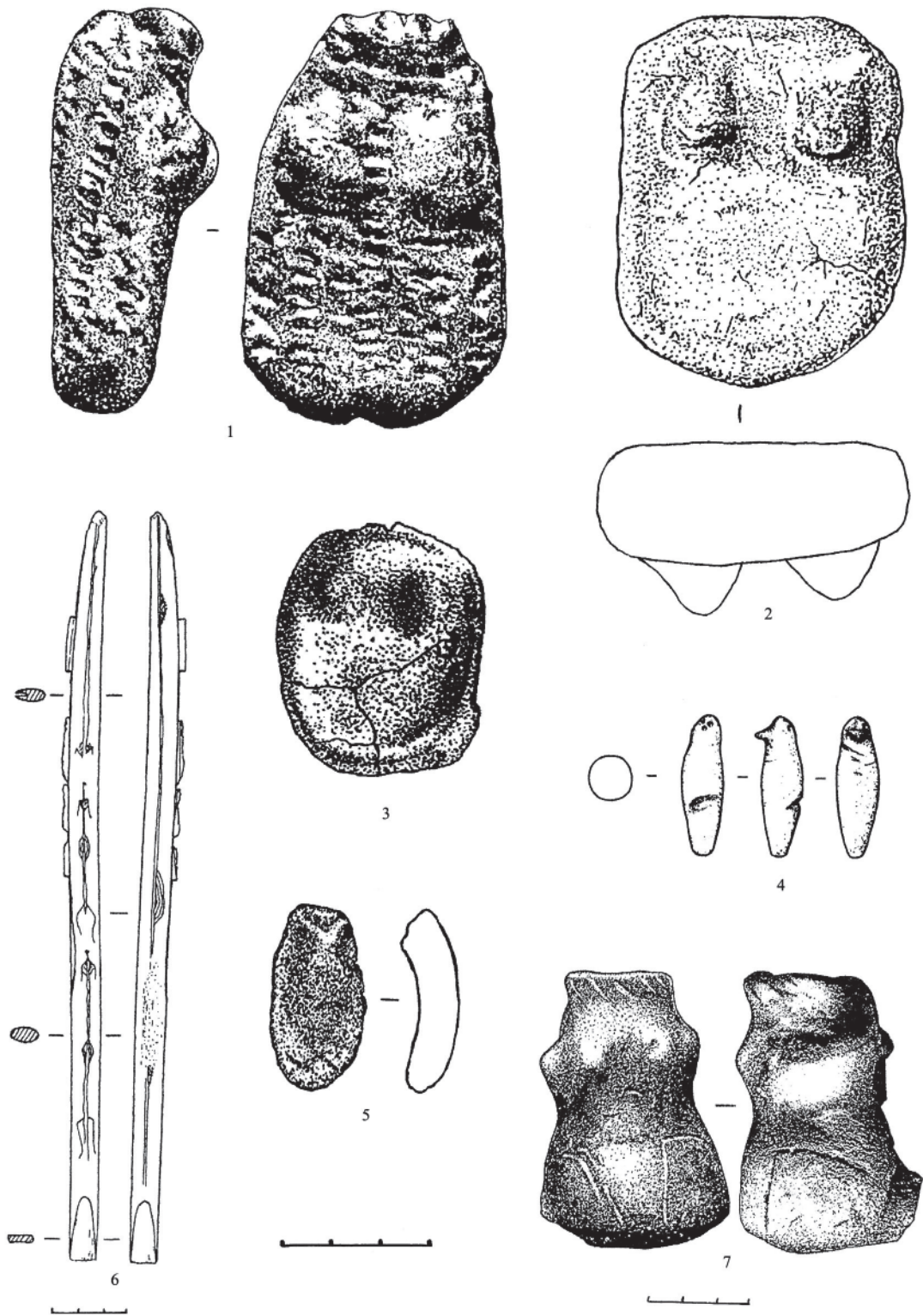
УрО РАН – Уральское отделение РАН

Самым ранним антропоморфным изображением Урала на территории Урала можно считать природную скульптуру стоянки Лабазы I (Оренбургская обл.), возраст которой достигает 40 тыс. лет. Изделие из «катушки» эпифиза плечевой кости благородного оленя В.Г. Котов рассматривает в качестве антропоморфной скульптуры. Его

размеры – 6,4 × 5 × 5 см. Отсечение лишних частей кости позволило выделить голову, руки и женскую грудь. Ноги обозначены гравировкой (рис. 1, 7). Данную находку В.Г. Котов сравнивает с антропоморфными статуэтками из Авдеево и Пршедности и относит ее к «знаковой» скульптуре¹.

К эпохе мезолита также относится единичная находка. Это вкладышевый накопчик стрелы эпохи мезолита длиной около 20 см, найденный в пещерном святилище

*Сериков Юрий Борисович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник.
E-mail: u.b.serikov@mail.ru*

Рис. 1. Антропоморфные изображения из глины (1–5) и кости (6–7)
 (1 – Березовый мыс; 2–3 – Палатки II; 4 – Усть-Вагильский холм;
 5 – Кокшаровское Поле; 6 – Камень Дыроватый; 7 – Лабызы I)

на камне Дыроватом (р. Чусовая, Свердловская обл.). На одной из его сторон нанесены изображения двух антропоморфных фигур, расположенных одна под другой. Поскольку изобразительным полем является узкая

плоскость наконечника стрелы, фигуры сильно заужены. Маленькая головка изображена короткими насечками, прямые руки опущены вниз, грудная клетка показана в скелетном стиле. Часть фигуры от груд-

ной клетки до начала ног сильно удлинена и показана двумя параллельными линиями. Посередине предполагаемого туловища оно разделяется на две части округлым вздутием из скобчатых линий. Возможно, вздутый живот обозначает беременную женщину. Ноги показаны кривыми линиями. Линии, обозначающие туловище, выходят между ног в одном случае короткими отрезками, а в другом длинными и неодинаковыми. Что они изображают – непонятно. У верхней фигуры это могло быть изображением фаллоса, а у нижней – хвоста (рис. 1, б). Как эти мужские символы совместить с женскими – остается загадкой. Необходимо добавить, что обе фигуры окрашены охрой².

Остальные антропоморфные изображения датируются в широком хронологическом диапазоне от неолита до бронзового века. Изображения более поздних эпох в данной статье не рассматриваются.

Все каменные скульптуры условно можно разделить на объемные, плоские и кремневые.

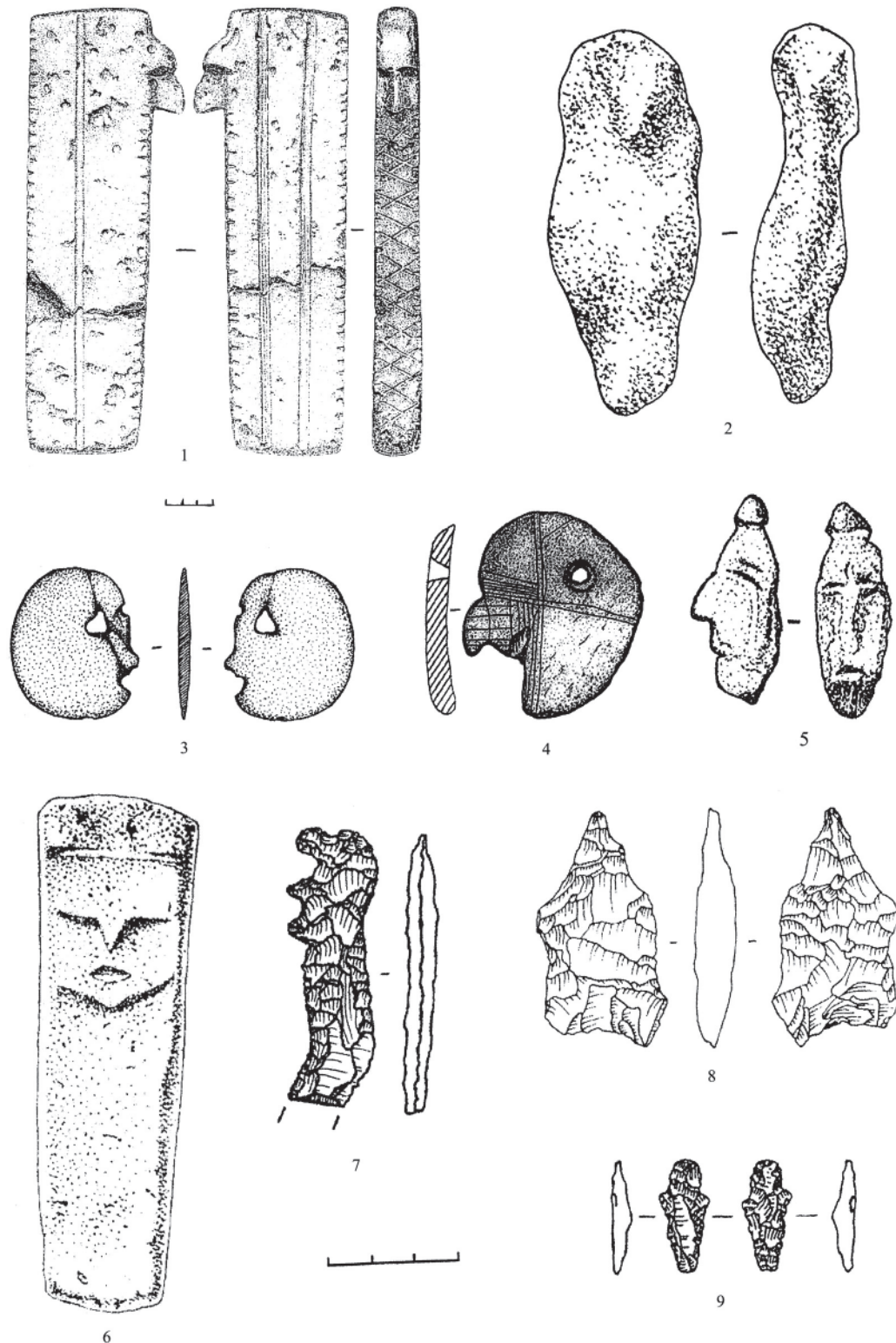
Объемные антропоморфные скульптуры на Урале появляются в эпоху энеолита. Уникальным изделием является скульптура из талькохлорита, найденная на дне энеолитического жилища на поселении Палатки II (окраина г. Екатеринбург). Она изготовлена в виде стилизованного изображения человека (по С.Н. Паниной – человека-совы). Представляет собой брусок прямоугольных очертаний размером 27 × 6,5 × 2,8 см. В верхней части бруска на его торцевой части вырезано лицо человека с массивным клювовидным носом. Вся остальная часть к изображению человека никакого отношения не имеет. На боковых поверхностях бруска по всей их длине вырезаны достаточно глубокие (до 0,5 см) прямые желобки, на одной плоскости – один, на противоположной – два. Обе торцевые грани орнаментированы перекрещивающимися гравированными линиями, образующими косые кресты, цепочка которых в свою очередь составляет в ромбы. На всех длинных ребрах бруска нанесены неглубокие насечки: с лицевой стороны по обоим ребрам суммарно – 21, с задней также суммарно – 28³ (рис. 1, 1).

Небольшая антропоморфная скульптура из плитки талька обнаружена в энеолитическом культовом центре Шайтанского озера I (Свердловская обл.). Ее высота 4,8 см, ширина – 2,1 см, толщина – 0,8–0,9 см. Голова отсутствует, плечи обработаны короткими срезами, ноги обозначены неглубокой прорезью, такими же вырезами показана талия (рис. 3, б). Лицевые и боковые плоскости изделия следов обработки не имеют⁴. В целом скульптура напоминает антропоморфные глиняные фигурки эпохи энеолита, найденные на памятниках Андреевского озера⁵. Любопытно заметить, что у всех глиняных статуэток еще в древности были отбиты головы.

На территории Урала известны еще антропоморфные скульптуры, которые использовались в качестве подвесок. В 2000 г. в Кумышанской пещере на р. Чусовой было исследовано необычное коллективное погребение, в котором находились останки трех женщин, двух новорожденных и двух плодов 7–9 месяцев. По костям человека погребение получило радиоуглеродную дату (калиброванную) – 3622–3108 Cal BC (СОАН-5155).

В могиле была найдена подвеска, выполненная в виде лица человека. Изготовлена подвеска в технике плоской скульптуры из зеленого офита – мягкой разновидности серпентинита. Ее высота 3 см, ширина 2,5 см, толщина 0,3 см. Скульптура тщательно отшлифована с двух сторон. Подвеска имеет овальную форму, с одной стороны рельефно подчеркнуты лоб, нос и подбородок. На месте глаза находится просверленное отверстие. В плане оно имеет форму треугольника с закругленными вершинами (рис. 2, 3). Поскольку офит-материал мягкий, ремешок, на котором крепилась подвеска, проточил его и превратил отверстие из круглого в подтреугольное. Проточенность в виде слабо выраженных канавок на обеих сторонах наблюдается и выше отверстия. Все это свидетельствует о долгом ношении подвески на ремешке⁶.

Однако если подвеску подвесить на ниточку, то линия нитки не совпадет с направлением проточенного углубления. На лице-

Рис. 2. Антропоморфные изображения из камня
 (1 – Палатки II; 2 – Боровка III; 3 – Кумышанская пещера; 4 – Муллино;
 5 – Усть-Кедва II; 6 – Сигаево III; 7 – Вис II; 8 – Шайтанское озеро I; 9 – Юрьино IV)

вой поверхности подвески присутствуют и другие проточенные канавки, которые идут от отверстия к носу, подбородку и лбу. Образовались эти потертости при ношении подвески от трения с пропущенными че-

рез глаз (отверстие) к носу, подбородку и лбу нитями. Проточенности на оборотной стороне подвески отсутствуют. Это свидетельствует о том, что подвеска была прикреплена к какой-то основе и нити не со-

прикасались непосредственно с оборотной стороной подвески. Можно предположить, что «лицо» было пришито к контуру человеческого тела, вырезанному из бересты или, скорее, кожи. Для проверки предположения подвеска была пришита к контурной фигурке человека длиной 13 см, вырезанной из кожи. При контрольном подвешивании проточенные канавки, идущие выше отверстия, совпали с линией натяжения нити. Это доказывает правильность нашего предположения.

Определяя сакральное назначение подвески, можно предположить, что, возможно, она служила итермой – вместилищем души предка. Этим предком мог быть и шаман. У юкагиров, например, череп умершего шамана приставляли к изображавшей его деревянной фигуре и покрывали шапкой. К лицевой части черепа прикрепляли маску с отверстиями для глаз и рта. На фигуру надевали одежды и сажали ее в переднем углу жилища⁷.

Подобная подвеска в виде плоского изображения лица человека обнаружена на энеолитическом поселении Муллино (Башкортостан) (рис. 2, 4). Она немного крупнее, ее высота 4 см, ширина 3,6 см. На подвеске также выделены лоб, нос и подбородок. Кроме этого пропилом показан разрез рта. В верхней части подвески (но не на месте глаза) просверлено отверстие для подвешивания⁸.

На размытом поселении Сигаево III (Челябинская обл.) найдена подвеска, изготовленная из плоской плитки талька длиной 6,5 см. В верхней ее части глубоким рельефом вырезано лицо человека⁹ (рис. 2, б). Еще одна подвеска найдена в жилище эпохи бронзы поселения Усть-Кедва II (Республика Коми). Она имеет высоту 4,5 см, также выполнена в виде лица человека, но уже в технике объемной скульптуры. Изображает она голову мужчины с островерхим головным убором (рис. 2, 5). Для крепления использовалась круговая нарезка в верхней части скульптуры¹⁰.

Заключают коллекцию каменной скульптуры пять кремневых фигурок, изобража-

ющих человека. Все они относятся к эпохе энеолита. Две из них выявлены на Северном Урале (Вис II и Сандибей-ю VIII), одна на Южном (Карабалыкты IX) и две на Среднем (Юрьино IV и Шайтанское озеро I)¹¹. Все фигурки обладают своеобразными чертами, отличающими их от скульптур европейской части России. Антропоморфная скульптура с поселения Вис II Г.М. Буровым определена как млекопитающее¹². Но В.Н. Карманов и В.А. Семенов видят в фигурке крайне редкое профильное изображение человека (рис. 2, 7). И сравнивают его со скульптурой со стоянки Ольский Мыс на оз. Лача¹³. Фигурка с Юрьино IV (Юрьинское озеро) имеет неразделенные ноги, что никогда не встречается в европейской России (рис. 2, 9). У скульптуры округлая голова, руки показаны слегка намеченными выступами, между головой и руками присутствуют слабовыраженные выемки – попытка мастера показать шею. Асимметричный профиль скульптурки, возможно, является попыткой показать живот или отвисшую грудь женщины. Высота фигурки 2,5 см, максимальная ширина 1,2 см¹⁴. Изделие с Шайтанского озера, по-видимому, является незаконченной фигуркой человека (мифологического существа?). Оно имеет раздвоенное основание (ноги), боковые выступы посередине (руки) и вытянутую вверх голову (островерхая шапка) (рис. 2, 8)¹⁵.

Еще одна скульптура на основе природной формы найдена в очаге на энеолитической стоянке-мастерской Боровка III (Свердловская обл.). Это галька антропоморфной формы, которая изображает человеческую фигурку с прижатыми к телу руками и нерасчлененными ногами. Голова с выступающим вперед лицом показана естественными неровностями гальки (рис. 2, 2). Учитывая место находки, а также тот факт, что подобного галечного сырья на памятнике больше не обнаружено, можно предположить, что такая необычная галька использовалась в качестве естественной антропоморфной скульптуры¹⁶.

Глиняные антропоморфные скульптуры на Урале появляются в неолитическую эпоху.

На стоянке Кокшаровское Поле (Юрьинское озеро) на пахоте найдена глиняная эмбрионовидная фигурка высотой 3,6 см. Она овальная в плане и слегка изогнута в профиле. Ноги и руки у скульптуры не показаны. Лицо (нос и брови) моделировано пальцевыми защипами¹⁷ (рис. 1, 5). Это первая эмбрионовидная фигурка, найденная на территории Урала. В сравнении с известными эмбрионовидными скульптурами данная фигурка представляется наиболее примитивной. Поэтому предварительно данное изображение можно отнести к эпохе неолита.

Неолитические антропоморфные фигурки из глины известны как на Северном (стоянки Эньты I и Вад I), так и на Южном Урале (Сабакты III).

На стоянке Эньты I (окрестности Сыктывкара) в слое раннего неолита найдено три фрагментированные скульптуры. Они представляют зоантропоморфные изображения, у которых голова, нос и конечности образованы пальцевыми защипами¹⁰.

На стоянке Вад I в слое среднего неолита обнаружена миниатюрная головка человека, выполненная из глины. Она имеет достаточно правильную округлую форму диаметром около 1,7 см. Лицо моделировано пальцевыми вдавлениями (?). Достаточно рельефно выделены глаза, нос, и рот. Снизу головки находится небольшое углубление, образованное наколом¹⁰.

Имеются сведения о десятке сломанных глиняных фигурок с раннеолитической стоянки Угдым Ia (Республика Коми), которые еще не опубликованы.

Объемная головка человека из глины, но уже отбитая, видимо, от полной скульптуры найдена на Южном Урале на неолитической стоянке Сабакты III. Она крупнее вышеописанных, ее размеры 4,2 × 3,5 × 2,7 см. У скульптуры небольшими углублениями показаны глаза и рот. Выступающий и высоко расположенный нос напоминает клюв хищной птицы. По затылку, шее и подбородку прочерчены тонкие вертикальные полосы, изображающие, по всей видимости, бороду и косу (?)¹⁸.

На территории Среднего Зауралья глиняные фигурки становятся известны с энеолита. Широко известна найденная еще в середине XX в. глиняная антропоморфная статуэтка с Березового мыса (Аятское озеро, Свердловская обл.). Это самая крупная антропоморфная скульптура на Урале. Даже без головы, отбитой еще в древности, ее высота составляет около 8 см. Скульптура изготовлена достаточно схематично, ноги и руки у нее отсутствуют, но отчетливо выделена грудь. Фигурка по всей поверхности орнаментирована овальными наколами, которые, по всей видимости, обозначают одежду (рис. 1, 1). В.М. Раушенбах считала, что скульптура изображает женщину в одежде с каймой¹⁹.

С эпохой энеолита С.Н. Панина связывает находки оригинальных антропоморфных изображений из глины, найденных на культовом памятнике Усть-Вагильский холм (р. Тавда, Свердловская обл.). Одна фигурка сохранилась целиком, ее высота 2,6 см. У второй отбита головка, сохранился фрагмент длиной 2 см. Нижняя ее часть была окрашена охрой. Фигурки представляют собой слегка заостренные книзу глиняные стерженьки круглого сечения. У целой фигурки защипом оформлен выступающий острый нос. В верхней части фигурка украшена резными линиями и ямочными вдавлениями²⁰ (рис. 1, 4).

Две глиняные статуэтки найдены на поселении Палатки II (окрестности Екатеринбурга). Одна из них залегала в жилище бронзового века. Изготовлена она в виде бруска со скругленными углами без головы, рук и ног. Высота фигурки 7,5 см, ширина – 5,8 см, толщина – 2,4 см. Единственным определяющим признаком является рельефно вылепленная грудь²¹ (рис. 1, 2). Там же найдена еще одна женская фигурка из глины (поврежденная), которая является уменьшенной копией первой. У нее также отсутствуют голова, руки, ноги, но показана выпуклая грудь. Размеры изображения: 5,8 × 3,9 см²² (рис. 1, 3).

Несомненно, показателем каких-то культовых действий является наличие в

коллекции глиняной пластики фигурок с отбитыми головами, отбитых голов и скульптурных изображений голов. Головы отбиты у фигуры с Березового мыса, Усть-Вагильского холма и трех скульптур с Андреевского озера. Отбитая голова человека найдена только одна, на стоянке Сабакты III. Скульптурных изображений голов в коллекции две – со стоянок Вад I и ЮАО–XIII.

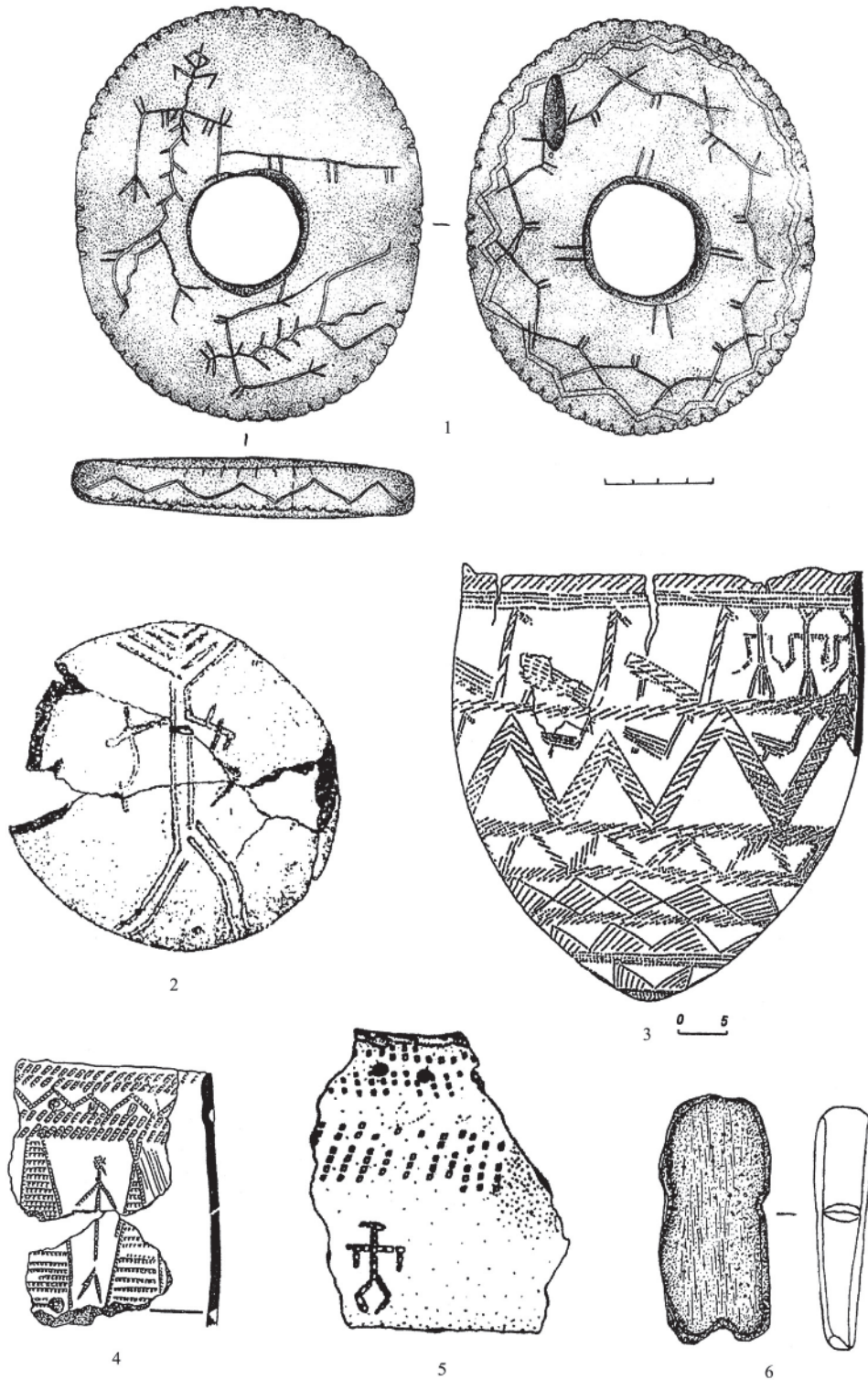
Автором уже высказывалось предположение, что на Урале в течение продолжительного времени существовал своеобразный «культ голов»²³. Поэтому не исключено, что антропоморфные фигурки с отбитыми головами в культовом плане могут соотноситься с некоторыми погребениями эпохи энеолита. Погребение на Аятском озере совершено без головы. Голова была захоронена отдельно, в жилище. С отчлененной головой был погребен мужчина на поселении Дружный. Голова стояла теменем вверх, а шейные позвонки находились в сосуде. Череп погребенного в гроте у Каменного Кольца находился в центре могилы затылочным отверстием вверх. Отсутствует череп и в погребении из навеса Старичный Гребень. В одной из могил Кара-Якуповского могильника (погребение 5) был захоронен только череп. Он лежал теменем вниз в окружении нескольких каменных и костяной подвесок. Захоронение черепа было обнаружено Д.Н. Маминым-Сибиряком на 2-м Карасьем озере. Подобные погребения без голов или захоронения отдельных черепов известны и на смежных территориях²⁴.

Данные о культе голов можно найти в этнографии обских угров. В.Н. Чернецов отмечает, что после похорон умершего у них очень часто сохраняются черепа. Объясняется это тем, что череп является самой важной частью скелета, так как именно в нем обитает главная возрождающаяся (четвертая) душа человека. Сохранение черепов особенно распространяется на покойников, являвшихся при жизни наиболее важными представителями данного рода²⁵.

Уникальное изделие с гравировками обнаружено в окрестностях г. Нижнего Тагила

у пос. Антоновский (Свердловская обл.)²⁶. Оно найдено на склоне горы, где никаких следов археологического памятника не выявлено. Изделие в виде крупного диска имеет овальную форму, диаметр длинной оси 14 см, короткой – 11,8 см. Толщина диска 1,5 см (рис. 3, 1). Он изготовлен из мягкого хлоритизированного сланца. Все поверхности – лицевая, обратная и ребро – тщательно отшлифованы. В центре изделия находится круглое отверстие диаметром 3,5 - 3,7 см. По боковым граням диска с двух сторон металлическим орудием прорезаны крупные насечки. На лицевой стороне в одном горизонтальном поясе с отверстием по обе его стороны нанесено по три насечки, в верхнем полукружии расположено 29 насечек, в нижнем – 20. На оборотной поверхности по обе стороны отверстия нанесено 4 и 3 насечки, в верхнем полукружии – 28, в нижнем – 26. На ребре изделия присутствует орнамент в виде зигзагообразной линии. Такая же зигзагообразная линия (только сдвоенная) нанесена и на оборотной стороне. Она идет по всему периметру диска вдоль орнаментированной насечками грани. Ниже зигзага, в центральной части плоскости располагается более сложный орнамент. Он состоит из тупых углов, соединенных между собой лучами. В одном месте, где лучи не соединяются, имеется разрыв. На вершине каждого угла (за исключением одного) присутствуют парные насечки. Таких углов всего двенадцать. Вокруг отверстия в вертикальной и горизонтальной плоскости нанесены длинные сдвоенные насечки.

На лицевой стороне изделия изображены два антропоморфных фантастических существа. Одно из них стоит, второе (по отношению к первому) лежит. У стоящего антропоморфа показаны голова, шея, руки, туловище, ноги и хвост. Голова состоит из ромба и двух углов под ним. Широкие плечи заканчиваются парными насечками, руки от плеч свисают вниз, они трехпалые. От локтя левой руки горизонтально протянулся длинный шест (?), на котором через равные промежутки нанесены три пары

Рис. 3. Антропоморфные графические изображения на камне (1), на керамических сосудах (2–5) и каменная скульптура (6) (1 – Антоновск; 2 – Пикушка I; 3 – Палатки I; 4 – Боборыкино II; 5 – Лопью; 6 – Шайтанское озеро I)

насечек, обращенные вниз. На туловище восемь коротких рисок изображают, видимо, ребра. Одна нога, как и руки, трехпалая. Голова лежащей фигуры показана парными рисками, обращенными в разные стороны.

Плечи и руки у ней точно такие же, как и у первой фигуры. На туловище нанесено семь насечек (ребер), ноги не трехпалые, хвост обозначен зигзагом. Следует отметить, что все гравированные линии на лицевой и

оборотной стороне предмета выполнены каменным орудием²⁷.

Изображение обеих фигур настолько необычно, что их можно трактовать не только как ряженных людей (шаманов), но и как пресмыкающихся (ящеров, ящериц). Отдаленное сходство данные изображения имеют с антропоморфными фигурами, вырезанными на обратной стороне Большого Шигирского идола. Отдельные элементы гравированных геометрических узоров хорошо представлены в орнаментах на костяных мезолитических наконечниках стрел. Это зигзагообразные линии, зигзаги, на вершинах углов которых присутствуют парные насечки, а также зигзаги из отрезков, перекрещивающихся друг с другом²⁸.

Ближайшие аналогии гравированным антропоморфам можно найти среди наскальных изображений Урала. На Ирбитском Писаном Камне присутствует фигура, у которой голова обозначена короткими отрезками, идущими под углом друг к другу, от широких плеч вниз свисают руки, на тулове короткими отростками изображены ребра²⁹. Еще более похожая антропоморфная фигура имеется на Писаном Камне на р. Тагил²⁹. Тем не менее публикуемые изображения имеют лишь отдаленное сходство с приведенными аналогиями. Они своеобразны и оригинальны по исполнению и композиции. Можно предполагать, что обе фигуры изображают шаманов, облаченных в ритуальные костюмы человеко-зверя. Изображения шаманов в археологических материалах издавна привлекали внимание исследователей³⁰. В последние годы интерес к данной теме усилился, и целая группа археологов занимается выделением шаманских изображений среди наскальных изображений Сибири (Окладников, 1948; Килуновская, 1999; Дэвлет М.А., Дэвлет Е.Г., 1999)³¹.

Утилитарное и сакральное назначение данного предмета требует специального исследования. Учитывая количество насечек на гранях диска, можно допустить, что он являлся своеобразным календарем и

служил для фиксации и определения разнообразных астрономических явлений. Детальная расшифровка астрономических значений диска как древнего календаря приведена в работе А.А. Герасименко³².

По мнению уральских археологов, навершие можно датировать эпохой энеолита. Если учесть, что гравировки на предмете выполнены каменным и металлическим орудиями, это предположение выглядит вполне обоснованным. Косвенным свидетельством в пользу энеолитического возраста является и находка подобного диска с гравировкой в энеолитическом комплексе поселения Шувакиш I (озеро Шувакиш в окрестностях г. Екатеринбург)³⁵. К тому же во время выставки, приуроченной к семинару по проблемам изучения аятской культуры (Нижний Тагил, 2003 г.), выяснилось что оба диска – из Антоновска и Шувакиша – изготовлены из абсолютно идентичного минерала.

Заключают коллекцию антропоморфных изображений графические фигуры человека на керамической посуде. Самым известным изображением является антропоморфная фигура на неолитическом сосуде с поселения Пикущка I (Курганская обл.) (рис. 3, 2). Два неполных антропоморфных изображения на неолитических сосудах выявлены на Андреевском озере (ЮАО–IX и XII).

Традиция изображать антропоморфные фигуры на керамической посуде сохраняется и в энеолите. Уникальный сосуд с фигурными графическими изображениями антропоморфов и птиц обнаружен в энеолитическом комплексе памятника Палатки I. Верхний фриз сосуда украшен изображениями водоплавающих птиц и антропоморфных фигур. Три фигуры людей выполнены двойными линиями отпечатков гребенчатого штампа. Ноги у них расставлены, линии между ногами, возможно, изображают хвост. Руки у фигур опущены вниз и разведены в стороны (рис. 3, 3). Головы, как и на сосуде с Пикущек I, изображены углами. По мнению автора, эти углы обозначают пышный головной убор. Но В.Д. Викторова счи-

тает их рогами³⁴. В целом этот сюжет из трех антропоморфных фигур можно рассматривать как изображение танцующих ряженных в ритуальные одежды людей (шаманов).

На стоянке Бараний Мыс обнаружен неполный развал энеолитического сосуда, на котором кроме изображений косуль присутствует фигура человека³⁵. Она выполнена гребенчатым штампом: туловище изображено тремя линиями, расставленные ноги – двумя, а согнутые и упирающиеся в поясницу руки – одной. К сожалению, и в этом случае голова на фрагменте сосуда отбита (намеренно?). Согнутая нога и упирающиеся в бедра руки позволяют и в этой фигуре видеть изображение танцующего человека.

Еще один энеолитический сосуд с изображением антропоморфных фигур происходит с поселения Боборыкино II (Курганская обл.). В верхней части сосуда расположен фриз с изображением человеческих фигур, которые чередуются с сильно вытянутыми заштрихованными треугольниками (возможно, изображениями жилищ). Фигуры выполнены оттисками гребенчатого штампа, изображены в фас с расставленными ногами и разведенными в стороны руками. Маленькая голова показана мелкими линиями и точками, повернута вправо. Уходящий вниз отросток, возможно, изображает бороду³⁶ (рис. 3, 4).

К раннему бронзовому веку относится изображение «пляшущего человечка» на фрагменте сосуда со стоянки Лопью (Республика Коми). Одиночное изображение нанесено гребенчатым штампом в верхней части сосуда (рис. 3, 5). Антропоморфная фигурка изображена с расставленными и согнутыми в коленях ногами. Руки у нее разведены и согнуты в локтях. Фигура действительно похожа на танцующего человека³⁷.

Таким образом, в настоящее время на территории Урала и прилегающего к нему Зауралья в литературе описано около 400 изображений живых существ, датируемых от палеолита до бронзового века. К ним относятся скульптуры из камня, кости, дерева, а также гравированные изображения на

камне, кости и керамических сосудах. Среди них преобладают изображения животных. Антропоморфные фигуры представлены 60 изображениями. Это всего около 15%.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Котов В.Г.* Изобразительная практика на основе естественных форм в палеолите Урала // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 1 (40). С. 16-27.
- ² *Калинина И.В.* Мезолитический субстрат в орнаментальной традиции обских угров // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург – Сургут: Магеллан, 2007. С. 106-124.
- ³ *Панина С.Н.* Культовые предметы в собрании археологических коллекций Свердловского областного краеведческого музея // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. С. 255-256.
- ⁴ *Сериков Ю.Б.* Произведения искусства с культового центра на Шайтанском озере // Памятники археологии и художественное творчество: Материалы осеннего colloquium (с международным участием). Омск: ОмГПУ, 2004. С. 18-21.
- ⁵ *Матвеева Н.П.* Антропоморфные фигурки из раскопок у Андреевского озера // Советская археология. 1985. № 2. С. 223-224.
- ⁶ Необычное коллективное погребение эпохи неолита в Кумышанской пещере (Средний Урал) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2 (21). С. 4-10.
- ⁷ *Иванов С.В.* Скульптура народов севера Сибири XIX - первой половины XX в. Л.: Наука, 1970. 296 с.
- ⁸ *Матюшин Г.Н.* Энеолит Южного Урала. М.: Наука, 1982. 324 с.
- ⁹ *Петрин В.Т., Шорин А.Ф.* Антропоморфная скульптура эпохи бронзы с Южного Урала // Советская археология. 1980. № 2. С. 226-228.
- ¹⁰ *Карманов В.Н.* Мелкая пластика европейского Северо-Востока // Ученые записки Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Общественные науки. Нижний Тагил: НТГСПА, 2006. С. 61-70.
- ¹¹ *Сериков Ю.Б.* Кремневая скульптура Урала (проблемы происхождения, хронологии и семантики) // Тверской археологический сборник. Вып. 7. Материалы 9-го - 11-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь: Триада, 2009. С. 391-410.
- ¹² *Буров Г.М.* Древний Синдор. М.: Наука, 1967. 220 с.

- ¹⁵ Карманов В.Н., Семенов В.А. Миниатюрная кремневая скульптура на памятниках Европейского Северо-Востока // Археология в пути или путь археолога. Часть 2. Археология в пути... СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 113-119.
- ¹⁴ Сериков Ю.Б. О находках произведений искусства со стоянки Юрьино IV (Зауралье) // Советская археология. 1978. № 4. С. 245-248.
- ¹⁵ Сериков Ю.Б. Шайтанское озеро – священное озеро древности. Нижний Тагил: НТГСПА, 2013. 408 с.
- ¹⁶ Сериков Ю.Б. Галечные скульптуры – изобразительные символы обрядовой деятельности древнего человека // Миф и символ в прошлом и настоящем. Нижний Тагил: НТГСПА, 2007. С. 28-39.
- ¹⁷ Сериков Ю.Б. Новые находки произведений мобильного искусства в Среднем Зауралье // Памятники археологии и художественное творчество: Материалы осеннего colloquium. Вып. 3. Омск: Издательский дом «Наука», 2005. С. 75-79.
- ¹⁸ Обыденнов М.Ф., Корепанов К.И. Искусство Урала и Прикамья. Часть I. Эпоха камня и бронзы. Уфа: БЭК, 1997. 91 с.
- ¹⁹ Раушенбах В.М. Женская статуэтка со стоянки Березовый мыс // МИА. Вып. 130. 1965. С. 65-68.
- ²⁰ Панина С.Н. Археологические исследования на Усть-Вагильском холме (2005–2006 гг.) // Вопросы археологии Урала. Вып. 25. Екатеринбург - Сургут: Магеллан, 2008. С. 137-146.
- ²¹ Панина С.Н. Итоги полевых исследований Свердловского краеведческого музея (1977 - 1997) // III Берсовские чтения. Материалы научно-практической конференции. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. С. 20-29.
- ²² Викторова В.Д. Культурные озерные памятники // Культурные памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. С. 144-157.
- ²³ Сериков Ю.Б. «Культы голов» в обрядовой практике древнего населения Урала // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 5. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007. С. 38-51.
- ²⁴ Сериков Ю.Б. Использование костей человека в ритуалах и культах древности // Тверской археологический сборник. Вып. 9. Материалы 13-го–15-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь: Триада, 2013. С. 23-30.
- ²⁵ Чернецов В.Н. Представление о душе у обских угров // Исследования и материалы по вопро-
- сам первобытных религиозных верований. Труды Института этнографии. Т. 51. М., 1959. С. 114-156.
- ²⁶ Сериков Ю.Б. Каменное навершие с гравировками с восточного склона Среднего Урала // Вестник Сибирской Ассоциации Исследователей Первобытного искусства. Вып. 5. Кемерово, 2002. С. 31-33.
- ²⁷ Сериков Ю.Б. Гравировки по камню – редкий вид изобразительного искусства // Урало-Поволжье в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции V Халиковские чтения «Урало-Поволжье в древности и средневековье», посвященной 80-летию А.Х. Халикова. Серия «Археология евразийских степей». Выпуск 11. Казань: Фолиант, 2011. С. 203-221.
- ²⁸ Сериков Ю.Б. Орнаментированные наконечники стрел эпохи мезолита с пещерного святилища на Камне Дыроватом (р. Чусовая) // Материалы международной конференции «Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры». Сергиев Посад: Подкова, 2001. С. 153-160.
- ²⁹ Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. М.: Наука, 1971. 120 с.
- ³⁰ Спицын А.А. Шаманские изображения // Записки отделения Русской и Славянской археологии Российского Археологического общества. Т. 8. Вып. 1. СПб., 1906. С. 29-145.
- ³¹ Окладников А.П. Древние шаманские изображения из Восточной Сибири // Советская археология. Т. X. 1948. С. 203 - 225; Дэвлет М.А., Дэвлет Е.Г. Изображения шаманов в наскальном искусстве // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Тезисы докладов юбилейной конференции, посвященной 60-летию кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. М. МГУ, 1999. С. 86-89; Килуновская М.Е. Шаманистические мотивы в наскальном искусстве народов Саяно-Алтайского нагорья // Международная конференция по первобытному искусству. Труды. Т. 1. Кемерово: НИКАЛС, 1999. С. 232-238.
- ³² Герасименко А.А. Древний календарь и календарная мифология населения Среднего Зауралья (опыт интерпретации одной находки) // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург: АКВА-ПРЕСС, 2004. С. 83-90.
- ³³ Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 313 с.
- ³⁴ Викторова В.Д., Колмакова В.В., Федорова А.Ю. И разные народы побывали здесь... // Образы и сакральное пространство древних эпох. Ека-

теринбург: Аква-Пресс, 2003. С. 9-20.

³⁵ Чаиркина Н.М. Антропо- и зооморфные образы энеолитических комплексов Среднего Зауралья // Вопросы археологии Урала. Вып. 23. Екатеринбург: УрГУ, 1998. С. 81-104.

³⁶ Сериков Ю.Б. Очерки по первобытному искусству Урала. Нижний Тагил: НТГСПА, 2014. 268 с.

³⁷ Буров Г.М. Археологическая разведка 1963 г. в зоне затопления будущего Усть-Куломского водохранилища // Древние поселения на Печоре и Вычегде. Отчеты о работах 1963 г. в зоне затопления Усть-Войского и Усть-Куломского водохранилищ. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1965. С. 139-159.

URALS ANTHROPOMORPHIC IMAGES IN STONE, CLAY AND ENGRAVINGS

© 2021 Yu.B. Serikov

Russian State Vocational Pedagogical University (Nizhniy Tagil Branch)

Despite its rarity, wooden sculpture of the Urals has been the subject of numerous publications and scientific researches. The anthropomorphic sculptures made of stone, clay, and engraved anthropomorphic images are less known. Currently, the literature describes about 400 images of living creatures found in the Urals and the adjacent Trans-Urals and dated in the time range from the Paleolithic to the Bronze Age. Anthropomorphic images are represented by 60 artifacts, which is only 15 % of the total. Anthropomorphic stone images can be roughly divided into round, flat and flint sculptures. Pendants made in the form of a human head are very interesting. Clay figures are represented by images of women and separate heads. Anthropomorphic engraved images on stone and bone are rare finds. Images of anthropomorphic figures on ceramic vessels constitute a separate group. Most of the sculptural and graphic images dates back to the Neolithic and the Eneolithic.

Keywords: Urals, Stone Age, Bronze Age, anthropomorphic images, stone, clay, bone, engravings.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-4-90-101

УДК 930

КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ БЕРЁЗОВОГРИВСКО-АЛЕКСЕЕВСКОГО III ПОСЕЛЕНИЯ В НИЖНЕМ ПРИКАМЬЕ

© 2021 А.В. Шипилов

Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан. г. Казань.

Статья поступила в редакцию 25.09.2021

В статье публикуются материалы исследований Берёзовогривско-Алексеевского III поселения, расположенного в Нижнем Прикамье. Наиболее ранние находки данного поселения связаны с камской неолитической культурой. Несколько более позднюю хронологическую позицию занимают комплексы носителей ямочно-гребенчатой, русско-азибейской и новоильинской керамики. Отдельного внимания в статье заслуживает комплекс находок, связанный с гаринской энеолитической культурой. Наибольшее количество находок относится к эпохе бронзы. Они объединены в несколько комплексов, имеющих принадлежность к срубной, луговской, маклашеевской культурам. Позднейшая история Берёзовогривско-Алексеевского III поселения связана с ананьинской культурно-исторической областью.

Ключевые слова: керамика, неолит, энеолит, эпоха бронзы, ранний железный век, Нижнее Прикамье.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-4-102-114

Берёзовогривско-Алексеевское III поселение располагается в 3,2 км к северо-западу от р.ц. Алексеевский. В различные годы на поселении проводились неоднократные изыскания¹². К сожалению, полученные материалы не были обобщены. Целью данной работы является обобщение и введение в научный оборот источникового материала, полученного в ходе исследований Берёзовогривско-Алексеевского III поселения.

В результате проведенных археологических изысканий был получен богатый и выразительный массив находок, судя по которому можно выделить несколько этапов заселения территории площадки рассматриваемого поселения.

Первый этап заселения Берёзовогривско-Алексеевского III поселения, вероятно, относится к эпохе неолита, его маркируют фрагменты керамики камской неолитической культуры. Это фрагменты толстостенной лепной посуды с примесью песка и шамота в формовочной массе (Рис.1: 1-5).

*Антон Валентинович Шипилов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
E-mail: Shipilov_anton@mail.ru*

В орнаментации сосудов применялся преимущественно длинный мелкозубчатый гребенчатый штамп. Эпизодическое его применение сочеталось с применением короткого линзовидного гребенчатого штампа (рис.1:3). Единично в орнаментации керамики камской культуры Берёзовогривско-Алексеевского III поселения присутствуют ямки под срезом венчика (Рис. 1: 1). Орнаментальные мотивы представлены в виде поясов из вертикально расположенных оттисков длинного мелкозубчатого гребенчатого штампа (Рис. 1:1-3, 5), вертикального зигзага (рис.1:4). На одном из венчиков присутствует пояс из оттисков короткого линзовидного штампа, расположенного под наклоном (Рис.1: 3). Толщина стенок сосудов варьируется от 0,6 до 1 см. Аналогии данной группе керамики прослеживаются в материалах Мурзихинской IV (9, рис. 4: 1, 6) и Балахчинской VIa (4, рис. 3:1) стоянок.

Немногочисленные фрагменты лепной ямочно-гребенчатой керамики (Рис.1: 6 - 8), обнаруженные на Берёзовогривско-Алексеевского III поселении, вероятно, также следует отнести к первому этапу функцио-

нирования рассматриваемого объекта. Она занимает синхронные позиции с керамикой камской культуры (4, с. 243, 245-246). Вся ямочно-гребенчатая керамика толсто-стенна, ее толщина не превышает 0,8 см. В формовочной массе присутствует песок и шамот. По всей внешней поверхности присутствует орнаментация, выполненная оттисками короткого и длинного мелкозубчатых гребенчатых штампов. В единственном экземпляре присутствует фрагмент, на котором орнаментация выполнена крупнозубчатым гребенчатым штампом. Разделителями орнаментальных зон на керамике выступают пояса из круглых конических ямок. Среди орнаментальных композиций присутствует вертикальный зигзаг (Рис.1: 7), пояса из оттисков короткого линзовидного штампа, расположенного под наклоном (Рис.1:8). Аналогичная керамика присутствует на Удельно - Шумецкой V стоянке, Дубовском VIII, Дубовском XXII, Отарском VI¹¹ поселениях.

Присутствие на поселении ямочно-гребенчатой керамики, вероятно, следует рассматривать как отражение культурных контактов ее носителей с населением Нижнего Прикамья в эпоху неолита.

Со вторым этапом функционирования поселения, вероятно, следует связать немногочисленные фрагменты керамики русско-азибейского типа (Рис. 2: 1-2). По всей внешней поверхности этой керамики присутствует орнаментация, выполненная короткими гребенчатыми штампами. Дополнительными элементами орнаментации выступают круглые ямочные вдавления, расположенные под воротничковым оформлением венчика. Судя по фрагментам сосуды имели прикрытую профилировку. Толщина керамики составляет 0,7-0,9 см, в формовочной массе которой присутствует обильная примесь песка и шамота.

Присутствие на Берёзовогривско-Алексеевском III поселении керамики новоильинской культуры (Рис.2: 3-7) со всей очевидностью иллюстрирует третий этап его функционирования. Судя по фрагментам

посуда имела прикрытую профилировку. В составе формовочной массы сосудов присутствует песок и шамот. По всей поверхности посуды новоильинской культуры присутствует орнаментация, выполненная различными ногтевидными вдавлениями, насечками и короткими мелкозубчатыми гребенчатыми штампами (Рис.2: 3-7). Орнаментальные композиции состоят из горизонтальных поясов из вышеотмеченных элементов орнаментации. Аналогии новоильинской керамики Берёзовогривско-Алексеевского III поселения прослеживаются с керамикой, обнаруженной на Новоильинском III поселении в Среднем Прикамье².

Эпоху позднего энеолита на поселении маркируют немногочисленные фрагменты посуды гаринской культуры (Рис.3). Керамика данной культуры лепная, в составе формовочной массы присутствует примесь органики. По всей внешней поверхности керамика гаринской культуры Берёзовогривско-Алексеевского III поселения орнаментирована. Орнаментальные композиции состоят из горизонтальных поясов, выполненных оттисками короткого овального гребенчатого штампа, расположенного вертикально или под наклоном. Близкая по формально-типологическим признакам керамика была обнаружена на поселении Бор V, а также на поселении Большая Ока I¹.

С носителями гаринских культурных традиций, возможно, следует связывать и весьма выразительный массив каменных изделий, обнаруженных на поселении, аналогии которым прослеживаются на поселенческих памятниках гаринской культуры.

Весьма ярким и выразительным представляется набор орудий охоты, в котором присутствуют наконечники стрел (Рис. 6: 1-3) и дротиков (Рис.6:4, 7, 8). Как правило, они изготовлены из отщепов и плитчатого кремня. Наконечники стрел обладают листовидной формой и имеют линзовидное сечение. Их длина составляет от 2 до 4 см при ширине пера 0,8-0,9 см. У двух орудий прослеживается намеченный черешок (Рис.6:1,2). Обнаруженные на Берёзово-

гривско-Алексеевском III поселении наконечники стрел находят аналогии среди находок поселения гаринской культуры Бор I¹.

Не меньшего внимания заслуживают наконечники дротиков (Рис.6: 4, 7, 8). Они обладают также листовидной формой, от наконечников стрел они отличаются большими параметрами. Их длина составляет от 5 до 6,5 см при ширине пера от 2 до 3 см. На одном из наконечников присутствует черешок (Рис. 6:4). Сходство с этими находками прослеживается на поселении гаринской культуры Бор IV (1, рис. 18:15).

Помимо орудий охоты в массиве каменных орудий Берёзово-гривско-Алексеевского III поселения присутствуют орудия скобле-режущего назначения – это скребки, ножи (Рис. 6: 5, 6, 9, 10; 7: 1-3).

Скребки (Рис.7:1-3) изготавливались, как правило, на кремневых отщепках серого цвета. Наиболее близкие по форме орудия были прослежены в материалах поселения гаринской культуры Бор I¹.

Среди ножей Берёзово-гривско-Алексеевского III поселения примечательна находка саблевидной формы, изготовленная из двухцветного кремневого отщепа (Рис. 6: 6). Аналогии данному ножу усматриваются в материалах Астраханцевского поселения, имеющего принадлежность к гаринской культуре (21, рис. 35:14). С вышеотмеченным ножом сближается другое орудие с рассматриваемого поселения, но оно изготовлено из более массивного кварцитового отщепа серого цвета и обладает более широким лезвием (Рис.6:10). Аналогичные по форме ножей были получены при исследовании поселения гаринской культуры Бор I¹. Оригинальностью отличается еще одно орудие, изготовленное на двухцветном кремневом отщепе, которое обладает ланцетовидной формой (Рис. 6: 5).

Среди ножей Берёзово-гривско-Алексеевского III поселения одно орудие изготовлено на крупной ножевидной пластине белого опочного кремня (Рис. 6:9). По своей форме орудие можно отнести к категории прямолезвийных с горбатой спинкой. Лез-

вие ножа оформлено краевой ретушью. Его длина составила 10 см при ширине лезвия 2,5 см. Аналогии данному ножу прослеживаются в материалах поселения гаринской культуры Бор V¹.

Одним экземпляром представлена проколка, изготовленная на ножевидной пластине с серединным жалом и прямыми плечиками (Рис. 7: 4). Длина орудия составила 4,7 см при ширине 1,5 см. Данное орудие, вероятно, использовалось для работы с мягкими материалами, в том числе при обработке шкур.

Категорию каменных орудий Берёзово-гривско-Алексеевского III поселения, которые вполне можно связать с деревообработкой, составляют кремневые тесла, долота и один перфоратор.

Тесла (Рис. 6: 5, 6) представлены двумя экземплярами. По всей поверхности орудия отшлифованы, обладают подтрапециевидными очертаниями и клиновидным сечением. Они отличаются небольшими параметрами, их длина не превышает 5 см при ширине рабочей части 2,7 см. Аналогичные орудия присутствуют в материалах поселения гаринской культуры Бор I¹.

Долота на рассматриваемом поселении также представлены двумя экземплярами. В отличие от тесел, имеющиеся долота отличаются более крупными параметрическими данными. Длина орудий не превышает 9,5 см. при ширине рабочей части 3 см. Сходство с данными орудиями прослеживается в материалах поселения гаринской культуры Бор V¹.

Одно орудие следует интерпретировать как перфоратор (рис.7:7). Оно изготовлено на ножевидной пластине, обладает подтреугольными очертаниями и трехгранным сечением. Длина орудия при ширине лезвия 2 см составляет 7,5 см. Аналог данному орудю прослеживается в материалах поселения гаринской культуры Бор V¹.

Следующий этап функционирования Берёзово-гривско-Алексеевского III поселения относится к эпохе поздней бронзы, где наиболее ранние находки этой поры

имеют принадлежность к срубной культуре. Керамика срубной КИО, обнаруженная на Берёзовогривско-Алексеевском III поселении, характеризуется банковидной профилировкой. Поверхность посуды небрежно заглажена. В качестве основной примеси в глиняном тесте использовался шамот. Основными способами нанесения орнамента были оттиски гладкого линзовидного и подтреугольного штампов (Рис.4:1-2). Подобная керамика широко известна на памятниках срубной КИО Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья. Подобная керамика присутствует в материалах Курманаковской IV стоянки¹⁰.

Весьма любопытно присутствие в массиве находок эпохи поздней бронзы фрагмента сосуда банковидной формы (Рис.4:3), по внешней стороне которого присутствуют оттиски крупного шнура. Аналогичная посуда была обнаружена в массиве находок Коминтерновского II кургана, а также Курманаковской IV стоянки. Характер орнамента керамики по своим формально-типологическим признакам позволяет связать ее с поздняяковскими древностями и поместить в хронологические рамки XVIII-XV до н.э.¹⁵.

Весьма представительны синхронный с поздняяковской керамикой массив керамики луговской культуры. Он представлен фрагментами посуды (Рис.4:4-5) с хорошо заглаженной поверхностью. Основными примесями в глиняном тесте луговской керамики была раковина и органика. Преимущественно на внешней ее поверхности присутствует орнаментация. Орнамент наносился, как правило, оттисками сплошного штампа, реже гладкого и разреженного штампов. Орнаментация представлена простыми композициями, такими как горизонтальный зигзаг, наклонные и горизонтальные линии.

Судя по венчикам (Рис. 4: 4-5) сосуды имели горшковидную форму. Ближайшие аналогии луговской керамике Берёзовогривско-Алексеевского III поселения прослеживаются в материалах археологических

памятников Нижнего Прикамья: Рысовского III поселения¹⁷, Дубовогривской II¹⁶, Луговской I⁶ стоянок, а также на могильнике Такталачук⁷.

Луговской тип керамики был выделен и впервые описан А.В. Збруевой [5, с. 204] после раскопок группы стоянок у п. Луговой. В настоящее время керамику данного культурного образования следует помещать в хронологические рамки XV-XIV вв. до н.э.⁸.

Дальнейший этап заселения стоянки соотносится с носителями посуды атабаевского этапа маклашеевской культуры (Рис.4: 6-10). Атабаевская керамика, выявленная на стоянке, пористая, желто-оранжевого цвета, с примесью раковины. Толщина стенок фрагментов этой керамики составляет 0,5-0,7 см. В большинстве случаев венчик сосуда с внешней стороны украшен характерным валиком – приостренным (Рис.4: 6, 8-10) или сглаженным (Рис. 4: 7). Внешняя поверхность сосудов гладкая, заглаженная, орнамент размещался на горловине и верхней трети тулова сосуда.

В орнаментации керамики данной группы преобладают оттиски гребенчатого и гладкого штампа. Основной орнаментальной композицией являются горизонтальные линии и зигзаг, а также пояски ямок и овальных вдавлений. Близкие по формально-типологическим признакам сосуда были получены при исследовании Игимской, а также Каेतубинской островной стоянок²⁰.

Общая дата атабаевского этапа маклашеевской культуры в Нижнем Прикамье относится к рубежу XIV/XIII - XII вв. до н.э.^{13, 9}. Вероятно, в этих же рамках датируется керамика атабаевского этапа маклашеевской культуры обнаруженная на Берёзовогривско-Алексеевском III поселении.

Наличие в массиве находок Берёзовогривско-Алексеевском III поселения незначительного количества маклашеевской керамики (Рис.5: 3-4) свидетельствует о продолжении бытования поселения вплоть до конца бронзового века.

Это керамика серого и оранжевого цвета с примесью раковины в глине. Внешняя по-

верхность сосудов гладкая, орнамент размещался преимущественно на горловине и в верхней части сосуда (Рис. 5: 3-4). Характерной особенностью этой керамики является группировка ямок и наличие плоского воротничка. Близкая по облику керамика маклашевской культуры была обнаружена в ходе исследований и Игимской стоянки (раскоп II)²⁰.

Датировка маклашевского керамического комплекса Игимской стоянки определяется по общей дате существования маклашевского этапа маклашевской культуры в пределах XII/XI – 1 пол. IX в. до н.э.⁹.

Функционирование Берёзово-Григоровско-Алексеевского III поселения в финале эпохи, бронзы подтверждается присутствием на поселении единичного фрагмента керамики имеющего принадлежность к культуре текстильной керамики (Рис.5:2).

Заключительный этап функционирования стоянки, вероятно, связан с ранним железным веком, который иллюстрирует также единственный фрагмент сосуда, имеющий принадлежность к населению ананьинской КИО (Рис.5: 5), датировку которого, вероятно, следует помещать в хронологические рамки IX – III вв. до н.э.¹⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бадер О.Н. Поселения Турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА №99. М., 1961. - 198 с.

² Бадер О.Н. Третье Ново-Ильинское поселение // Отчёты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 2. 1961. С. 22-28.

³ Выборнов А.А. Неолит Волго – Камья. Самара, 2008. - 490 с.

⁴ Выборнов А.А., Шипилов А.В. Неолитический комплекс Балахчинской VI А стоянки в приустьевом Прикамье // ПА №1.2019. С. 47-58.

⁵ Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА №30. М., 1952. - 319 с.

⁶ Збруева А.В. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье // МИА №80. М., 1960. С. 10-95.

⁷ Казаков Е.П. Погребения эпохи бронзы могильника Такталачук // Древности Икско-Бельского междуречья. Казань, 1978. С. 67-108.

⁸ Колев Ю.И. Заключительный этап эпохи бронзы

в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000. - 336с.

⁹ Кузьминых С. В., Чижевский А. А. Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (150 - летию открытия Ананьинского могильника) / Археология Евразийских степей. Вып.8. Елабуга, 2009. С. 29-55.

¹⁰ Лыганов А.В. Культурно-хронологические комплексы Курманаковской IV стоянки в Нижнем течении реки Мёша // АЕС №2.2021. С. 29-46.

¹¹ Никитин В.В. Культура носителей посуды с гребенчато-ямочным орнаментом в марийско-казанском Поволжье. Йошкар-Ола, 2015. - 361с.

¹² Свод памятников археологии Республики Татарстан. Том.3. Казань, 2007. - 526 с.

¹³ Чижевский А.А. Финал бронзового века на территории Нижнего Прикамья: некоторые аспекты проблемы. // XVII Уральское археологическое совещание: МНК (Екатеринбург, 19-22 ноября 2007 г.). Екатеринбург; Сургут, 2007. С. 174-176.

¹⁴ Чижевский А. А., Антипина Е. Е., Асылгараева Г. Ш., Нуретдинова А. Р. Коллекция раннего железного века из собрания археологического музея Казанского (Приволжского) Федерального Университета // ПА №3. 2018. С. 68-87).

¹⁵ Чижевский А.А., Губин А. С., Лыганов А. В. Коминтерновский курган №2. // Урало-Поволжье в древности и средневековье. Материалы международной научной конференции V Халиковские чтения. Казань, 2011. С. 261-271.

¹⁶ Чижевский А.А., Лыганов А.В., Морозов В.В. Исследование памятников археологии на острове Дубовая грива в 2009-2010 г. // ПА №1.2012. С. 94-115.

¹⁷ Чижевский А.А., Лыганов А.В., Шипилов А.В. Рысовский археологический комплекс // Актуальные вопросы российской археологии. Вып.1. Казань, 2014. С. 23-53.

¹⁸ Чижевский А.А., Шипилов А.В., Капленко Н.М. Итоги исследования Каентубинской островной стоянки в 2004 году // ПА №1.2017. С. 50-70.

¹⁹ Шипилов А.В. Культурно-хронологические комплексы Мурзихинской IV стоянки в Нижнем Прикамье // ПА №2.2015. С. 313-325.

²⁰ Шипилов А.В. Материалы эпохи поздней бронзы и раннего железа Игимской стоянки (Нижнее Прикамье) // АЕС №3.2017. С. 111-119.

²¹ Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург, 1999. - 181с.

Рис.1

Рис.2

0 1 2 3см

Рис.3

Рис.4

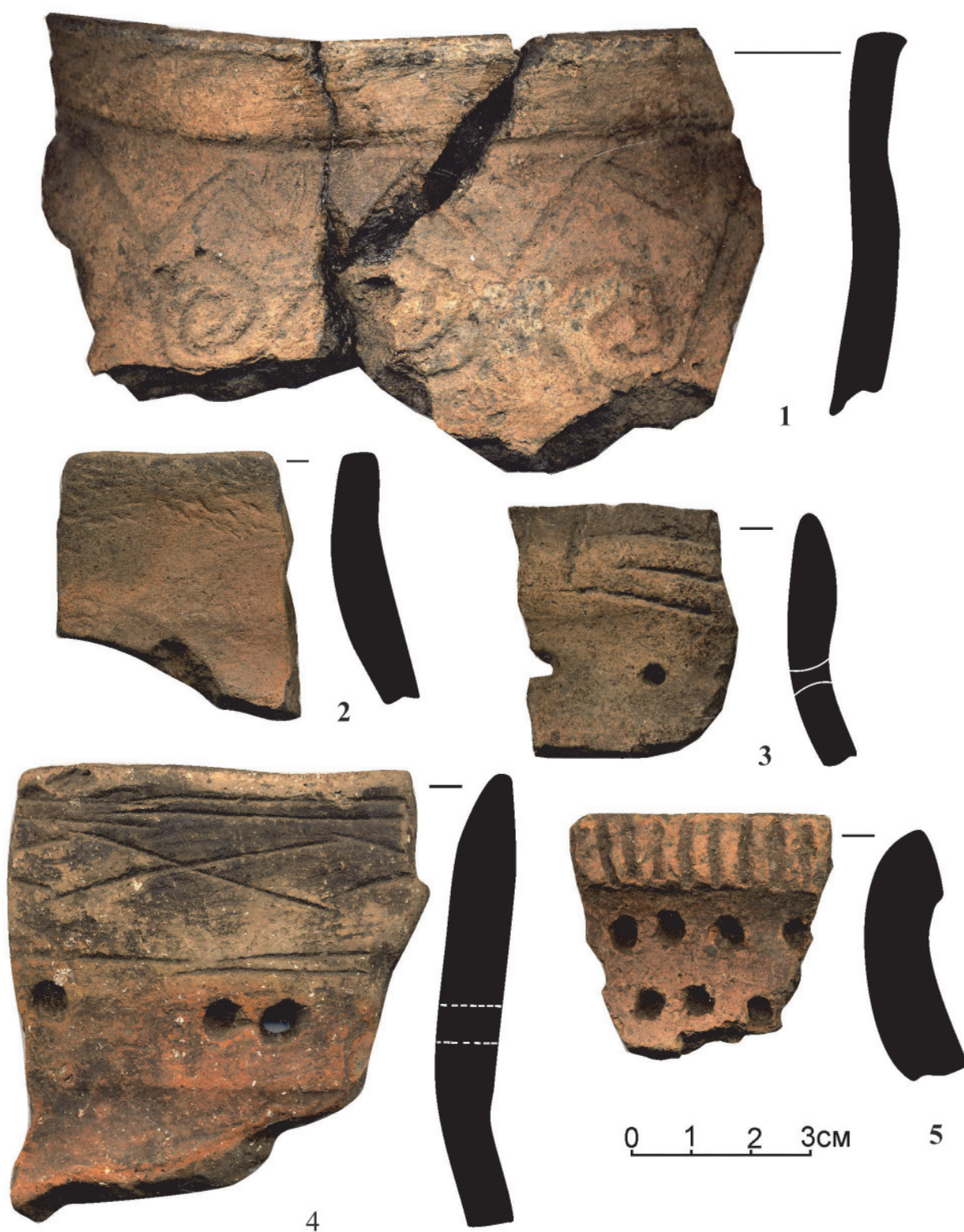

Рис.5

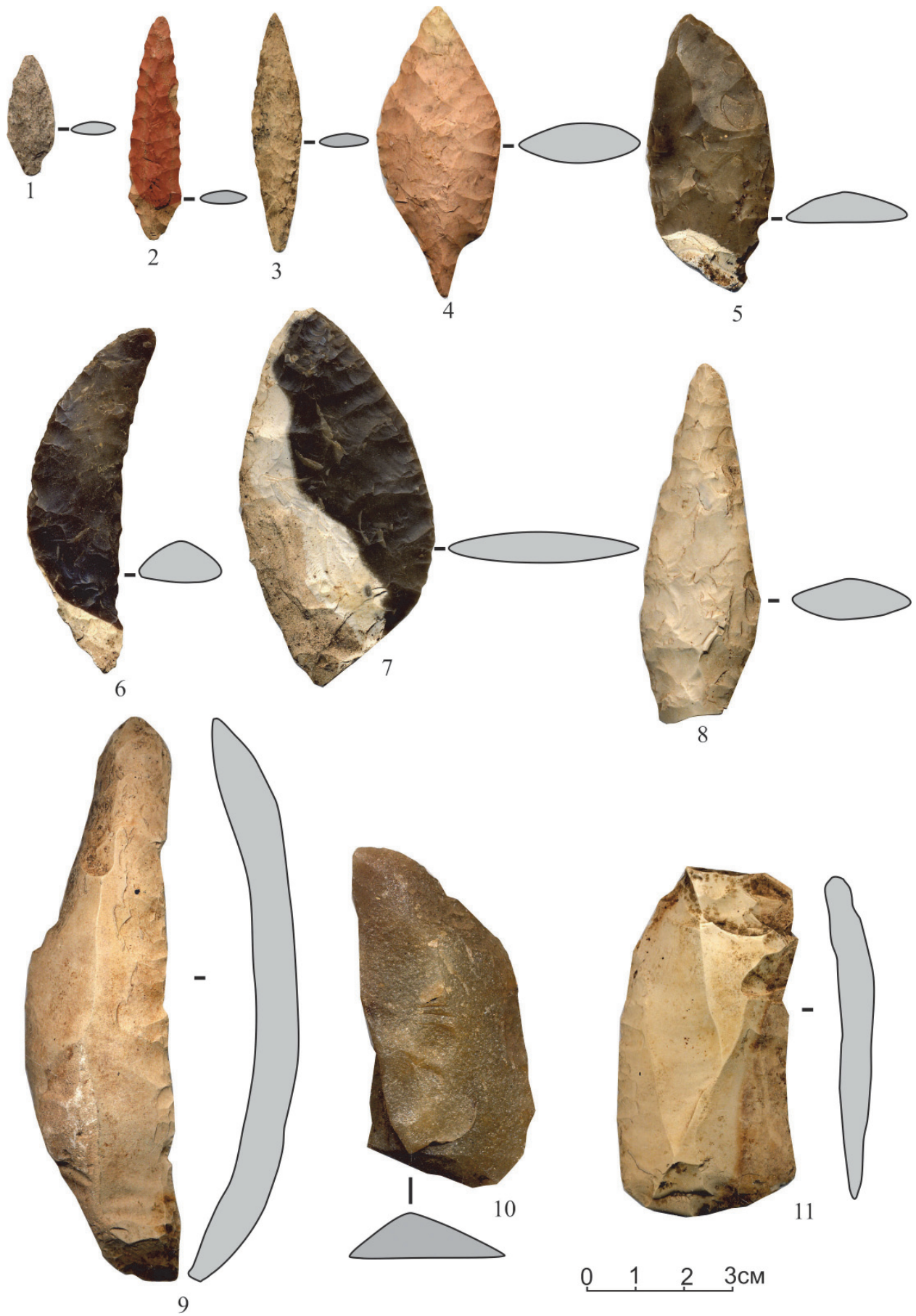

Рис.6

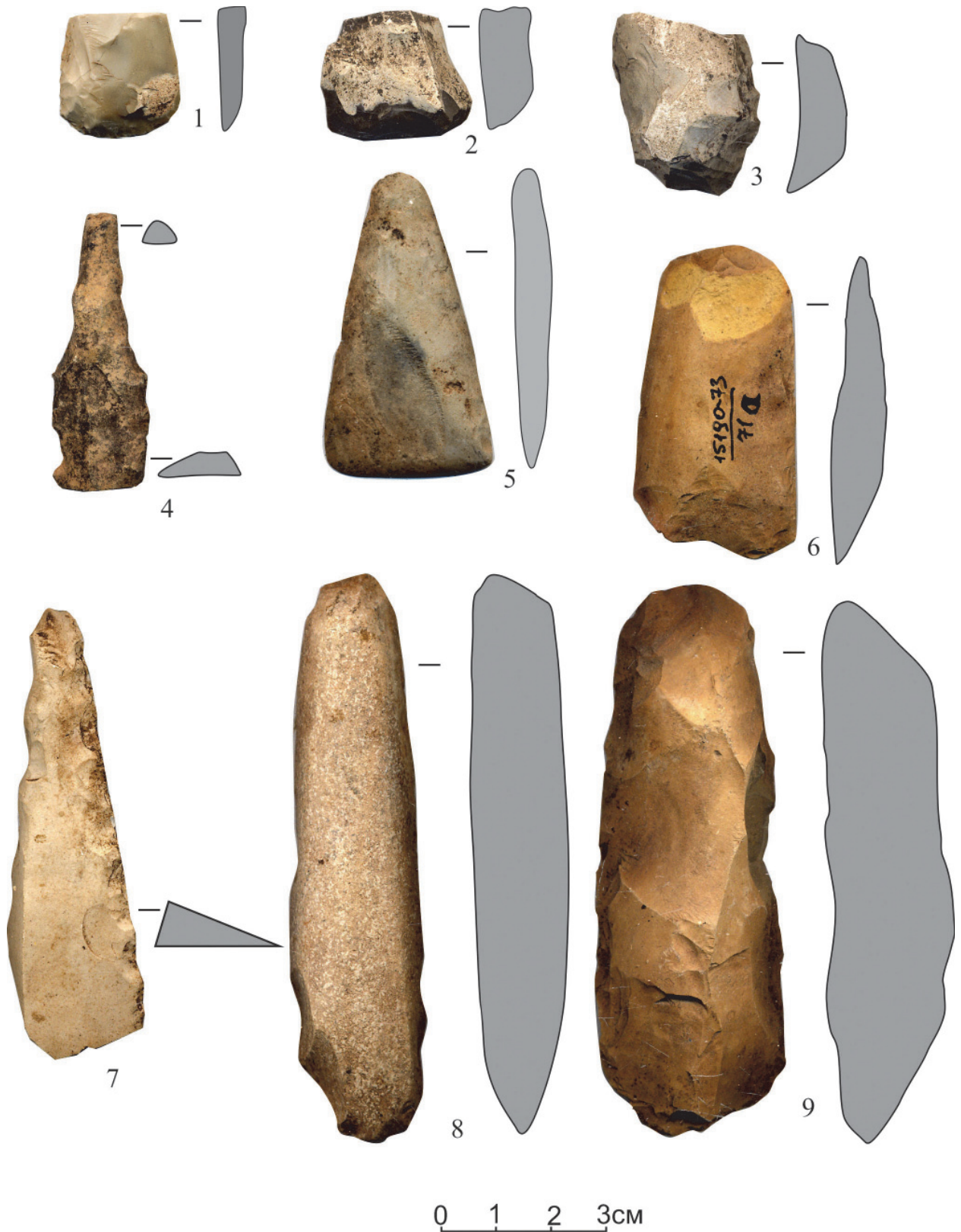

Рис.7

Список сокращений:

АЕС – Археология Евразийских степей

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

ПА – Поволжская археология

**CULTURAL-CHRONOLOGICAL COMPLEXES OF THE SITE
OF BERYOZOGRIVSKO-ALEXEEVSKOE III IN THE LOW KAMA REGION**

© 2021 A.V. Shipilov

Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov
of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan

The article represents the materials of study of the site of Beryozogrivsko-Alexeevskoe III that is situated in the Low Kama region. The earliest findings from this site are associated with Kamskaya Neolithic culture. A somewhat later chronological position is occupied by the complexes represented with the pit-comb, Russko-Azibeyskaya and Novoil'inskaya ceramics. The complex of findings associated with the Garinskaya Eneolithic culture deserves special attention in the article. The largest number of finds belongs to the Bronze Age. They are combined into several complexes belonging to the Srubnaya, Lugovskaya, and Maklasheevskaya cultures. The latest history of the Beryozogrivsko-Alexeevskoe III site was associated with the Anan'inskaya cultural and historical area.

Keywords: ceramics, Neolithic, Eneolithic, Bronze Age, Early Iron Age, Low Kama region.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-4-102-114

УДК 930

ЖИЛИЩА ВАРФОЛОМЕЕВСКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ

© 2021 А.И. Юдин

Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия, г.Саратов

Статья поступила в редакцию 01.10.2021

Статья посвящена рассмотрению характера домостроительства на Варфоломеевской стоянке орловской неолитической культуры степного Поволжья. Наиболее полные данные получены при раскопках Варфоломеевской стоянки (конец VII-VI тыс. до н.э.) на р. Малый Узень. Более поздние жилые постройки перекрывали и повреждали ранние, но сопоставление планиграфии и стратиграфии дало возможность распределить их по хронологическим горизонтам и реконструировать основные характерные черты неолитических построек. Жилища представлены полуземлянками крупных размеров с несколькими очагами, хозяйственными ямами вдоль стен котлованов, расположением полов на разных уровнях, плотной застройкой на территории стоянки. Жилища функционировали на протяжении длительного времени. Это подтверждается долговременными очагами с золистыми напластованиями более одного метра на обоих памятниках и следами ремонта опорных столбов на Варфоломеевской стоянке. Установлено, что на всех этапах орловской культуры существовала единая устойчивая традиция домостроительства.

Ключевые слова: неолит, орловская культура, жилища, полуземлянка, очаг.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-4-115-131

К настоящему времени наиболее полная, но далеко не исчерпывающая информация о жилищах орловской неолитической культуры продолжает базироваться на материалах раскопок Варфоломеевской стоянки, расположенной в степном Заволжье (Саратовская область) и исследовавшейся в 1987-1990 и 1996 гг. Всего на стоянке вскрыто свыше 400 кв. м культурного слоя, включающего четыре литологических горизонта, отражающих все этапы развития орловской культуры (посл. четв. VII тыс до н.э. - VI тыс. до н.э.)¹. Время существования стоянки определено серией из 36 радиоуглеродных дат, полученных в лабораториях Санкт-Петербурга, Москвы, Киева, Познани и Упсалы².

Тип жилища является одним из важнейших признаков, характеризующих археологическую культуру, в том числе и неолитическую. На эпонимном памятнике орловской неолитической культуры Нижнего Повол-

жья в свое время был получен выразительный комплекс керамики, но информация о характере жилища по результатам раскопок сохранившегося участка культурного слоя ограничена, так как большая часть постройки разрушена балкой. Выявлен котлован полуземлянки глубиной 0,6 м, ближе к середине полуземлянки отмечено небольшое очажное пятно (уголь, пепел, прокол земли) толщиной 10 см, две столбовые ямки с внешней стороны котлована. Предполагается прямоугольная форма жилища длиной 6 м с входом примерно 2 м длиной³.

Намного больше информации о характере неолитических жилищ получено по итогам раскопок Варфоломеевской стоянки. Практически вся исследованная площадь Варфоломеевской стоянки занята котлованами построек и, судя по большому количеству очагов, именно жилых построек (рис. 1). С одной стороны, это позволило детально исследовать ряд конструктивных особенностей неолитических построек. Но, с другой стороны, это значительно затрудняет детальное воссоздание общего облика жилища,

Юдин Александр Иванович, доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе. E-mail: aleyudin@yandex.ru

так как котлованы более ранних построек не только перекрываются позднейшими, но и прорезаются ими. Кроме того, исследовался прибрежный участок памятника, интенсивно размываемый в то время водами Варфоломеевского водохранилища на р.Малый Узень, и постройки были частично уничтожены береговой осыпью.

Жилые постройки различной степени сохранности встречены в трех нижних неолитических слоях. Поскольку на стоянке представлено эволюционное развитие одной культуры, способ устройства жилищ остается одинаковым на протяжении всего неолита.

Ниже приводится описание жилищ, сохранившихся наиболее полно, а также отдельных участков жилищ с наиболее интересными конструкциями. Сопоставление планиграфии и стратиграфии (рис. 2) позволило распределить пять выделенных жилищ по трем хронологическим горизонтам. Три жилища относятся к слою 2 А (поздний неолит) и по одному - к слою 2 Б (средний неолит) и слою 3 (ранний неолит).

Постройки слоя 2 А.

Жилище 1 (рис. 1; 2; 3, 1) располагалось по восточной границе раскопа.

С севера и востока котлован жилища ограничен бортами раскопа, поэтому полная ширина и длина не установлены. Максимальная попавшая в раскоп ширина - 2,55 м, длина - 3,65 м. Борты котлована отвесные, высота 0,2-0,45 м. На расстоянии 1,3 м от западного борта котлована и 1,6 м от южного находился очаг овальной в плане формы. Очаг устроен в материковом дне котлована и имел округлое дно. Размеры: 1,05x0,75 м, глубина в материке 0,12 м. Заполнение очага - зола, мелкие угольки и обожженные кости животных. К северному краю очага примыкала ямка диаметром до 0,3 м и глубиной 0,18 м. Еще одна такая же по размерам столбовая ямка была выкопана в северо-западном углу котлована. В 0,4 м к северо-востоку от очага находилась обширная (до 1 м в диаметре) яма глубиной до 0,15 м, заполненная культурным слоем.

Вокруг очага, вдоль стенок и пятнами по дну залегали прослойки красной охры. С запада стенка котлована имеет понижение, которое можно интерпретировать как вход. Это понижение продолжалось за пределами котлована в виде постепенно сужающейся канавки длиной 1,8 м и шириной от 1 м. Заполнение котлована - культурный слой 2А. Ко времени этого слоя мы можем относить и само жилище.

Скорее всего, этот котлован является только центральной частью жилища, так как с западной стороны в 1,5-2 м проходит высокая материковая стенка, разделяющая два жилища, а к северу дно жилища поднимается уступом и через два метра уходит под стенку котлована. Эта более высокая часть дна котлована также покрыта слоем охры и заглублена в материк на 0,11-0,29 м. В ней были устроены три столбовые ямки - две на краю, примыкающем к пониженной части, и одна у западной стенки котлована. Еще четыре столбовые ямки проходили вдоль стенки котлована с внешней стороны. Охрой были покрыты и участки материка к западу и югу от котлована на протяжении 2,5-3,0 м. Таким образом, можно предполагать общую длину жилища (сохранившуюся) 8,4 м по линии северо-запад - юго-восток. Максимальная ширина жилища в центральной части - 4,6 м. Но следует учесть, что восточная и северная части жилища выходили за пределы раскопа, а южная часть была размыва водохранилищем.

Поскольку со слоем 2А связаны позднейшие постройки, не перекрытые другими напластованиями, они сохранились в наилучшей степени. Еще одна постройка, **жилище 2** слоя 2А, располагалась в квадратах 30, 45-54, 63, 64. Здесь также исследована юго-западная часть постройки (рис. 1; 3, 2-4). Котлован центральной части землянки прямоугольной (а возможно, и квадратной) формы имеет следующие размеры. Длина исследованной части по линии северо-восток - юго-запад составляла 5,5 м, по линии северо-запад - юго-восток - 2 м. Глубина котлована в материке 0,65 м в северо-за-

падном углу, 0,33 м в юго-западном углу и 0,2 м в юго-восточной части. В 1,1 м от западной стенки и на таком же расстоянии от южной в материковом дне сооружен очаг сложной конструкции (рис. 3, 4).

Очаг округлой в плане формы диаметром 1,1-1,28 м имел плоское дно и покатые стенки. Глубина очага в материке – до 0,33 м. По дну был заполнен слоем золы. С северной стороны к очагу примыкала яма диаметром 0,4 м и глубиной 0,38 м, заполненная культурным слоем. Еще две ямки меньшего диаметра устроены в бортах очага и наклонены к его центру. Эти ямки и очаг были заполнены культурным слоем с сильной примесью золы и чистой золой по дну. К очагу примыкает канавка шириной 0,4 м и глубиной 5 - 10 см, соединяющая его с двумя ямами (глубина 0,5 и 0,85 м), расширяющимися ко дну. Заполнение ям состояло в основном из золы и древесных угольков. Длина канавки и ям – 1,8 м, а общая длина конструкции с очагом и северной ямой – до 3,3 м. Вероятнее всего, такая конструкция – одно из приспособлений для обогрева жилища, когда угли и зола не выносились сразу за пределы жилья, а ссыпались в приочажные ямы до полного остывания.

Еще две столбовые ямы были сооружены у северного края очага по обе его стороны. Одна из этих ям диаметром 0,3 м и глубиной 0,52 м была перекрыта слоем охры, посыпанной на дно котлована. Причем охра насыпалась по дну несколько раз, следовательно, сама яма относится к начальному этапу функционирования жилища. В 0,7 м к северо-западу от этой ямы находилась еще одна диаметром 0,28-0,38 м и глубиной 0,25 м. Четыре столбовые ямы располагались и по обе стороны канавки, примыкающей к очагу, – три с западной и одна с восточной. Диаметры их 0,25-0,38 м, глубина от 0,14 до 0,38 м. Сложная система ямок проходит вдоль южной стенки котлована, но она относится к более раннему жилищу из слоя 2Б, которая будет описана ниже.

В юго-западном углу котлована был сооружен еще один очаг округлой формы диа-

метром 0,7 м и глубиной до 0,1 м от уровня дна котлована. Очаг был наполовину врезан в угол котлована, в этом месте его глубина от верхнего уровня стенки составляла 0,42 м. Дно очага было заполнено слоем золы, в которой встречались фрагменты керамики и кремни.

Две столбовые ямки проходили по краю стенки котлована с западной стороны. Здесь, как и в предыдущем случае, котлован, вероятно, являлся центральной, наиболее заглубленной частью постройки. С запада и юга к котловану примыкает более высокая часть дна жилища. Ширина этой части составляла 1,4-2,0 м в западной части и до 1,7 м в южной. Эта часть была заглублена в материк от 0,4 м в северной части до 0,7 м в юго-западной, где сохранился материковый останец, отделяющий эту постройку от соседних с западной и южной сторон (рис. 3, 3). Это один из немногих участков на поселении, где можно установить максимальную глубину постройки в материке. Если брать за верхнюю точку отсчета высоту материкового останца, являющегося западной стенкой котлована жилища, а за нижнюю – дно наиболее заглубленной части котлована в центральной части, то общая глубина составляет 0,94-1,02 м.

В этой части жилища также в юго-западном углу был устроен еще один очаг диаметром 0,55-0,6 м и глубиной 0,13 м, заполненный золой. К югу и востоку от очага были расположены две хозяйственные ямы. В северо-западной материковой части был устроен выход в северном направлении в виде изогнутого коридора шириной 0,5-0,6 м.

Стратиграфические разрезы показывают заполнение верхней и нижней части котлована культурным слоем 2А. Оба уровня пола жилища посыпаны несколькими слоями охры. В данном случае картина полностью аналогична той, что мы видели и в предыдущем жилище на восточной границе раскопа.

Общая исследованная длина котлована по линии северо-запад – юго-восток составляет около 7 м, по линии юго-запад – северо-восток около 7-8 метров. В данном случае оста-

лись неисследованными участки жилища с северной и восточной сторон. Если предположительно считать центральный очаг центром жилища, то тогда его полные размеры будут составлять минимум 8х9-10 м.

В средней части заполнения котлована, над его центральным, наиболее глубоким участком залегала линза светлого материкового суглинка, перекрытая сверху линзой культурного слоя с обильной примесью золы. Возможно, это остатки от земляного перекрытия крыши (рис. 7, 1).

Западнее жилища 2, отделенная от него материковым останцем, располагалась еще одна постройка, также относящаяся к слою 2А (рис. 1; 4, 1, 2). В жилище 3 совершенно точно установлено, что полы располагались на двух уровнях по золистому шлейфу по дну котлована, переходящему из верхнего уровня в нижний. От нижней части котлована сохранился только северо-восточный угол, остальная часть уничтожена водами водохранилища. Сохранившаяся длина стенки нижнего котлована по линии юго-запад – северо-восток-восток составляет более 7 метров, длина северо-восточной стенки – около 4,7 метра. К нижнему котловану с северной и восточной сторон примыкает более высокий участок дна постройки. Перепад высот между верхней и нижней частями котлована от 0,1 до 0,48 м. Верхняя часть котлована, в свою очередь, плавно понижается в сторону реки и разделена приблизительно в средней части ступенькой по линии север - юг. Таким образом, западная часть немного (0,1-0,2 м) ниже восточной. С западной и восточной сторон верхний котлован ограничен материковыми выступами. Эта часть жилища заглублена в материк на 0,1-0,15 м. Полные размеры жилища (сохранившаяся часть): с северо-запада на юго-восток – около 9 метров, при этом в северной части раскопа жилище уходит под борт раскопа, а в южной части – размыто водохранилищем; с юго-запада на северо-восток – 10,8 м.

Котлованы соединены ступенькой, выполненной в верхнем уровне. Но сразу под

ступенькой в материковом дне нижней части жилища была устроена обширная яма (0,40х0,85 м, глубина 0,6 м от дна нижнего котлована), на дне которой лежал обработанный рог оленя. К этой яме вела еще одна ступенька-яма со стороны нижнего котлована. Создается впечатление, что ступеньки служили не для сообщения между двумя частями жилища, а для удобного доступа к яме с обеих уровней жилища (рис. 4, 1; 5, 1).

К северу от этой ямы, на верхнем уровне котлована находился очаг овальной в плане формы (1,2х2,4 м), вытянутый по линии север - юг. С восточной стороны очаг ограничен невысокой (в пределах 0,2 м) материковой ступенькой, с запада – описанной выше ямой, полого опускающейся к югу, на дне которой встречались зола и очень мелкие угольки. Это подтверждает одновременность существования очага и ямы. Мощность золистого заполнения очага достигает 0,4 м. В западной половине очага – мощный прокол материковой почвы, достигающий толщины 0,2 м. Зольное заполнение очага насыщено костями животных, в центре очага они сильно обожжены. В заполнении очага также найдены костяная проколка и 9 кремневых отщепов, лежащих компактной кучкой. На краю очага, в южной части, лежал абразивный камень прямоугольной формы из буро-красного песчаника.

В трех метрах восточнее этого очага находился еще один крупный очаг (диаметр до 1,6 м), золистое заполнение которого прослеживалось с глубины 40 см от современной дневной поверхности (-107 см) до самого дна (-170 см). Дно очажной ямы в разрезе полукруглое, с небольшой ступенькой с северной стороны. По уровню материка очаг перекрывался тонким слоем глины.

Рядом с ямой с рогом животного и также под стенкой котлована была устроена еще одна округлая яма диаметром 0,84-0,95 м и глубиной 0,6-0,24 м от дна нижней части котлована (рис. 5, 1). Яма была заполнена культурным слоем, не отличающимся от вышележащего. Весь культурный слой в яме был

насыщен мелкими обломками костей животных, среди которых были обнаружены:

- ножевидная пластина из серого кремня;
- крупный костяной тупик ⁴;
- свыше двух десятков мелких кремневых чешуек у западного края ямы;
- развал круглодонной чаши с накольчатым орнаментом почти в центре ямы ⁵;
- несколько десятков таранных костей МРС и передних зубов лошади, в том числе с насечками, в компактной кучке в северо-западной части ямы;
- несколько таранных костей МРС и передних зубов лошади с насечками, таранная кость КРС и расколота трубочатая кость с обработанным концом в южной части ямы.

Еще одна яма под стенкой находилась в северо-восточном углу котлована. Яма расширялась ко дну, образуя подбой под северную стенку котлована. Диаметр ямы 0,8 м, глубина 0,47 м от уровня дна нижнего котлована. Яма заполнена культурным слоем с фрагментами керамики и костей животных. Найдено сечение пластины и крупный круглый камень на дне подбоя (рис. 5, 2).

К югу от этой ямы находился небольшой очаг овальной формы, и еще один очаг находился еще южнее, но он почти полностью был уничтожен береговой осыпью.

Дно жилища посыпано красной охрой, особенно много ее было в нижнем уровне котлована.

По всей площади жилища распределены столбовые ямки, как у краев котлованов, так и между очагами. Диаметры ямок – 0,15-0,30 м, глубины от 0,09 м до 0,46 м. Между двумя крупными очагами в северной части жилища компактно на площади 2х2 м располагалось пять столбовых ямок. В двух случаях ямки были перекрыты слоем охры по дну жилища.

Постройки слоя 2 Б.

Жилище 4. Сохранился материковый участок, который совершенно точно связывается со слоем 2 Б (рис. 1). Длина западной стенки центрального котлована 4,7 м, северной – 4,4 м, восточной – 4,5 м. Полная длина западной стенки не устанавливается,

в пределы раскопа попал ее участок длиной около 9-10 м, южная часть стенки уничтожена береговым обрывом. Восточная стенка устанавливается на протяжении 9-9,5 м, а далее котлован жилища залегал уже в культурном слое, и позднее восточная часть жилища была перекрыта и уничтожена котлованом из слоя 2А.

Глубина центрального котлована в материке 0,4-0,5 м в северной части. Глубина более высокой части котлована – 0,2-0,3 м (рис. 1).

В заглубленном котловане было два очага – в центре и в юго-западной части, а также ряд столбовых ямок, расположенных по всей площади котлована. Центральный очаг – двойной: два очага (1,5х1,0 м и 1,5х1,3 м) разделены тонкой перемычкой. Стенки плавно понижаются ко дну. Максимальная глубина в материке – 0,24 м. Очаг был заполнен культурным слоем, в котором преобладала зола. Встречались кости животных, орудия из кости, керамика. В центре южной ямы прослежено пятно сильного прокала, а северная часть второй ямы была перекрыта слоем светлого суглинка. Очаг по периметру окружают столбовые ямки 0,1-0,3 м в диаметре и глубиной от 0,06 до 0,45 м. Очаг в юго-западной части был своим западным краем немного врезан в стенку котлована. Золистое заполнение очага достигало 0,15 м толщины. В двух метрах к юго-востоку от этого очага, уже на возвышенной части котлована жилища, был сооружен еще один двойной очаг с ямами диаметром 1,1 м и 1,3 м. Мощность золистого слоя в ямах и над ними достигала 0,35 м. Между двойным очагом и очагом в стенке зачищено 11 столбовых ямок, в том числе примыкающих к краям очагов.

В северной части под стенкой нижней части котлована была сооружена обширная хозяйственная яма (1,85х1,1 м) глубиной 0,25-0,5 м. Еще одна крупная яма с двумя ступеньками глубиной до 0,4 м находилась рядом с двойным южным очагом.

Дно котлована было покрыто слоем красной охры, особенно густо и неоднократно – в заглубленной части.

Данное жилище интересно тем, что его северо-западный угол сгорел в древности (рис. 5, 3) и по нему стало возможно детально ознакомиться с конструкцией стен. По краю котлована на относительно равных промежутках (через метр-полтора) вкапывались столбы диаметром 20-25 см, между ними – две три жерди толщиной до 10 см. Полученный каркас переплетался тростником и обмазывался глиной. Особенно хорошо конструкция стены была видна по северной стенке жилища. Основание стены залегало на материковом останце (сырцовые блоки?). По краю котлована в нем выкопан ряд столбовых ямок. К югу от них, по внутренней стороне стенки котлована, на ступеньке, заглубленной на 20 см от верха останца, вертикально располагались: слой прокаленной глины (5-7 см), слой мелких углей с хорошо сохранившейся структурой длинных стеблей растений (10 см) и опять слой прокаленной глины (рис. 6, 1, 2). После разборки этих слоев, на ступеньке вырисовались столбовые ямки различного диаметра, заполненные золой. Установлено, что с внутренней стороны стены жилища были окрашены, как и дно котлована, красной или розовой (воздействие огня?) охрой.

Котлован перекрыт линзой светлого материкового суглинка, возможно, происходящего с кровли жилища. Эта линза разделяет культурные слои 2 А и 2 Б. Возможно, жилище продолжалось к северу и востоку за пределами котлована, в части, менее заглубленной в материк. Доказательством этому может служить стратиграфия залегания культурного слоя 2Б, который распространяется к северу и востоку от заполнения котлована и ничем от него не отличается. В таком случае размеры жилища увеличиваются на 2 м к северу (и слой уходит далее под бровку) и на 3-3,5 м к востоку. Далее на восток культурный слой залегает на нижнем слое 3 и восточный край полуземлянки не прослеживается.

Постройки нижнего слоя (слой 3).

Жилища этого горизонта сохранились плохо, они прорезались более поздними,

но на одном участке сохранились не только материковый пол с ямами, но и часть стенок котлована, хотя и на незначительную глубину.

Жилище 5 (рис. 1). Сохранилась северная часть котлована. Длина его с запада на восток составляла около 5,5 м. Длина с севера на юг полностью не устанавливается, так как южная часть жилища разрушена водохранилищем: длина по западной стенке около 3 м, по восточной – не менее 5 м. Глубина котлована – 0,2-0,3 м. Это касается размеров заглубленной части котлована. По северному краю котлована с внешней стороны проходит ряд столбовых ямок. Как и в более поздних постройках, жилище имело продолжение и за пределами центрального котлована и эта часть была заглублена в материк на 0,2-0,3 м, то есть общая глубина жилища в материке достигала 0,6 м. В данном случае мы не можем узнать полные размеры котлована, т.к. сохранился только северный участок, менее заглубленный в материк. Его длина с севера на юг составляет около 3-3,5 м, что увеличивает общую длину сохранившейся части постройки до 8,5 м.

В заглубленной части котлована исследован очаг овальной в плане формы (0,9x0,55 м). Дно очага округлое, стенки плавно поднимаются вверх. Глубина в материке – до 0,2 м. Очаг полностью заполнен золистым грунтом. К северу от него располагались цепочкой четыре столбовые ямки, перекрытые слоем охры. Еще один очаг сохранился в периферийной части постройки. Он был более крупных размеров (диаметр 1,35 м), чем предыдущий, но по устройству, глубине и заполнению не отличался от него.

Под северной стенкой постройки сохранились две обширные (1,1x1,3 м и 0,9x1,6 м) ямы, заполненные культурным слоем. Дно котлована посыпано красной охрой. Центральная часть котлована также перекрыта линзой светлого суглинка, под которой в заполнении котлована обнаружено парное неолитическое погребение 1⁶.

Остальные жилища нижнего слоя сохранились частично – это участки дна кот-

лованов с хозяйственными ямами, очагами и столбовыми ямками. Сказать что-либо определенное о размерах жилищ по этим участкам сложно, за исключением северо-восточного угла раскопа, где в квадратах 85-88 и частично 89 дно котлована жилища нижнего слоя по посылке охрой прослеживается на протяжении почти 9 м по линии запад-восток (рис. 6, 3). На этом участке исследована одна из наиболее крупных двухкамерных ям (рис. 6, 4). Длина ямы 2,4 м, максимальная ширина 0,9 м, глубина – выше 0,5 м. Заполнение ямы отличалось от нижнего культурного слоя более светлым цветом, что характерно для всех ям, связанных с нижним слоем. Следует отметить находку сегмента низких пропорций в заполнении ямы. Как и большинство других хозяйственных ям на стоянке, она устроена вдоль стенки котлована по дну жилища. Высота стенки котлована на данном участке – около 0,2 м.

К нижнему слою также относится очаг в квадрате 6 (рис. 6, 5). Конструктивно он ничем не выделялся среди большинства других, но по периметру был окружен десятком столбовых ямок диаметром 0,1-0,3 м и глубиной до 0,35 м. Пол жилища вокруг этого очага также был неоднократно посыпан охрой.

Стоит упомянуть очаг такой же конструкции из сохранившегося участка дна жилища слоя 2А в квадратах 70 и 72. Он имеет округло-овальную форму (2,0x1,4 м), дно плавно понижается к центру, с северо-восточной стороны к нему вплотную примыкают шесть столбовых ямок. Очаг заполнен культурным слоем, в котором преобладает зола. Кроме этого, в заполнении найдены кости животных, обугленные и необугленные, фрагменты керамики, каменные орудия. В одной из ямок (диаметр 0,25 м, глубина 0,35 м), примыкающих к очагу, найден комплекс костяных орудий, поставленных в нее вертикально: фрагменты двух тупиков для волососгонки из лопаток животного, два землекопных орудия, проколка и обломок ребра крупного животного. По периметру очаговой ямы на расстоянии 0,05-0,5

м имелось около дюжины столбовых ямок 0,1-0,3 м в диаметре.

***

Таким образом, в раскоп на Варфоломеевской стоянке целиком не попало ни одно жилище, что не дает возможности установить их полные размеры. Если считать жилищами только наиболее заглубленные участки котлованов, то размеры их невелики: длина стенок колеблется в пределах 4-5 метров. Если же брать в расчет полные размеры котлованов, то площадь жилища существенно увеличивается. В таком случае общая ширина котлованов достигает 6-8 метров, а максимальная сохранившаяся длина – 11 метров (южные части котлованов размыты водохранилищем). Судя по сохранившимся участкам котлованов, жилища длинными сторонами были ориентированы по линии север-юг или северо-северо-запад – юго-юго-восток.

В плане котлованы жилищ-полуземлянок прямоугольные, с округлыми углами и не всегда ровными стенками. Глубина котлованов в материке могла достигать одного метра, как в жилище 2 слоя 2 А (рис. 3, 3).

Кровля жилищ опиралась на столбы. Столбовые ямки располагались вдоль края котлована с внешней стороны и по дну (по осевой или близкой к ней линиям). Диаметр столбовых ямок – от 0,1 до 0,35 м, глубина – от 0,05 до 0,55 м. Глубина зависела от диаметра ямки и уровня, с какого она была впущена в материк.

Высота стен землянки, вероятно, варьировалась в зависимости от глубины котлована. Возможно, столбы поддерживали бревенчатые балки, которые могли быть покрыты жердями, ветками и камышом, как это мы наблюдали на стенах жилища. Древесно-камышовая (предположительно) кровля неолитических построек, скорее всего, также покрывалась глиной. Как уже говорилось, на многих участках раскопа отмечены суглинистые прослойки, залегавшие в заполнении котлованов между культурными напластованиями (рис. 7, 1, 2). Объяснять их наличие можно по-разному,

так как заброшенные котлованы жилищ могли заполняться не только естественным затеканием грунта, но и использоваться населением в качестве мусорных ям. Но в любом случае стоит учитывать, что во всех котлованах есть эта светлая прослойка суглинка, не содержащая находок.

Жилые постройки были многокамерными или просто имели более заглубленную центральную часть. Во всех случаях полы в жилище располагались на разных уровнях. Это хорошо прослеживается по окрашенным охрой полам и золистым шлейфам очагов, опускающихся с верхнего уровня на нижний.

Внутренний интерьер представлен в первую очередь очагами. Очаги имеют простейшую конструкцию: округлый или овальный в плане, слегка заглублены (до 0,4 м) в материк и имеют пологие стенки. Если дном котлована жилища являлся более ранний культурный слой, то для очага насыпался 15-20-сантиметровый слой глины (рис. 7, 3). Часто вокруг очагов по периметру расположены столбовые ямки. Вероятно, это свидетельствует о существовании особого «светового фонаря», когда часть крыши жилища над очагом была приподнята, а в образовавшийся зазор проникал свет и выходил дым (рис. 6, 5). Очагов в жилище всегда несколько. Более сложная конструкция очага с сопряженными ямами в жилище 2 описана выше (рис. 3, 4).

Вплотную к стенкам котлованов в полу были устроены глубокие и обширные ямы. Заполнение их различалось. Большая часть ям содержала обычный культурный слой, а остальные можно назвать ямами-хранилищами. В них найдены в скоплениях зубы лошади с насечками, альчики, запасы кремня, орудия из кости, развалы сосудов (рис. 5, 1, 2; 6, 3, 4).

Полы жилища всегда покрывались слоем темно-красной охры (рис. 7, 4), что является уникальным случаем для построек неолитического времени в степной зоне юго-востока Европейской части России. Причем охра насыпалась на дно три-четыре раза, после

очередного «загрязнения» пола. Это помогло в нескольких случаях проследить замену одного столба на другой, когда на дне котлована читался след от столбовой ямки, а после снятия слоя охры рядом с ним обнаруживался след от предыдущей. Подобные находки свидетельствуют не только о длительном функционировании жилища, но, вероятно, и о мощном перекрытии над ним.

Посыпка полов неолитических жилищ порошком охры в таких масштабах, как на Варфоломеевской стоянке, не находит аналогий среди других поселений Нижнего Поволжья. Использование охры, в том числе и для окрашивания полов, широко практиковалось в среде неолитического населения Европейского Севера⁷ и таежной зоны Зауралья и севера Западной Сибири⁸. Широкое применение охры в жилищах этих регионов объясняется не сакральными причинами, а чисто утилитарными, когда охра применялась для защиты от гниения деревянных конструкций⁹. Однако такое объяснение мало подходит для зоны сухих степей Поволжья, несмотря на все колебания климата в голоцене на территории рассматриваемого региона¹⁰.

О продолжительности функционирования жилищ, кроме регулярной посыпки полов охрой и замены опорных столбов, свидетельствует еще один факт. В некоторых очагах огонь поддерживался длительное время – непрерывная вертикальная колонка золы и углей иногда прослеживалась при раскопках на глубину до метра и более, то есть откладывался культурный слой, перестраивались жилища, а очаг оставался все тот же. Он только со временем мог слегка смещаться в стороны.

Таким образом, на Варфоломеевской стоянке исследованы жилища, функционировавшие на всем протяжении неолита и показавшие единую домостроительную традицию, характеризующую орловскую культуру. Следует также подчеркнуть тот факт, что жилища чрезвычайно плотно располагались на территории стоянки. Конечно, следует учесть, что исследованные

постройки не функционировали все одновременно, но даже в восточной части раскопа, где исследованы только поздние постройки, они отделялись друг от друга незначительными по площади материковыми перемычками.

На поселении орловской культуры Орошаемое (раскопы Алгай 1 и Алгай 2) полученные к настоящему времени данные о жилищах подтверждают существование единой домостроительной традиции у орловского населения на протяжении неолита¹¹.

Эта традиция значительно отличается от других культур, даже в пределах Нижневолжской культурной общности¹². На юге Нижнего Поволжья, в Северном Прикаспии, наиболее информативно жилище на поселении Байбек каиршакско-тентексорской культуры¹³. Жилище на Байбеке не прямоугольное, как на Варфоломеевской стоянке, а округлое в плане, по размерам меньше варфоломеевских (14 кв. м). Нет здесь столбовых ямок, окраски полов охрой (хотя мелкие частички охры имеются), нескольких очагов и обширных ям под стенками. Но это также полуземлянка, и следует отметить наличие ямы рядом с очагом.

В другой культуре Нижневолжской неолитической общности – джангарской – жилища также овальные, небольшие (14-20 кв. м) и заглублены в материк до 0,3 м. В двух жилищах нижнего (третьего) слоя есть по два-три очага, хозяйственные ямы и даже небольшой участок дна, окрашенного охрой¹⁴. Столбовые ямки здесь, как и на Байбеке, отсутствуют, что может объясняться сооружением жилищ в рыхлом песчаном грунте, не сохраняющем относительно небольшие ямки, или просто отсутствием подходящего строительного материала, когда при сооружении жилища столбовые конструкции просто не использовались.

Жилища Байбека и Джангара сопоставимы по размерам с центральными, наиболее заглубленными в материк камерами варфоломеевских жилищ. Вполне возможно предположить, что и в данных случаях исследованные жилища представляют только

центральную часть постройки, а окружающие их «галереи» просто не сохранились в рыхлых и перевеваемых ветрами песчаных грунтах, в отличие от суглинистых грунтов Варфоломеевской стоянки, где сохранность конструкций в материке несравненно выше.

В сопредельном регионе – лесостепном Среднем Поволжье – домостроительная традиция имеет еще большие различия, вызванные разными природно-климатическими условиями и хозяйственным укладом. Это особенно заметно при сравнении с постройками елшанской раннеолитической культуры. Исследованные жилища елшанской культуры наземные, с каркасной конструкцией (Вьюново Озеро I) или слегка заглубленные с очагами и без (Утюж I, Имерка VII, Луговое III) и площадью 15-35 кв. м. Здесь нет следов углубленных долговременных сооружений¹⁵.

Ничего общего с варфоломеевскими жилищами не имеют производственная и жилищная постройки неолитического поселения Дрониха I в лесостепи Среднего Дона¹⁶. Две постройки раннеолитического времени на Верхнем Дону (Рыбное Озеро 2 и Васильевский Кордон 3) овальной формы были незначительно углублены в материк и, в отличие от варфоломеевских, имели сезонный характер¹⁷. Еще больше различий с жилищами лесной зоны, особенно это касается жилищ с переходами¹⁸.

Полученные данные о типе жилищ, их приблизительных размерах, технологии сооружения и элементах интерьера указывают на постоянное проживание там населения. Благоприятные климатические условия способствовали не только успешной охоте и рыболовству, но и оседлости населения на протяжении неолитической эпохи. В настоящее время можно констатировать тот факт, что домостроительная традиция орловской неолитической культуры, ставшая известной после исследования Варфоломеевской стоянки, пока не находит близких аналогий в степной зоне Европейской территории страны несмотря на схожий хозяйственный уклад населения степной зоны.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: изд-во СГУ. 2004, 200 с.; Юдин А.И., Выборнов А.А. Ранний неолит степного Поволжья // Археологические записки. Ростов-на-Дону, 2019. Вып.10. С. 99-109.
- ² Выборнов А.А., Юдин А.И., Кулькова М.А., Гослар Т., Поснерт Г., Филиппсен Б. Радиоуглеродные данные для хронологии неолита Нижнего Поволжья // Радиоуглеродная хронология неолита Восточной Европы в VII-III тыс. до н.э.: кол. моногр. / сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 62-73.
- ³ Мамонтов В.И. Поздненеолитическая стоянка Орловка // СА. 1974, № 4. С. 257-258.
- ⁴ Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: изд-во СГУ. 2004. Рис. 58, 3.
- ⁵ Там же, рис. 54, 4.
- ⁶ Юдин А.И. Неолитические погребения Варфоломеевской стоянки // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1991. Вып. 2. С. 3 - 14.
- ⁷ Витенкова И.Ф. Эволюция жилых построек в финале неолита и энеолите Карелии // Труды Карельского научного центра РАН, 2012. № 4. С. 174-169.
- ⁸ Усачева И.В., Адаев В.Н., Косинская Л.Л., Юдина Е.А. Охра в жилищах каменного века таежной зоны Зауралья и Севера Западной Сибири: адаптивный аспект // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Матер. всероссийской научн. конф. Тюмень: ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2018. Вып. 4. С. 254-258. .
- ⁹ Там же, с. 256-257.
- ¹⁰ Овчинников А.Ю., Выборнов А.А., Кулькова М.А., Занина О.Г., Лопатина Д.А., Дога Н.С., Юдин А.И., Алифанов В.М. Почвенно-экологические условия на нео-энеолитическом поселении Орошаемое в Нижнем Поволжье // Почвоведение. 2020 № 2. С. 165-177. С. 173-174.
- ¹¹ Юдин А.И. Жилища орловской неолитической культуры // Волго-Уральский регион от древности до средневековья: материалы VI Нижневолжской Международной археологической научной конференции. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2020. С. 23-25. Рис. 2.
- ¹² Юдин А.И. Нижневолжская культурная общность эпохи неолита: проблемы формирования, контактов и эволюции // II Городцовские чтения. М., 2005. Тр. ГИМ. Вып. 145. С. 7-17.
- ¹³ Гречкина Т.Ю., Выборнов А.А., Лебедев Ю.С. Жилище раннеэнеолитической стоянки Байбек в Северном Прикаспии // КСИА, № 262. 2021. С. 142-155.
- ¹⁴ Кольцов П.М. Мезолит и неолит Северо-Западного Прикаспия. Москва: Изд-во ГЖО «Воскресенье», 2005. С. 125-128. Рис. 36.
- ¹⁵ Андреев К.М. Жилищные комплексы елшанской раннеэнеолитической культуры // Самарский научный вестник. 2020. Т. 9, № 3. С. 189-193.
- ¹⁶ Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1986. С. 93-98. Рис. 17; 18.
- ¹⁷ Смольянинов Р.А. Постройки эпохи раннего неолита на Верхнем Дону // Самарский научный вестник. 2016. № 1 (14). С. 72-76.
- ¹⁸ Ставицкий В.В. К вопросу о реконструкции неолитических жилищ лесной зоны // Неолитические жилища. Материалы международного симпозиума. СПб., 2021. С. 35-36.

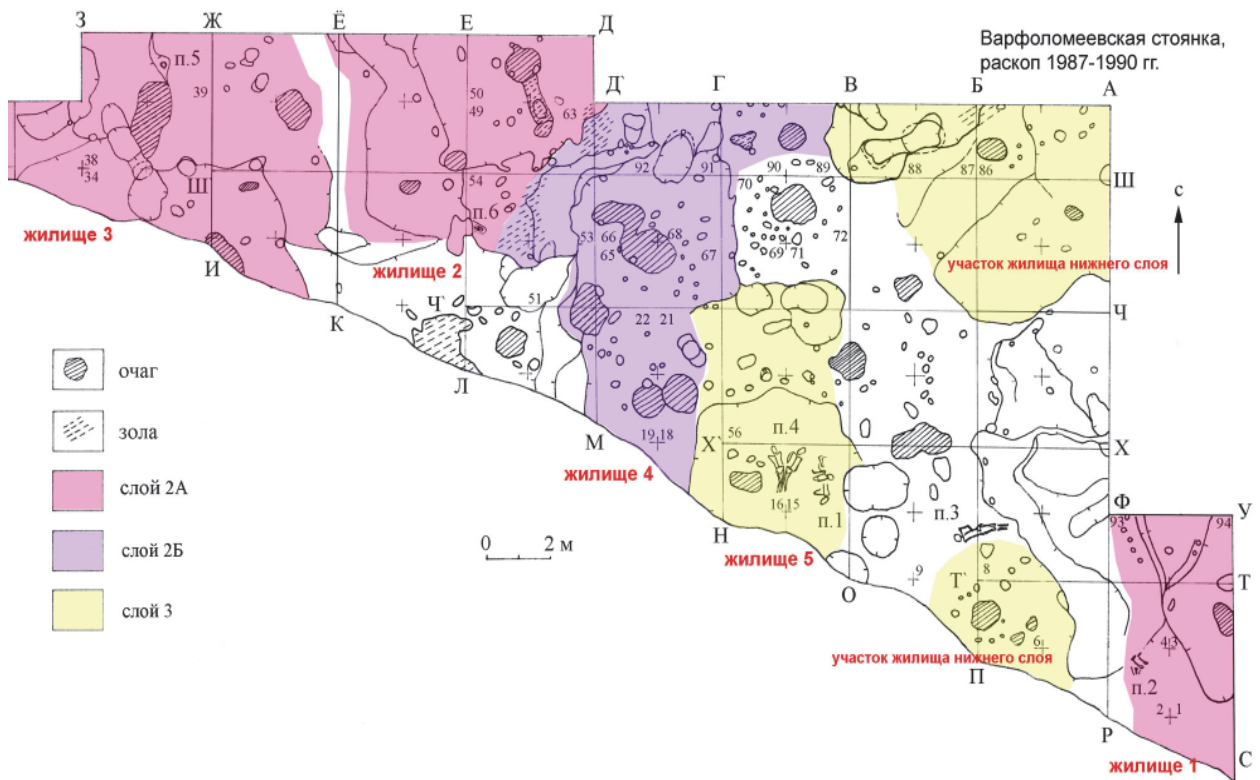

Рис. 1. Варфоломеевская стоянка. План раскопа 1987-1990 гг.

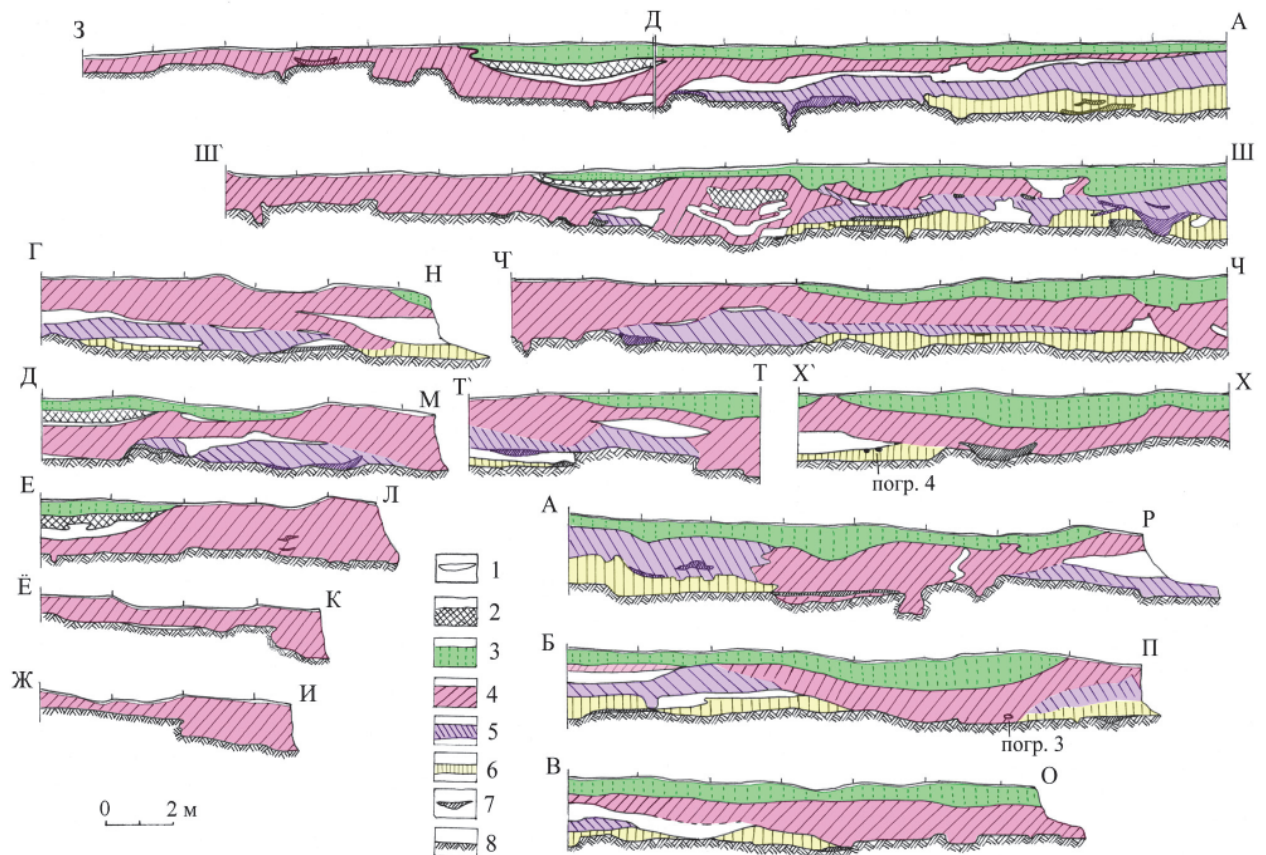
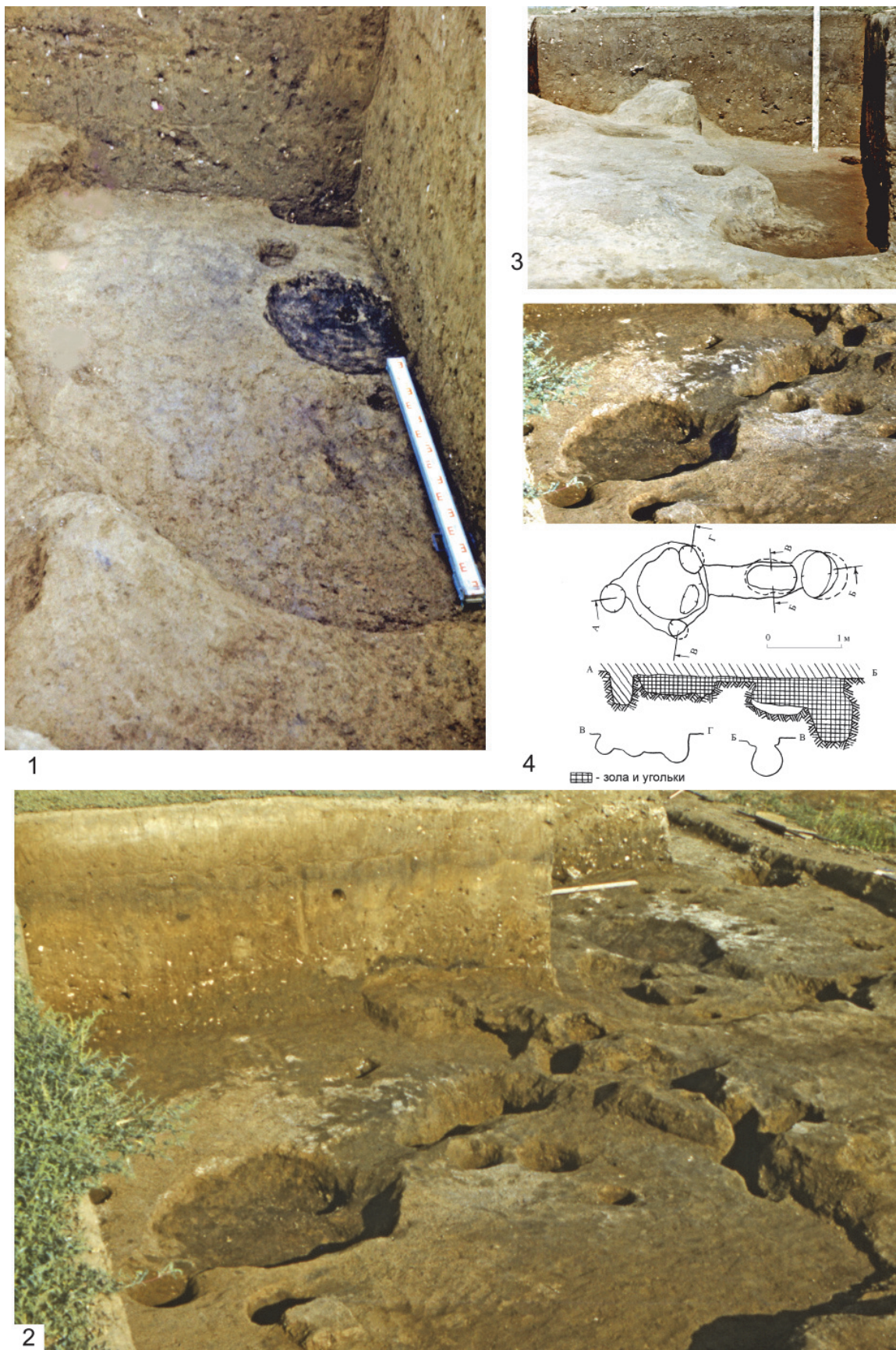

Рис. 2. Варфоломеевская стоянка. Стратиграфия раскопа 1987-1990 гг.

1 – светлый суглинок; 2 – культурный слой с примесью золы; 3 – верхний (1) культурный слой;
 4 – слой 2А; 5 – слой 2В; 6 – нижний (3) культурный слой;
 7 – золистое заполнение очагов; 8 – материк

Рис. 3. Жилища Варфоломеевской стоянки.

- 1 – жилище 1, слой 2А; 2 – жилище 2, заглубленная часть, раскопки 1988-89 гг.;
- 3 – жилище 2, юго-западный угол и стенка котлована, раскопки 1987 г.;
- 4 – центральный очаг в жилище 2

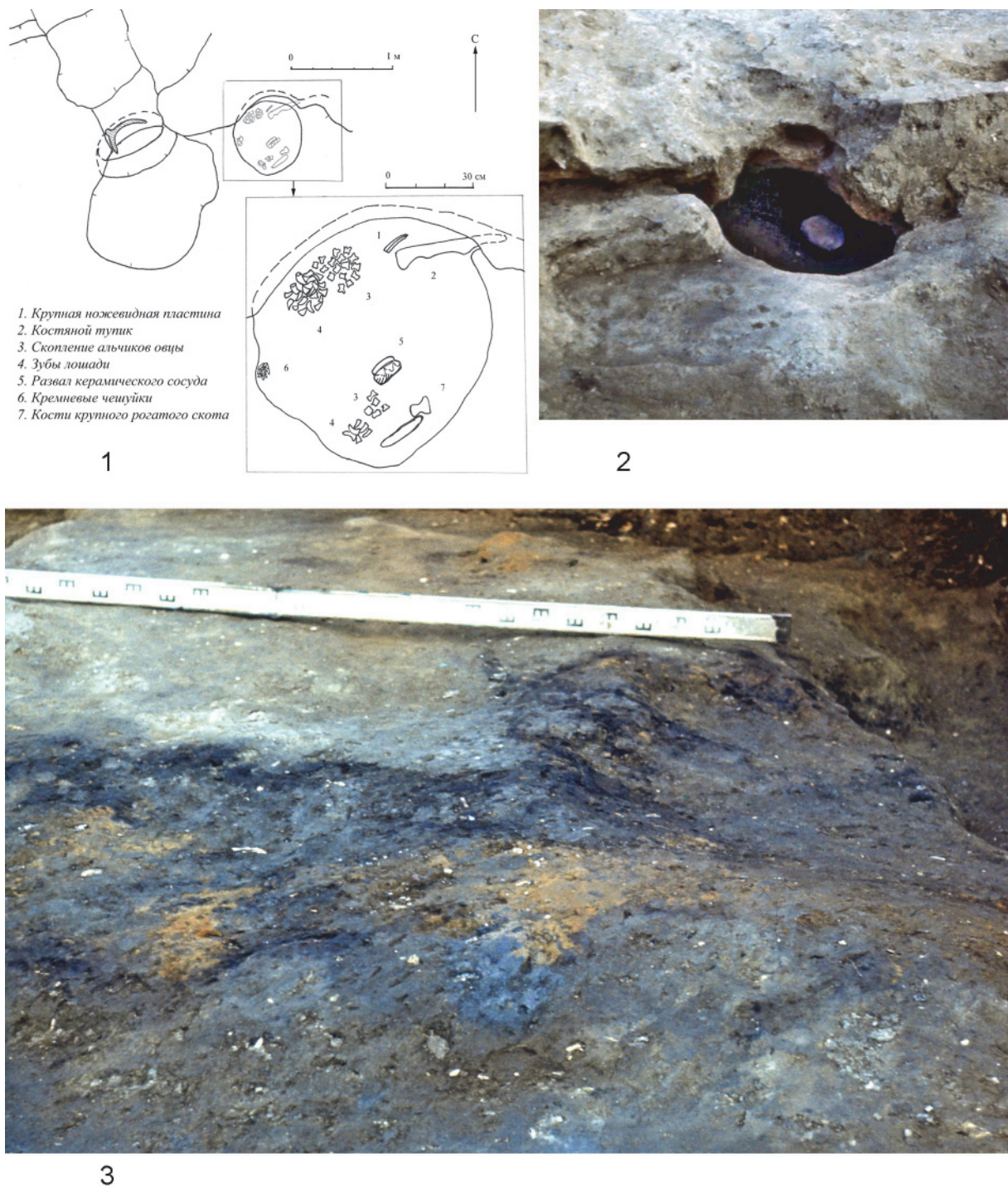

1

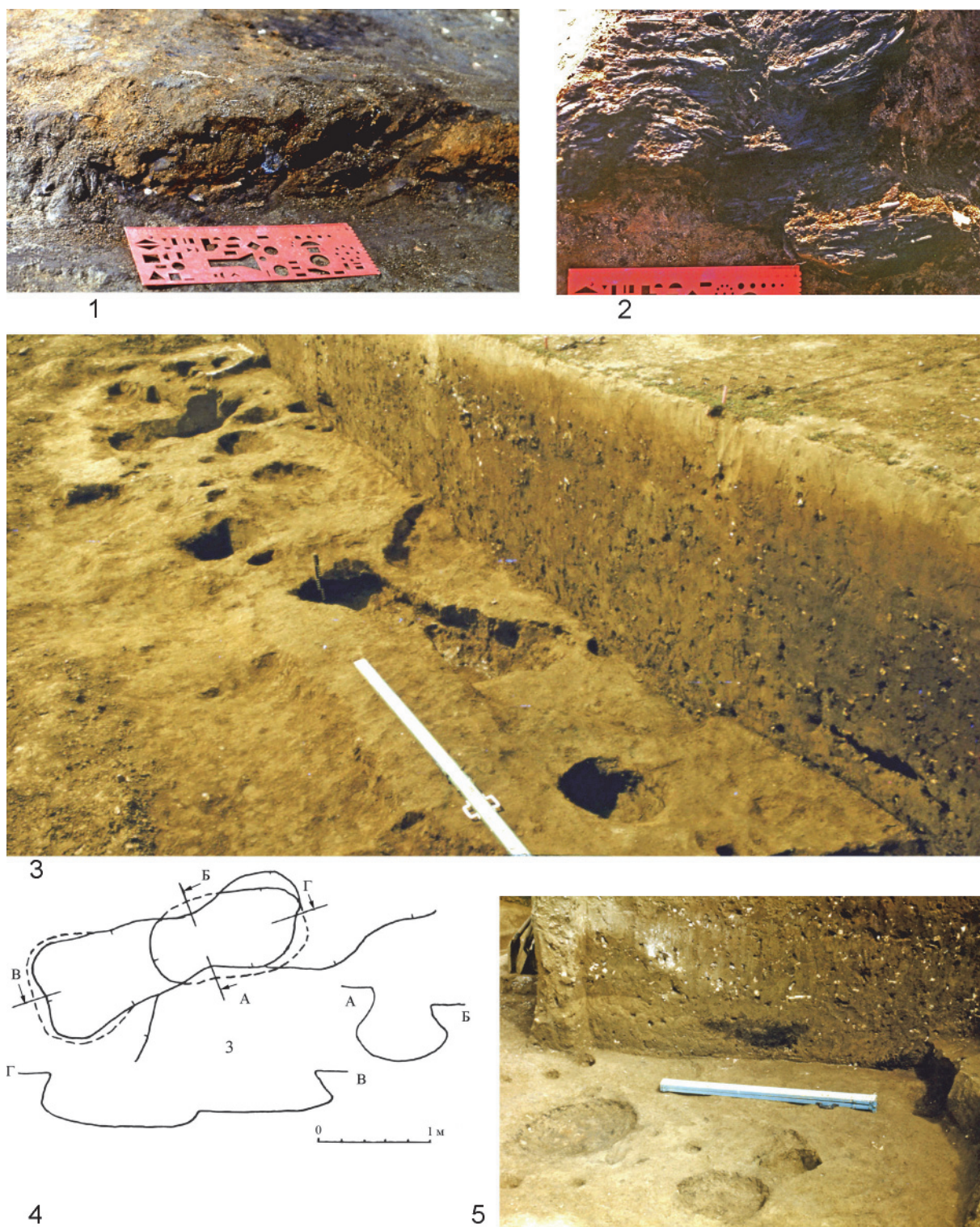

2

Рис. 4. Жилище 3. 1 – вид с юго-юго-востока; 2 – вид с юго-запада

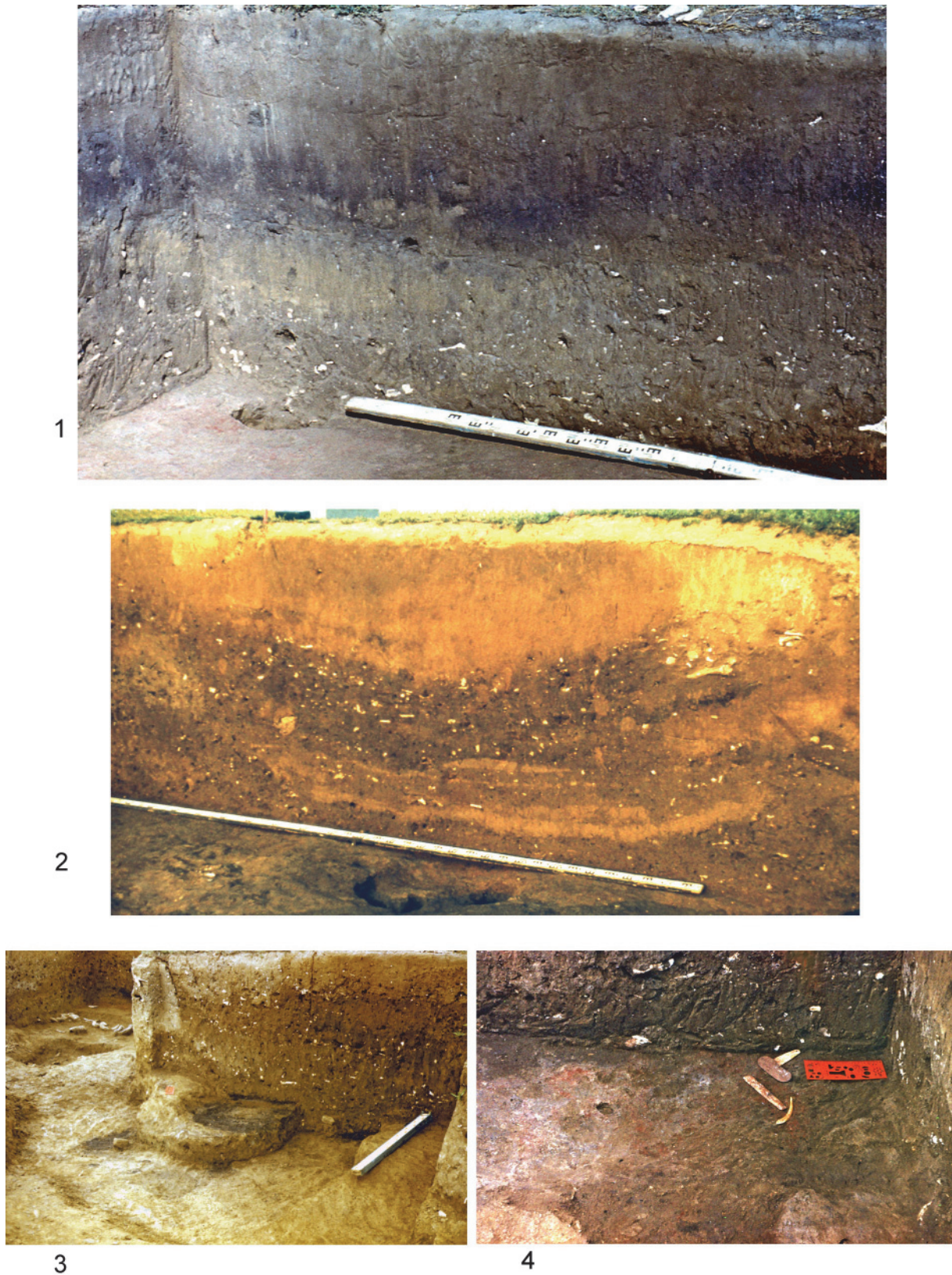

Рис. 5. Конструктивные элементы жилищ.
1, 2 – ямы под стенкой центрального котлована жилища 3;
3 – сгоревший угол жилища 4 до расчистки, вид с северо-запада

Рис. 6. Конструктивные элементы жилищ.

- 1 – разрез сгоревшей стены; 2 – сгоревший тростник в толще стены;
- 3 – участок дна котлована жилища нижнего слоя;
- 4 – план и разрез ямы с участка дна котлована нижнего слоя;
- 5 – очаги в квадрате 6 (нижний слой)

Рис. 7. Жилища стоянки.

1 – стратиграфия заполнения котлована жилища 2; 2 – заполнение котлована жилища слоя 2А; 3 – очаг в культурном слое; 4 – дно котлована, окрашенное охрой, и орудия для обработки керамики

DWELLINGS OF THE VARFOLOMEEVKA NEOLITHIC SITE

© 2021 A.I. Yudin

Research Center for the Preservation of Cultural Heritage, Saratov

The article is devoted to the study of the nature of housing construction on the Varfolomeevka site of the Orlovka Neolithic culture of the steppe Volga region. The most complete data were obtained during the excavations of the Varfolomeevka site (late VII-VI thousand BC) on the Maly Uzen river. Later residential buildings overlapped and damaged the earlier ones, but a comparison of the planimography and stratigraphy made it possible to distribute them along chronological horizons and reconstruct the main characteristics of Neolithic buildings. Dwellings are represented by large semi-dugouts with several hearths, utility pits along the walls of the ditches, the location of floors at different levels, and dense building on the site. The dwellings had been functioning for a long time. This is confirmed by long-term foci with ash deposits of more than one meter on both monuments and traces of repair of support pillars at the Varfolomeevka site. It is established that there was a single stable tradition of housing construction at all stages of the Orlovka culture.

Keywords: Neolithic, Orlovka culture, dwelling, semi-dugout, hearth

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-4-115-131

УДК 903.01

МОРФОЛОГИЯ НАЗЕМНЫХ ЖИЛИЩ ЗАПАДНОЙ ЧУКОТКИ: ОТ МЕЗОЛИТА К СОВРЕМЕННОСТИ

© 2021 Г.К. Данилов

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
Российской академии наук, Санкт-Петербург

Статья поступила в редакцию 17.11.2021

Исследование систематизирует имеющиеся данные о жилищных каменных выкладках западной Чукотки. Используются опубликованные материалы, результаты полевых наблюдений автора, полученные в ходе комплексных палеогеографических полевых работ, выполнявшихся экспедициями СВКНИИ ДВО РАН за последнее десятилетие. Легкое мобильное жилище, конструкция которого предусматривает необходимость фиксации покрытия из шкур с помощью камней, является неотъемлемым элементом ландшафта на рассматриваемой территории с глубокой древности и вплоть до настоящего времени. Остающиеся после разборки жилищ каменные выкладки являются важными структурными элементами разновременных археологических памятников региона. Сравнительный анализ древних жилищных выкладок из камней позволяет прийти к заключению, что конструкция каркасных жилищ на рассматриваемой территории со временем менялась. Наиболее ранние каменные выкладки, оставшиеся от жилищных конструкций, относятся к эпохе мезолита. Архитектура мезолитических жилищ, по всей видимости, отличалась от круглого типа конструкций более позднего периода. Анализ морфологии изученных конструкций и этнографические свидетельства позволяют предположить долгое бытование жилищ типа чума и полусферы на территории западной Чукотки с последующим появлением жилища типа яранги, облик которой, предположительно, сформировался не менее 200 лет назад

Ключевые слова: Чукотка, жилище, выкладка, этно-археологический ландшафт, структуры.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-4-132-141

Введение

Западная Чукотка – часть древней берингийской суши, через которую проходит ряд магистральных водных артерий и горных долин, обеспечивающих широкий коридор миграционных путей дикого северного оленя. Это издревле привлекало сюда охотников и собирателей прошлого. Позднее территория активно осваивалась кочевыми оленеводами, хотя охота долгое время оставалась существенной составляющей их системы жизнеобеспечения.

На протяжении как минимум последних восьми тысяч лет неотъемлемым элементом ландшафта здесь было и остается легкое мобильное жилище, конструкция

которого предусматривает необходимость фиксации покрытия из шкур в приземной части с помощью камней. Остающиеся после разборки жилища каменные выкладки являются важными структурными элементами разновременных археологических памятников региона (рис. 1).

Эта территория является значительным по площади регионом на крайнем северо-востоке Азии. Ее северная граница проходит по побережью Восточно-Сибирского моря от мыса Баранова на западе до мыса Биллингса на востоке. Территория включает в себя центральные районы Чукотки с ее южной периферией - верховьями и средним течением реки Анадырь. Ее западная окраина – бассейны притоков реки Колымы: Малого и Большого Анюя, Омолона. Эти

Данилов Глеб Константинович, младший научный сотрудник. E-mail: gleb.danilov.spb@gmail.com

Рис. 1. Карта расположения исследуемой территории и основных археологических памятников, упомянутых в тексте статьи

обширные пространства объединяют разнообразные типы ландшафтов и несколько природных зон - от арктических тундр побережий до северных районов зоны леса.

Первые археологические исследования на западной Чукотке были проведены в 1787 году участником Северо-Восточной географо-астрономической экспедиции Г.А. Сарычевым.

Им были обследованы жилища на Большом Барановом мысу, принадлежащие культуре морских охотников-зверобоев¹. Позже, в 1946 году, эти памятники исследовались А.П. Окладниковым. Существенным дополнением в наших представлениях о мобильных и стационарных жилых конструкциях Северо-Востока Азии служат работы российских и советских этнографов, а также землеописания исследователей XVII-XIX веков^{2,3,4,5,6}.

В начале XX века Г.У. Свердруп описывает несколько объектов – предположительно, остатков жилищ - на западном берегу острова Айон, относя их к культуре эскимосов⁷. Позже они были обследованы, и одно из них раскопано Н.Н. Диковым. Проводимые Диковым Н.Н. в 1950-1970 годах археологические разведки и раскопки на Чукотке лишь незначительно затронули западную ее часть. Огромный вклад в изучение древностей западной Чукотки внесла М.А. Кирьяк, которая долгое время возглавляла Западно-Чукотский археологический отряд Северо-Восточной Азиатской комплексной археологической экспедиции СВКНИИ ДВО РАН. Результатом работ отряда стали десятки открытых и изученных памятников. Был получен ряд радиоуглеродных датировок, в том числе для древнейшего на данный мо-

мент памятника региона - комплекса стоянок на реке Тытыльваам с возрастом 9820 ± 40 BP (CAMS 80789)⁸. В ходе планомерных исследований изучены стоянки эпохи мезолита, а также раннего и позднего неолита. В контекстах древних стоянок зафиксированы комплексы археологического материала, которые можно охарактеризовать как места установки легко разборных мобильных жилищ со следами проживания. К наиболее легкоинтерпретируемым сохранившимся элементам конструкций относятся кольцевые выкладки периметра жилища и очаги. Оба типа выкладок имеют широчайшее распространение по всей Арктике^{9,10,11,12}. На протяжении последних десяти лет в ходе проведения комплексных палеогеографических и геологических работ был задокументирован ряд одиночных и групповых скоплений жилищных кладок, имеющих разные морфометрические показатели.

В статье предпринята попытка систематизации данных о жилищных каменных выкладках западной Чукотки. А также обоснования существования в прошлом типа жилища, отличного от современной чукотской яранги. В поставленные задачи входил анализ полученных ранее опубликованных результатов и наблюдений автора.

Материалы

Сравнительный анализ данных о конструктивных особенностях древних жилищ, изученных на археологических памятниках западной Чукотки, дает немногочисленный, но весьма показательный фактический материал.

Наиболее ранние конструкции, оставшиеся от установки временных жилищ, зафиксированы на стоянке Тытыль I на одноименном озере. Комплекс расположен внутри полуострова, сильно вдающегося в наиболее узкую часть озера, через которую проходит оленья плавь. Памятник представляет археологически гомогенный комплекс, отнесенный на основании типологии к эпохе мезолита¹³.

Четыре структуры, представляющие остатки жилищных конструкций, распо-

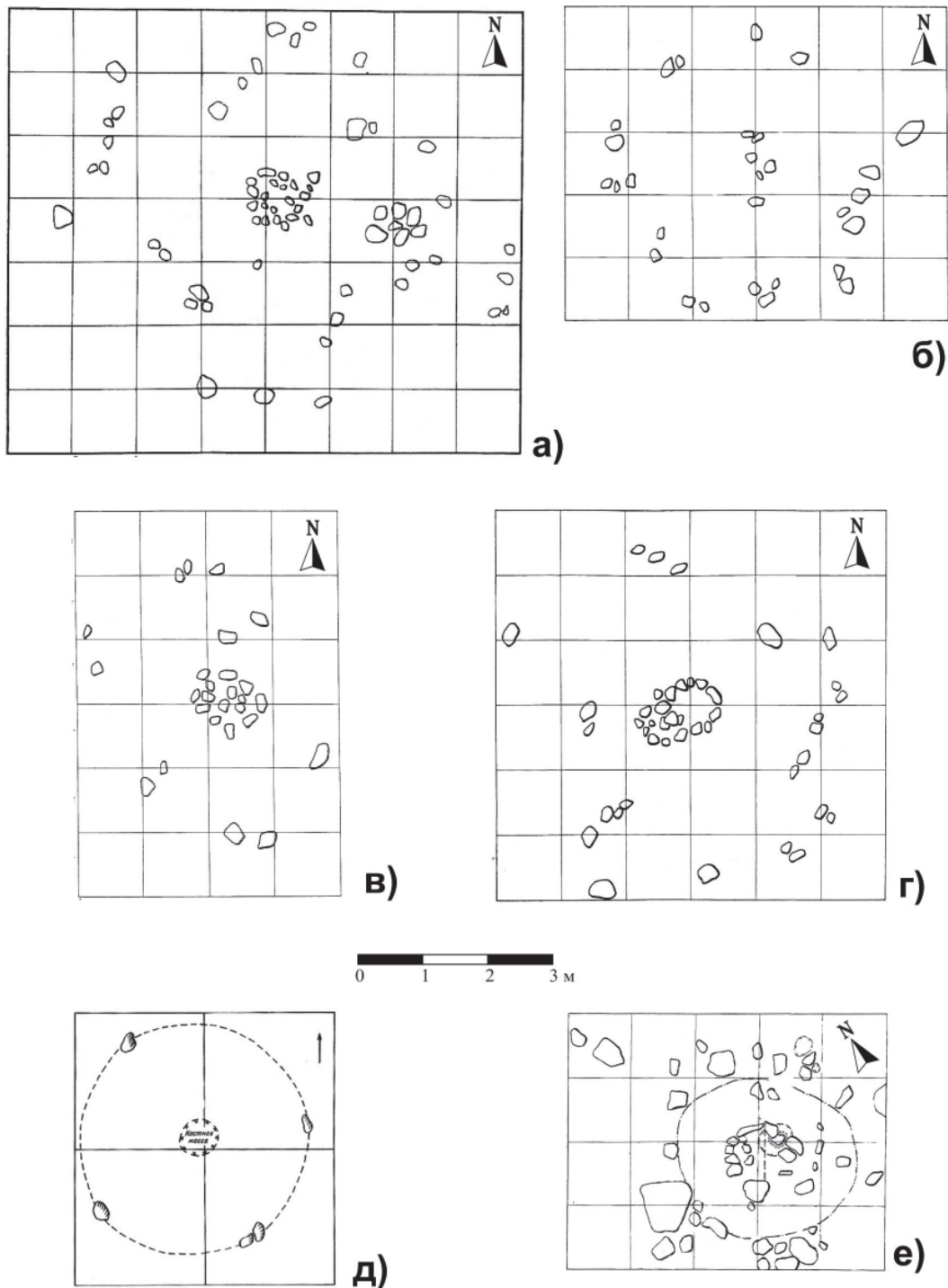
ложены в ряд по оси запад - восток вдоль берега озера. Расстояние между кольцевыми кладками составляет от 12 до 45 метров. Внутри периметра всех кладок находятся очаги. Еще четыре структуры, представляющие остатки очагов, расположены в межжилищном и прилегающем пространстве и составляют единую линию с жилыми конструкциями. Расстояние между крайними очагами «стойбища» около 165 метров. Как отмечено автором раскопок, в геометрии выкладок жилых конструкций «просматривается сочетание прямых и овальных отрезков»¹⁴. Судя по чертежам форма структур не является округлой или овальной, а скорее может быть описана как неправильные многоугольники, каждый со своими особенностями, но при этом вписанные в круг с определенным диаметром (рис. 2).

Контур жилища №1 выполнен из валунов разной размерности: крупные занимают отдельные позиции в структуре объекта, а более мелкие объединены в группы по 2-3 камня. Конструкция имеет крестообразную форму с лучами, ориентированными север - юг, запад - восток и вписывается в круг диаметром шесть метров. Лучи конструкции имеют «карманообразную» форму шириной около двух метров и глубиной до полутора метров. Центральную позицию в структуре выкладки занимает очаг, сложенный из мелких камней с дополнительной кладкой внутри. Восточный «карман» дополнен еще одной закрытой очажной кладкой из валунов, совпадающих по размерности с крупными камнями контура жилища.

Жилище №2 имеет форму пятиугольника, который может быть вписан в окружность диаметром пять метров. Стороны многоугольника имеют приблизительную длину 2,4-2,6 м. Конструкция разрушенного очага занимает центральное положение внутри периметра жилища. Контур выкладки также выполнен из валунов разной размерности, объединенных в группы по 2-3 штуки.

Периметр жилища №3 имеет овальную форму, вытянутую с севера на юг. Длина его

Рис. 2. Схемы жилищных каменных выкладок, исследованных М.А. Кирьяк на археологических памятниках Западной Чукотки:

- а) стоянка Тытыль 1, жилище 1; б) стоянка Тытыль 1, жилище 2;
- в) – стоянка Тытыль 1, жилище 3; г) – стоянка Тытыль 1, жилище 4;
- д) Большой Нутенеут II; е) – Раучувагытгын I

составляет 4,2 метра, ширина 2-2,5 м. Размерность строительного материала довольно однородна и близка по размерности к валунам внутренней очажной кладки. Контур жилища выложен отдельными и сгруппированными в пары камнями.

Четвертое жилище комплекса Тытыль I имеет схожие черты с первой постройкой. Выкладка вписана в окружность диаметром 5,5 метра, имеет серповидный (ломаный) силуэт. Наибольшее расстояние между камнями по оси север – юг, центральные камни

западной стороны придвинуты к очагу, восточные, наоборот – отдалены. Более мелкие камни периметра образуют группы по два – три камня, часть из которых уложена вдоль одной оси, образуя ряды. Очаг занимает центральное место и имеет типичную для данного памятника конструкцию с дополнительно пристыкованной кладкой. Кладки очагов, находящихся вне жилого пространства, имеют сходное устройство.

Ранненеолитический однослойный памятник Большой Нутенеут II, расположенный в верховьях реки Яблон (бассейн реки Анадырь), находится на поверхности конечной морены высотой 5–6 метров¹⁵. Комплекс включает в себя каменный инвентарь ранненеолитического облика и остатки конструкции жилища¹⁶. Контур каменной выкладки обозначен пятью валунами размером 20–30 см, образующими окружность диаметром 3,5 метра (рис. 2 д). Культурный слой, содержащий артефакты, залегал внутри площади жилища, в центре располагалось кострище и пятно костной массы¹⁷. По углю (предположительно, из отдельного очага вне жилища) для стоянки была получена датировка 2910 + 100 BP (МАГ – 1095), которая не была опубликована автором раскопок¹⁸.

Наиболее поздним из раскопанных памятников с жилищными выкладками на западной Чукотке является стоянка Раучувагыттын I, расположенная на берегу одноименного озера.

Памятник находится на мысовидной поверхности, возвышающейся на 5–6 метров над урезом воды, при впадении истоков реки Раучуа в озеро с юга. Всего при раскопках выделено четыре жилищных пятна, но только одно из них имеет наружную кольцевую выкладку – жилище в пункте 2¹⁹. Выкладка состоит из восьми примерно равноудаленных друг от друга валунов размером 25–50 см. Диаметр реконструируемого основания жилища составляет около трех метров. Очаг расположен в центре, его кладка нарушена (рис. 2 е). Памятник отнесен к финальному этапу ымаяхтахской культуры и

имеет радиоуглеродный возраст 2500 + 100 BP (МАГ- 902)²⁰.

В ходе многолетних междисциплинарных исследований, проводимых Чукотским полевым отрядом лаборатории геологии кайнозоя и палеомагнетизма СВКНИИ ДВО РАН (г. Магадан), был выявлен ряд объектов, представляющих собой обособленные или входящие в комплексы кольцевые выкладки жилищ. География пунктов широка и занимает территории между вышеописанными археологическими памятниками западной Чукотки. Объекты располагаются в широком спектре ландшафтов, преимущественно на сухих слабозадернованных плакорах. Размерность материала, использованного для сложения конструкций, соответствует размерности наиболее доступного в ближайшей округе сырья. Разнообразие форм конструкций в этно-археологическом ландшафте центральной и северо-западной Чукотки невелико. Каменные выкладки, остающиеся после установки яранг современного типа, имеют округлые, но не имеющие правильной формы очертания с размерами, варьирующими от 5 до 8,5, реже до 10 метров в диаметре, иногда с выраженным в виде отдельной структуры очагом (рис. 3, 4). Такие формы фиксировались только в комплексах объектов и постоянно наблюдались автором визуально на местах временных стоянок оленеводов, которые по имеющемуся мусору можно отнести к стоябищам 1930 – 2000 годов XX – XXI века.

К другому типу жилищ или их разновидности можно отнести конструкции, имеющие форму практически правильного круга диаметром от 3,5 до 5,5 метра. В части зафиксированных структур присутствуют закрытые очаги округлой формы, в которых внутренняя площадь прикрыта камнями поверх угольной массы. Объекты второго типа встречаются как единично, так и группами.

Одним из наиболее представительных объектов является комплекс Чаанай, включающий в себя 37 различных сложений из камня и рога северного оленя. Он располо-

Рис. 3. Современная яранга на Западной Чукотке. Фото автора

Рис. 4. Каменная выкладка, остающаяся после разбора современной яранги. Западная Чукотка. Фото Д.В. Петрова

жен на абразионном уступе, прилегающих к нему склонах и на вершине юго-западного отрога Чаанайского массива, выходящего на правый берег реки Чаун.

В комплексе зафиксировано пять структур от разборных жилищ. Четыре из них представлены выкладками периметра яранг современного облика диаметром от 5 до 10 метров. Пятая структура (GD 030) диа-

метром 4 метра относится ко второму типу жилищ.

Один из пяти контуров выложен на поверхности современного субстрата, остальные довольно сильно задернованы.

Конструкция GD 030 сложена из скальных отдельностей, доступных на ближайших каменных развалах поверхности холма. Используются камни от 10 до 50 см в

поперечнике. Более мелкие обломки расположены скоплениями, образующими группы по 2 – 4 камня на дуге окружности. Очажная кладка отсутствует.

Структурами второго типа являются выявленные группы в верховьях реки Мильгывеем и среднем течении реки Раучуа. Группа Мильгывеем 1 состоит из 5 выкладок диаметром 4,9-5 метров и расположена на щебнисто-галечной наклонной поверхности конуса выноса правого притока реки Мильгывеем. Одна из структур имеет закрытый очаг диаметром 0,5 метра, у двух других наличествует подчеркнутый пристыкованными снаружи валунчиками вход. В очаге древесный уголь хорошей сохранности. Для строительства использованы валуны размером 15-40 см, которые довольно плотно уложены по диаметру окружностей, расстояние между ними не превышает 20 – 50 см. Камни конструкций очень слабо погружены в подстилающий субстрат, покрыты лишайниками (рис. 5).

Отдельные разрозненные кольцевые структуры в количестве 2 штук отмечены в верховьях реки Мильгывеем, их диаметр составляет 3,9-4,0 метра.

На реке Раучуа группа объединяет три структуры (Раучуа 18-87; 18-88; 18-89) пра-

вильной окружности 4-4,5 метра в диаметре (рис. 6). Конструкции расположены на правом борту долины реки Раучуа, занимают поверхность выположенной седловины отрога массива Ольховатый камень на высоте около 60 метров над урезом воды. В двух из них присутствуют закрытые очаги диаметром до 0,5 метра. Под камнями уголь хорошей сохранности и остатки несгоревшей древесины. Контур всех трех конструкций выполнен из плитчатых скальных отделенностей размером 20-50 см, уложенных на расстоянии 30-70 см друг от друга. Часть каменных плит подверглась морозобойному расслоению и растрескиванию. Расстояние между жилищами составляет 20 и 60 метров.

Конструкция на обрыве Поворотный (левый берег реки Юрумкувеем, бассейн реки Анадырь) расположена на субгоризонтальной поверхности древней конечной морены в 70 метрах над урезом реки. Выкладка диаметром 4 метра сложена из валунов размером 20-30 см, собранных здесь же на дневной поверхности. Строительный материал в огромных количествах сосредоточен в теле морены. Валунчики лежат на равноудаленном расстоянии 70-100 см друг от друга. На дневной по-

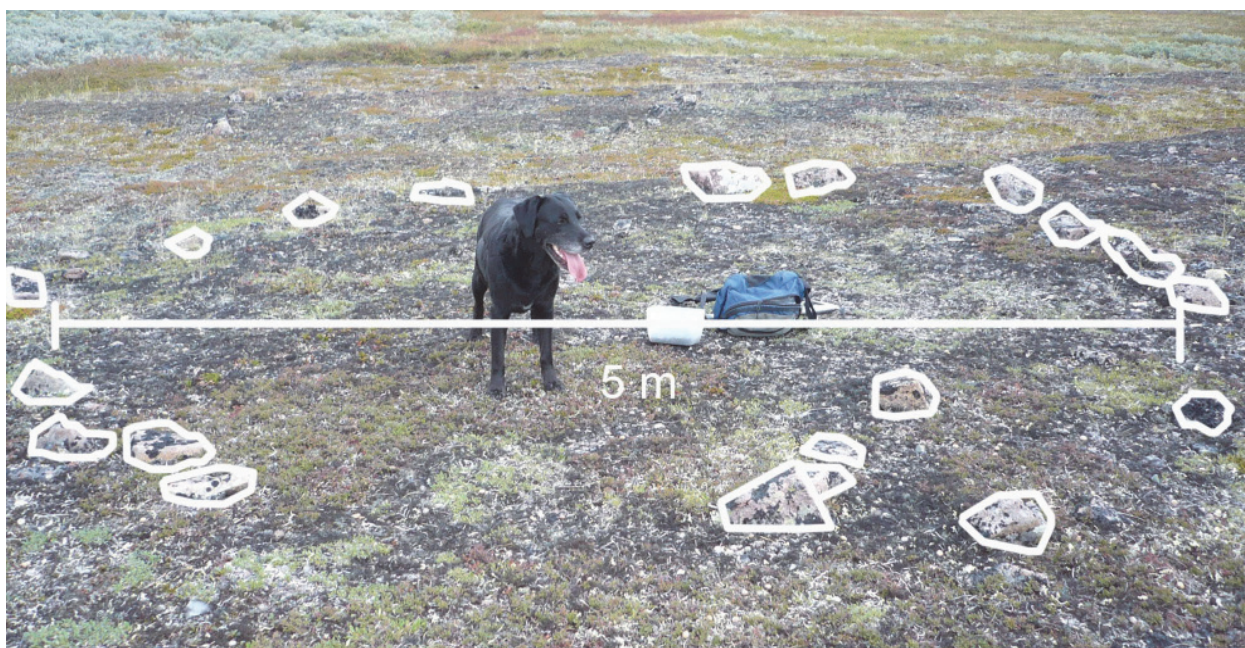
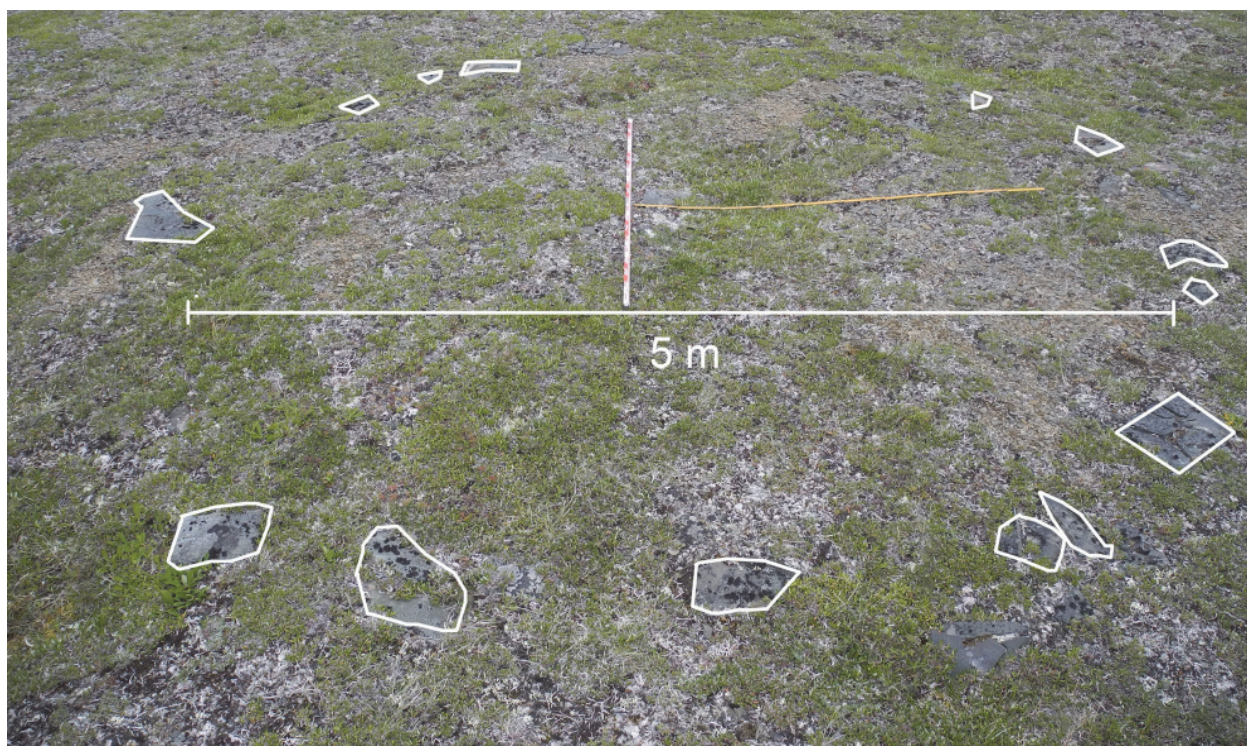

Рис. 5. Каменная выкладка древнего каркасного жилища на археологическом памятнике Мильгывеем 1. Фото С.Л. Варганяна

Рис. 6. Выкладка Раучуа 18-87, река Раучуа. Фото автора

верхности читается только восемь валунов, остальные, возможно, скрыты субстратом и растительностью. Выкладка имеет довольно архаичный облик, так как элементы конструкции погружены в супесчано-галечную поверхность морены примерно на треть высоты.

Надо отметить, что одиночные кольцевые выкладки диаметром 3,5-5,0 метров встречаются на всей описываемой территории - сильно задернованные и слабо читающиеся соседствуют с выкладками довольно современного облика, возможно, возрастом 50-100 лет. Датирование выявленных объектов не проводилось.

В этнографических источниках описаны жилые конструкции чукотских яранг диаметром 5 – 10 метров, что говорит о том, что за последние 200 лет чукотская яранга не претерпела сильных изменений^{21,22}. По сообщению жительницы села Рыткучи Чаунского района Чукотского автономного округа Военковой Э.В., еще во второй половине XX века (редко используется и сейчас) была распространена зимняя яранга на один поллог, основание которой имеет в поперечнике около пяти метров.

Результаты и обсуждение

Начиная с мезолита и до XX века на территории северо-востока и западной Чукотки разными этническими группами использовались (и по сию пору используются) легкие каркасные жилища, требующие придавливания покрышки из шкур камнями. Нижняя хронологическая граница появления памятников со следами бытования жилищ для данного региона сформирована единственным исследованным комплексом объектов, не имеющим радиоуглеродной датировки. Архитектура жилищ эпохи мезолита, по всей видимости, имеет отличия от привычного круглого типа конструкций в более поздний период. Для памятника Тытыль I ломаная геометрия контура жилища № 1 и 4, вместе с планиграфией находок, разноразмерностью использованного материала и наличием двух очагов у первой конструкции, позволяет предположить возможность наложения двух разновременных структур или использование сложного, предположительно, основанного на треногах и поперечинах каркаса. Жилище № 2 имеет более стройную архитектуру. Ее, без сомнения, можно отнести к чумоподоб-

ным конструкциям с близкой к кругу приземной частью. Не прибегая к попыткам реконструировать внешний облик построек и не рассматривая варианты трансформации выкладок внешними агентами, можно констатировать факт ограничения площади сооружения неким диаметром, в который умещается контур каменной кладки. Позднейшая смена традиций, начиная с раннего неолита, привносит более привычный округлый тип жилища (памятники Большой Нутенеут II и Раучувагытгын I). Вероятно, постройки этого типа были конструктивно схожи с современными чумоподобными или полусферическими жилищами кочевых народов Севера²³. Зафиксированные автором как одиночные, так и расположенные группами округлые выкладки диаметром 3,5-5,5 метра не имеют прямых датировок. Но исходя из их внешнего облика, степени погруженности структур в субстрат, сохранности угля и древесины в очагах данные кладки, несомненно, являются разновременными и, предположительно, охватывают широкий временной диапазон.

Анализируя их морфологию и проводя аналогии с этнографией, можно предположить долгое бытование описанных выше конструкций (чум и полусфера) на территории западной Чукотки с последующим появлением в позднейшее время жилища типа яранги. На территории Сибири распространение конструкций со сходными особенностями прослеживается с верхнего палеолита вплоть до современности²⁴.

Накопленный на настоящий момент статистический и хронологический материал не позволяет четко выявить смену использования конструкций, но дальнейшая работа в этом направлении, безусловно, должна дать определенный результат.

Полученные результаты говорят о том, что на протяжении длительного временного периода в несколько тысяч лет и вплоть до современности на северо-востоке Азии разными этносами используется схожее по своей площади и, предположительно, различающееся конструктивно легкое,

каркасное мобильное жилище. Такой тип конструкции оптимально подходит для ведения хозяйства кочующих групп населения, позволяя оборудовать как сезонные лагеря, так и кратковременные стоянки.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Окладников А.П., Береговая Н.А.* Древние поселения Баранова мыса. – Новосибирск, 1971. – 213 с.
- ² *Богораз В.Г.* Материальная культура чукчей. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991. – 224 с.: ил. – (Этнографическая библиотека).
- ³ *Вдовин И.С.* Религиозные культы чукчей // Памятники культуры народов Сибири и Севера (2-я половина XIX – начало XX в.): сборник статей. – Л.: Наука, 1977. – Т. 33. – С. 117-171.
- ⁴ *Кузнецова В.Г.* Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских оленных чукчей // Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. – 1957. – Т. XXXV. – С. 263-326.
- ⁵ *Аргентов А.* Путевые записки священника-миссионера в Приполярной местности. Н.-Новгород, 1876. – 60 с.
- ⁶ *Дьячков А.Е.* Анадырский край. Магадан: Кн. изд-во, 1992. – 267 с.
- ⁷ *Свердруп Г.У.* Плавание на судне «Мод» в водах морей Лаптевых и Восточно-Сибирского / Г.У. Свердруп. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1930. – 300 с.
- ⁸ *Кирьяк М.А., Глушкова О.Ю., Браун Т.А.* Верхнепалеолитические комплексы долины реки Тытьльваам (Заполярная Чукотка) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3 (15). – С. 2-15.
- ⁹ *Lee M. and Reinhardt G.* (2003). Eskimo Architecture: Dwelling and Structure in the Early Historic Period, University of Alaska Press, Fairbanks. P. 216
- ¹⁰ *Schledermann P* (1990) Crossroads to Greenland: 3000 Years of Prehistory in the Eastern High Arctic (Arctic Institute of North America of the University of Calgary, Calgary, AB). P. 364.
- ¹¹ *Tremayne A.* 2007. Tent Ring Archaeology in Gates of the Arctic National Park and Preserve. <https://www.nps.gov/articles/-/articles-aps-v8-i1-c3.htm>.
- ¹² *Wilson, Slobodina.* 2007. Two Northern Archaic Tent Ring Settlements at Agiak Lake, Central Brooks Range, Alaska. *Alaska Journal of Anthropology* 5(1). С. 43-60

- ¹³ Кирьяк М.А. Археология Западной Чукотки. М.: Наука, 1993. С 23.
- ¹⁴ Кирьяк М.А. Археология Западной Чукотки. – М.: Наука, 1993. – С 26-27.
- ¹⁵ Ложкин А.В., Трумпле М.А. Систематизация радиоуглеродных датировок археологических памятников Магаданской области // Древние памятники Севера Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1990. – С. 178.
- ¹⁶ Кирьяк М.А. Археология Западной Чукотки. М.: Наука, 1993. – С 31.
- ¹⁷ Кирьяк М.А. Археология Западной Чукотки. –М.: Наука, 1993. –С 31-33
- ¹⁸ Ложкин А.В., Трумпле М.А. Систематизация радиоуглеродных датировок археологических памятников Магаданской области // Древние памятники Севера Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1990. –С. 178.
- ¹⁹ Кирьяк М.А. Археология Западной Чукотки. –М.: Наука, 1993. –С 61.
- ²⁰ Кирьяк М.А. Археология Западной Чукотки. –М.: Наука, 1993. –С 68.
- ²¹ Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991. - 224 с.: ил. – (Этнографическая библиотека).
- ²² Перевалова Е.В., Куканов Д.В. Мобильное жилище чукчей-оленоводов: традиции и новации // Уральский исторический вестник. –2018. –№ 3 (60). –С. 40–49.
- ²³ Tremayne A. 2007. Tent Ring Archaeology in Gates of the Arctic National Park and Preserve. <https://www.nps.gov/articles/-articles-aps-v8-i1-c3.htm>.
- ²⁴ Kuznetsov Oleg V, Ethnoarchaeological approach to Late Palaeolithic settlements and habitation structures (Transbaikal, Siberia), Les Civilisations Du Renne D’hier et D’aujourd’hui Approches Ethnohistoriques, Archéologiques et Anthropologiques XXVII rencontres internationales d’archéologie et d’histoire d’Antibes Sous la direction de S. Beyries et V. Vaté Éditions APDCA, Antibes, 2007. С. 111-125.

MORPHOLOGY OF TERRESTRIAL DWELLINGS IN WESTERN CHUKOTKA: FROM THE MESOLITHIC TO THE PRESENT

© 2021 G.K. Danilov

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

The author made an attempt to systematize the actual information about stone structures of dwelling constructions in the Western Chukotka. The article is based on a review of the published data, as well as on the results obtained by author’s field observations in expeditions of the N.A. Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute of the Far East branch of the Russian Academy of Science during the last ten years. A light-weight mobile dwelling which construction requires stones to set a cover of skins has been an integral part of the landscape of this area from ancient to the present day. Stone constructions left after the dismounting of a dwelling are important structural elements of archaeological sites of different ages. A comparative study of the ancient dwelling stone constructions allows to conclude that the construction of frame dwellings in the region was changing over time. The earliest stone structures that have remained from dwellings are known from the Mesolithic sites. The architecture of the Mesolithic dwellings seems to differ from the circular constructions of later times. An analysis of the morphology of the studied structures and ethnographic data allow to suppose that dwellings like a chum or hemisphere type were used in Western Chukotka for a long time. Yaranga-type dwellings appeared later, and its shape was developed presumably at least 200 years ago.

Keywords: Chukotka, dwelling, layout, ethno-archaeological landscape, structures.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-4-132-141

УДК 39

СОЛЬ В ТРАДИЦИЯХ И ОБРЯДАХ БАШКИР

© 2021 Э.В. Мигранова, Ю.А. Абсалямова

Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра РАН

Статья поступила в редакцию 01.10.2021

В статье на основе полевого материала, собранного авторами, а также фольклорных и этнографических источников раскрывается значение важнейшего минерала – соли – в традиционной культуре башкир. Башкиры издавна использовали соль из илецкого месторождения, которое находилось на вотчинных землях; вплоть до середины XVIII в. башкиры пользовались ею бесплатно, за что платили ясак в казну. Рассмотрены бытовые, фармакологические, религиозные аспекты использования соли у башкир. Особенности восприятия соли хорошо отразились в лексике; так, в башкирском языке имеется много устойчивых выражений со словом «тоз» (баш. 'соль'), как, например: «тозһоз» ('бесмысленный', дословно «несоленный»), «тоз күз» ('бесмысленный взгляд, глаза', дословно «соляные глаза»), «тоз һипкән кеүек» ('притягательный', дословно «словно посыпанный солью»), «хақы тозло» ('очень дорогое в цене', дословно «цена соленая»).

Ключевые слова: соль, башкиры, традиции, обряды, ритуал, народная медицина, приметы, поверья.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-4-142-148

Соль – важнейший минерал в жизни человека – занимает одно из центральных мест в системе питания практически всех народов мира. Она служит одновременно и пищей, и лекарством, помогает предотвратить порчу продуктов. Для башкир также издавна соль являлась необходимым компонентом многих блюд, особенно велика ее роль при подготовке продуктов питания к длительному хранению. Соль также применяется в уходе за скотом, в народной медицине, в процессе выделки кожи и др. Кроме того, она является известным оберегом, используется в семейно-бытовых и религиозно-магических обрядах.

Перед тем как перейти непосредственно к характеристике роли соли в культуре башкир, проведем небольшой экскурс в историю. Основным источником соли у башкир *Мигранова Эльза Венеровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии. E-mail: mig.el@mail.ru*
Абсалямова Юлия Аликовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела этнологии. E-mail: yulchi81@mail.ru

издавна являлось известное месторождение на реке Илек рядом с нынешним городом Соль-Илецк Оренбургской области. Месторождение находилось на вотчинных землях башкир Ногайской дороги, и до начала здесь государственной разработки соли (в середине XVIII в.) башкиры добывали соль сами, приезжая за ней из разных волостей¹. Наряду с башкирами илецкой солью пользовались казахи и мишари. На башкир не распространялась государственная монополия на соль, введенная в 1705 г. Они могли пользоваться ею для собственных нужд, но продавать могли только казне². Так как территория на юго-западных границах башкирских земель имела особый статус и находилась в пользовании всеми родами башкир, они имели равное право на добычу илецкой соли. Даже башкиры Минской волости, весьма отдаленной от Илека, платили ясак куницами и медом за пользование илецкой солью³. И.К. Кириллов в середине XVIII в. писал, что «По ту соль башкирцы в зимнее время великими обозами ездят, а

более – по первому пути, и вывозят в Башкирию, а потом приходят и в Россию. Та соль илецкая в солении признавают якобы лучше вареной соли, самасадки и бузуну. Она илецкая соль видом синя и прозрачна, а как истолчена мелко, то бывает почти подобна снегу»⁴. С 1754 г. илецкое месторождение стало разрабатываться государством, а с башкир был снят ясак, замененный обязательной покупкой казенной соли по 35 копеек за пуд. Для удовлетворения нужд местного населения в соли в Оренбурге были построены соляные магазины⁵. В народной памяти сохранились сведения о бывшей дороге «Тоз юлы» (Соляная дорога), которая проходила по хребтам Уральских гор с юга на север. Название ее было связано с перевозками соли из оренбургских степей. По преданию, во времена запрета на добычу илецкой соли по этой дороге, обходя возможные препятствия, башкиры развозили соль по разным волостям⁶. Она совпадала также со старинной дорогой «Куңыр буға юлы» (Дорога белого бычка), удобство которой было в том, что она не пересекала ни одну крупную реку.

Соль – в первую очередь, конечно же, пищевой продукт. Важность ее в питании нашла отражение в поговорке «Икмәк таме тоз менән» (Вкус хлеба в соли). В прошлом особо ценились антисептические свойства соли, позволяющие консервировать портящиеся продукты посредством соления. Единственной формой заготовки домашней птицы на зиму до недавнего времени было обильное натирание ее солью. Весной же, как правило, в марте, оставшееся мясо (как птицу, так и мясо рогатого скота) вялили (*каклау*): досаливали в течение 3–5 дней в бочках и вывешивали на чердак либо просто под навес, прикрыв тканью. Другим способом было хранение хорошо просоленного мяса, завернутого в шкуру забитой скотины. Сами шкуры для хранения также обильно натирались солью и складывались.

Кроме мяса соль использовалась и для заготовки впрок масла. Обычно для длительного хранения использовали топленое

весеннее масло, наиболее ценное по вкусовым качествам. Сбитое из сливок масло хранили в перетопленном виде, подсолив⁷. Такое масло заготавливали постепенно, по мере скапливания излишков добавляли слой за слоем и каждый раз посыпали солью для консервации, пока не заполнялась вся емкость. Ранее топленое масло хранили в деревянной посуде, позже – в эмалированных ведрах. Соленое масло могло храниться в погребе месяцами. Солили так же и нетопленое масло. Соль добавляли и в сушеный курут.

В скотоводческом хозяйстве башкир соль играла еще одну очень важную роль – ее применяли в качестве минеральной добавки к корму для скота. Значение соли в питании скотины отразилось в следующих пословицах и поговорках: «*Ат тоз тип картайыр, егет кыз тип картайыр*» (Джигит состарится, думая о девушке, конь – о соли), «*Ат тозға килә, кейәү кызға килә*» (Конь идет к соли, джигит – к девушке)⁸.

Соль находит широкое применение и в народной медицине башкир. Традиционно она считалась «холодным» продуктом, в отличие от сахара и перца – «горячих» продуктов. У башкир бытовало, хотя и не столь широко, как у среднеазиатских народов,⁹ представление, что для лечения «холодных» болезней лучше использовать «горячие» продукты, а для лечения «горячих» болезней (желтухи, болей в сердце, голове и др.) – «холодные»¹⁰. Солевые растворы считались хорошим средством для санации рта и промывания носоглотки при простуде. Зубы часто чистили солью или древесным углем с помощью мягкой деревянной палочки. Компрессы с солью прикладывали к ранам и гнояникам. С целью обеззараживания ее добавляли в воду для рожениц. Иногда повитуха при обмывании новорожденного для укрепления его тела добавляла в воду травяные отвары или соль¹¹. Фурункулы лечили смесью куриного яйца и подсоленного гусиного жира или прикладывали к чирью кислое круто соленое тесто. Часто соль применялась при лечении различных глазных

болезней. Считается, что соль «разрезает» пленку (катаракту), которая начинает покрывать больной глаз («*тоз кырка күззе*»). Для этого глаза обмывали водой с растворенной в ней солью.

Нагретая соль, зашитая в тряпицу, используется для прогревания больных частей тела. Считалось, что каменная соль обладает более выраженными целебными свойствами. Раньше ее носили в кармане и лизали при головных болях, головокружении или желудочно-кишечных заболеваниях. Есть у башкир и обычай начинать и заканчивать трапезу солью, который, вероятно, пришел с исламом. Во время мусульманского поста (*ураза*) с щепотки соли часто начинают трапезу после захода солнца. В одном из хадисов говорится, что от начинающего еду с солью отстранятся 70 болезней, а также беды, о которых он не знает, и они ведомы лишь Аллаху. Считается также, что Пророк Мухаммед говорил, что она вылечивает от 70 видов болезней, в том числе проказы, чесотки и слабоумия. Также есть представление, что соль была впервые найдена Ибрагимом (*Ибраһим пайғамбар*; соответствует библейскому Аврааму) в море¹². И при чтении молитв делают посвящение ему («*Уға салауат укып доға кылалар*»)¹³.

Башкиры издавна приписывали соли сакральные, очистительные свойства: ее использовали в качестве амулета от враждебных сил, ставили у тела покойного, чтобы отпугнуть нечистую силу; новорожденного купали в подсоленной воде и/или посыпали его волосы мелкой солью во избежание сглаза; водным раствором заговоренной соли (*өшкөрөлгән тоз*) обрызгивали больных; под кровать молодоженов иногда клали каменную соль, которую облизывали животные, так как считается, что она обладает чадородной силой, и т.д.¹⁴ У многих народов известна примета, по которой разбитое зеркало несет беду; у башкир, чтобы нейтрализовать ее, надо было осколки и место, где оно было разбито, помыть соленой водой¹⁵. Считается, что нет вещества по достоинству выше соли («*тоззан зур зат юк*»). Ее часто

связывают с ангелами, есть представление, что она – пища ангелов («*тоз – пайғамбарҙәр ашы*»). По другому поверью, соль – это слезы из глаз Пророка (*Пайғамбарҙең күз йәше*). Соль наряду с хлебом служила желательным видом подношения в различных ритуалах. Так, при сборе корней девясилы на выкопанном месте в качестве подношения оставляли соль и хлеб¹⁶. Раньше ворожеи при гадании бросали в огонь соль, жгли кости и поливали его маслом. В месяце Сафар по мусульманскому календарю, который по народным представлениям считается опасным, делают подаяние огню: бросают в него соль, спички, монеты¹⁷.

Соль входила в число магических предметов, используемых при лечении соответствующих болезней. Так, при лечении болезней, «полученных от земли» (*ерҙән тейгән ауырыуҙар*), в случае падения или при каких-то других обстоятельствах брали несколько (обычно семь) предметов в различных сочетаниях: соль, крупу, звериные когти, ногти или волосы больного, уголек или золу, гвоздь, медную монету, мелкое насекомое (таракана), старую одежду больного, специально изготовленную куклу (*осок*) и куриное яйцо, которые заговаривали и выбрасывали на перекресток трех дорог.

Если болезнь возникла от прикосновения нечистой силы, в среду берут яйцо, соль, чай, золу, уголь и со словом «*сарпыу*» ими обводят вокруг головы больного, затем выбрасывают¹⁸. При ветрянке (*Һыу сәсәге*) заговаривали крупу, соль и бросали в реку или озеро.

Һыу атаһы Сөләймән, Отец воды Сулейман,
Һыу инәһе Һыубикә. Мать воды Хыубикә.
Мине тотма, Не лови меня,
Шуны тот, Лови болезнь,
Тфү, тфү, тфү! Тьфу, тьфу, тьфу!¹⁹

Если человек начал бредить от сильного ушиба при падении, ему через горловину рубашки выливали соленую воду так, чтобы она стекала по телу на землю. В Караидельском районе при лечении болезни магического происхождения *захмәт* в землю вбивают гвоздь и через ворот рубахи посы-

пают солью²⁰. При болезнях, вызванных от соприкосновения с нечистой силой (*мәскәй кағылһа*), перед сном щепотку начитанной соли бросают в сторону запада и ложатся спать, надежно заперев дверь²¹.

Соль наряду с водой является наиболее часто используемым веществом для заговаривания мусульманскими молитвами (*өшкөрөү*) – аятами Корана. В самом исламе соль считается священной, выступает символом достатка. Согласно общей мусульманской традиции, соль, как и вода, являлась частью приданого Фатимы, жены пророка и ассоциировалась с богатством, достатком. При посещении народных целителей часто берут с собой пачку соли, над ней читаются молитвы, затем ее используют в пищу и при обливании с целью исцеления. Таким же образом используют заговоренную соль после проведения поминок. Во время чтения молитв (аятов Корана) по душам усопших (арухов; башк «*арух*») на стол ставятся блюда с солью. По окончании чтения все присутствующие должны попробовать ее, захватив щепотку тремя пальцами правой руки. Соль ставится либо перед читающим молитвы муллой, либо на всю длину стола в нескольких блюдах, так, чтобы до них мог дотянуться каждый гость. Такая соль считается пищей, предназначенной для арухов, поэтому ее должен попробовать каждый присутствующий в доме. Пробуя соль, желают, чтобы Аллах дал «благодать соли» («*тоз һауабын насип итһен*»). Такая соль обладает исцеляющими свойствами (*аят тозо – шифа*), а тот, кто пробует ее, получает большое благословение (*тоз ашаһаң – иң зур һауан*). Ее растворяют в воде и получившимся раствором промывают глаза. В некоторых местах ее посыпали на голову, на пробор, с целью защиты от сглаза. Часто оставшуюся соль используют в случае болезни скота: подсыпают в воду, протирают больную скотину соленой водой и т.д.

Обережная роль соли сходна у многих народов. Так, у казахов бытовал обычай купать новорожденного в подсоленной воде,

в которую мать опускала серебряные монеты и украшения²². Азербайджанцы зажатой в щепоти солью три раза обводили вокруг головы ребенка со словами: «чьи глаза сглазили, пусть горят»²³. Арабы Палестины новорожденного три дня натирают солью, а на четвертый и пятый день – оливковым маслом с куском закваски²⁴. Некоторые кавказские, европейские народы во избежание колдовских чар и возможной порчи молоко продавали, посыпав его солью²⁵. Испугавшемуся чего-либо иранцы с целью его исцеления кладут соль в рот²⁶.

Соль воспринималась как священное, чистое вещество, осквернение которого влекло различные неприятности. Считается, что нельзя оставлять в лесу рассыпанную соль – оказывается, соль плачет до тех пор, пока полностью не растает. Соль вообще нельзя рассыпать, так как она лежит под ногами и обижается/плачет. А это чревато неблагоприятными последствиями («*Тоззо урманда түгеп калдырырға ярамай, иреп бөткәнсе илай, ти*» / Говорят, нельзя оставлять в лесу рассыпанную соль, оказывается, соль плачет). Также считается, что рассыпанная соль лежит, в течение сорока дней насылая на рассыпавшего проклятие: «чтоб твои глаза повылезали». По другому поверью, человек будет грустить и плакать, пока вся соль не растает²⁷. Широко известна примета, по которой рассыпанная соль предвещала ссору в доме. Сахар воспринимался как антипод соли, поэтому нечаянно рассыпанную соль полагалось посыпать сахаром и только после этого подмести. В некоторых местах, чтобы нейтрализовать данное поверье, следовало обмакнуть палец в соль и помазать лоб, якобы это давало возможность избежать ссоры²⁸. Особые меры защиты необходимо было предпринимать и для защиты самой соли: держать ее в закрытой посуде, не ставить солонку на окно или на подоконник, а то «черти заколдуют». Эти приметы характеризуют отношение к соли как сакральному предмету и восходят, видимо, к наиболее древним религиозным представлениям.

Башкиры нехотя давали займы соль, а то «жизнь испортится», да и то только в светлое время суток; также у них бытует поверье, что нельзя отдавать соль, взятую займы. Обычно, когда она бывает срочно нужна, ее покупают у соседей за символическую плату. Даже если соль не покупалась, бралась без платы, ее не возвращают. Имущественный запрет на соль – один из наиболее распространенных и строго соблюдаемых. У многих народов Средней и Передней Азии не рекомендовалось занимать соль у соседей или же покупать ее в лавке после заката солнца; в случае необходимости при покупке не упоминали слово «соль», а просили дать «пищу»²⁹. Турки-османы занимают соль у соседей только днем, вечером брать соль остерегаются, думая, что тогда первый ребенок у взявшего соль не будет жить. Поляки не дают соли вечером, чтобы «скот не плакал»; таджики не давали соли вечером и в субботу, чтобы дом не оскудел, и т.д.³⁰. При этом соль не следовало жалеть дать кому-либо.

Данные суеверия тесно связаны с понятием «кот». Под ним подразумевалась жизненная сила, плодovitость, богатство, благополучие; эта субстанция является как бы «живым существом», которое при делении молоком, солью или другими продуктами питания или при продаже скота может уйти и которое нужно во что бы то ни стало задерживать. *Кот* – настолько эфемерен, что может легко перейти от одного хозяина к другому, его можно случайно лишиться вместе с отдаваемым или продаваемым предметом, скотом, причем считалось, что у одних он может сосредоточиваться в большем количестве, у других отсутствовать совсем. Особенно непрочным кот был у новорожденного ребенка или детенышей скота, у новобрачных, у нового дома, у свежего урожая и т.д. Поэтому все новое или вновь приобретенное требовало дополнительной защиты и оберегов.

В лексике башкирского языка нашло отражение особое отношение к соли. Хорошо иллюстрируется ценность, которой она наделялась в пословицах и поговорках: «*Мәкәлһез һүз – тоҙһоз аш*» (Речь без по-

словицы – суп без соли), «*Аштың йәме тоҙ менән, өйҙөң йәме кыз менән*» (Краса/привлекательность еды в соли, краса дома – в дочери). Для обозначения привлекательности и притягательности кого-то или чего-то говорят «будто посыпанный солью» (*тоҙ һипкән тиерһең*). В случаях, когда человек (либо животное, птица) не может оторваться от чего-либо, говорят, что он прилип, словно это посыпали солью («*тоҙ һипкән кеүек йәбешеп ята*»). Про речь, лишенную смысла, говорят «*тоҙо юк*» (букв. с башк. «нет соли»). Также в башкирском языке есть такое выражение как «*тоҙ күҙ*», которое дословно переводится как «соляные глаза», «глаза из соли», оно означает бессмысленные глаза, взгляд, лишенный смысла. Определенный тип человека выражается поговоркой: «*Йөҙө айҙай, теле майҙай, күҙе тоҙҙай, күңеле бозҙай*» (Лицо как луна, речи как масло, глаза как соль, душа как лед). Выражение же «*тоҙһоз*» (без соли) означает кроме несолености еще и бессмысленность; это может быть бессмысленная (иногда пошлая) речь, недалекий человек («*Тоҙһозҙо күҙһез ҙә белә*» / Недалекого человека и слепой видит). Соль воспринимается как эквивалент ценности чего-либо, про что-то дорогое в цене говорят «*хакы тоҙло*» (букв. «цена соленая»). Схожее представление имеется у иранцев – про человека, лишившегося достатка и счастья, говорят, что его рука «сделалась без соли»³¹.

Как правило, в обычаях различных народов мы видим сходную семантику соли, что свидетельствует о древности и универсальности поверий, связанных с этим минералом. Славяне хлебом-солью встречают самых дорогих гостей или свадебный поезд. Угощаемые должны отломить кусочек хлеба, посолить его и съесть. Этот обряд является символом приобщения к основным жизненным ценностям встречающих и означает вступление в дружеские или родственные отношения. Отказ от угощения хлебом-солью мог расцениваться как оскорбление: недаром говорится «от хлеба-соли и царь не отказывается». Хлеб и соль почитали как символ благополучия, достат-

ка. Не случайно русское гостеприимство называется «хлебосольством»⁵². По представлениям и славянских, и тюркских народов, отведавший с кем-либо соли не мог быть врагом этого человека⁵³. Подчеркивая надежность и преданность друга, отмечали, что съели с ним «пуд соли». Покинув негостеприимный дом, говорили, что «ушли не солоно хлебавши». В Грузии сваты не принимали хлеб-соль в семье невесты в том случае, если девушка им не понравилась, но после принятия угощения отказываться от невесты считалось позорным⁵⁴.

Вообще выражение «хлеб-соль» часто является обобщенным названием угощения. В башкирском языке идентичным являются выражения «аш-тоз» ('пища-соль'), «икмәк-тоз» ('хлеб-соль'); в пословицах говорится: «Ашын-тозон эсеп ултыр, акыллы һүзен ишетеп ултыр» (Ешь пищу-соль, а сам слушай умные речи), «Икмәк-тоззан баш тартма» (Не отказывайся от хлеба-соли). На Руси, приглашая на пиршество, говорили: «Заходите на хлеб-соль». В русском языке в наше время сидящих за столом принято приветствовать словами «Приятного аппетита!», а в старину говорили «Хлеб да соль!». Причем этой формуле придавали особое значение, полагая, что она отгоняет нечистую силу и всякое зло. Дома, славящиеся своим гостеприимством и щедростью, до сих пор называют «хлебосольными».

Соль являлась одним из распространенных в Европе и Азии средств, использовавшихся при заключении договоров и принесении присяги, о чем упоминается в античных и средневековых источниках, а также в более поздних источниках, а также в Библии. Казахи при присяге использовали формулу «клянусь солью», а иранцы говорили «да ударит тебя моя соль»⁵⁵.

В народе знали и использовали для лечения полезные свойства озер с высокой концентрацией соли; башкиры и казахи издавна посещали их с лечебными целями. Широкую известность в последние годы приобрел туристический комплекс близ современного г. Соль-Илецк Оренбургской области. В условиях пандемии, когда были закрыты

многие туристические направления, озера Соль-Илецка, этот российский аналог Мертвого моря, стали настоящей туристической Меккой благодаря своему климату и целебным свойствам. Менее популярны, но так же регулярно посещаются соленые озера со схожими свойствами – Якут в Куюргазинском районе и Мулдаккуль в Абзелиловском.

В целом представления о соли и ее использовании в бытовых, магических и религиозных обрядах башкир имеют немало сходства с широким кругом народов Евразии, что свидетельствует об их древности и универсальности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Дебу И. Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии. М., 1837. С. 160.
- ² Акманов И.Г. Челобитная башкир Уфимской провинции на имя императрицы России // Ватандаш. 2005. № 6. С. 82–83.
- ³ Азнабаев Б.А. Специфика вотчинных прав башкир-семиродцев // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 3. С. 1450–1451.
- ⁴ Акманов И.Г. Указ. соч. С. 83.
- ⁵ Рычков П.И. Топография Оренбургская. Оренбург, 1887. С. 204.
- ⁶ Башкорт халык ижады. Өсөнсө том. Эпос. Өфө, 1998. 283 б.
- ⁷ Мигранова Э.В. Традиционная система питания: Историко-этнографическое исследование. Уфа, 2021. С. 80.
- ⁸ Әхтәмов М.Х. Башкорт халык мәкәлдәре һәм әйтемдәре. Өфө, 2008. 480 б.
- ⁹ Гориунова О.В. Идея двух начал в культе плодородия у народов Средней Азии // Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. IV. М., 2001. С. 202.
- ¹⁰ Полевые материалы Миграновой Э.В.; записано в 1999 г. в д. Идрисово Альшеевского р-на РБ от М. Салимовой, 1930 г.р.
- ¹¹ Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф. Семейный быт башкир. М., 1991. С. 93.
- ¹² Полевые материалы Абсалямовой Ю.А.; записано в дер. Костино Самарской обл. от Зарипова Ильдуса Байтимировича 1954 г.р.
- ¹³ Полевые материалы Абсалямовой Ю.А.; записано в дер. Старохалилово Гайского р-на Оренбургской обл. от Ахметовой Х.А. 1935 г.р.
- ¹⁴ Полевые материалы Миграновой Э.В.; записано в Баймакском, Мелеузовском, Кугарчин-

- ском и других районах РБ.
- ¹⁵ Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. М., 2010. С. 144.
- ¹⁶ Башкорт халык ижады. Йола фольклоры. 1-се том. Өфө, 1995. 112 б.
- ¹⁷ Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. М., 2010. С. 274.
- ¹⁸ Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. М., 2010. С. 256.
- ¹⁹ Хисамитдинова Ф.Ф. Башкорттарзың им-том китабы. Өфө, 2006. 134 б.
- ²⁰ Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. М., 2010. С. 99.
- ²¹ Башкорт халык ижады. Йола фольклоры. 1-се том. Өфө, 1995. 53 б.
- ²² Коновалов А.В., Шаханова Н.Ж. Ребенок в системе традиционной обрядности казахов (родильный и ранний воспитательный циклы) // Детство в традиционной культуре народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. СПб., 1998. С. 23–24.
- ²³ Дмитриев С.В. Соль в традиционной обрядности народов Средней и Передней Азии и Казахстана // Питание в культуре этноса. СПб., 2007. С. 150.
- ²⁴ Чеснов Я.В. Мужское и женское начала в рождении ребенка по представлениям абхазо-адыгских народов // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. Л., 1991. С. 138.
- ²⁵ Зеленин Д.К. Имущественные запреты как пережитки первобытного коммунизма. Труды института антропологии и этнографии. Т. I, вып. 1. Л.: Издательство академии наук СССР, 1934. С. 76.
- ²⁶ Садек Хедаят. Нейрангистан // Переднеазиатский этнографический сборник. М., 1958. С. 300.
- ²⁷ Хадыева Р.Н. Башкирская этнокультура и язык: Опыт воссоздания языковой картины мира. М., 2005. С. 193, 195.
- ²⁸ Полевые материалы Миграновой Э.В.; записано в Давлекановском районе.
- ²⁹ Дмитриев С.В. Указ. соч. С. 151.
- ³⁰ Зеленин Д.К. Указ. соч. С. 59–61.
- ³¹ Дмитриев С.В. Указ. соч. С. 151.
- ³² Фролова А.В. Праздничная пища русских Архангельского Севера (начало XX века) // Праздничная и обрядовая пища народов мира. М.: Наука, 2017. С. 163.
- ³³ Диваев А. Сказки киргизов Сыр-Дарьинской области // Этнографическое обозрение. 1903. Кн. LVI. № 1. С. 99.
- ³⁴ Соловьева Л.Т. Праздничная и обрядовая пища грузин // Праздничная и обрядовая пища народов мира. М.: Наука, 2017. С. 340.
- ³⁵ Дмитриев С.В. Указ. соч. С. 152.

SALT IN TRADITIONS AND RITES OF BASHKIR

© 2021 E. V. Migranov, Yu. A. Absalyamova

Institute of History, Language and Literature

Ufa Federal Research Center RAS

The article is based on materials from the authors' field expeditions and folklore sources, and reveals the significance of the most important mineral – salt – in the traditional culture of the Bashkirs. The Bashkirs have long used salt from the Ilets deposit, which was located on the patrimonial lands of the Bashkirs; until the middle of the 18th century they used it for free, for which they paid yasak to the treasury. The authors consider the everyday, pharmacological, religious aspects of the use of salt among the Bashkirs. A special perception of salt was well reflected in the Bashkir vocabulary, in which there are many stable expressions with the word «тоз» (bash. 'salt'), for example: «тозһоҙ» ('meaningless', literally «unsalted»), «тоз күҙ» ('meaningless look, eyes', literally «salt eyes»), «тоз һипкән кәүек» ('attractive', literally «like sprinkled with salt»), «һакы тоҙло» («very expensive in price», literally «salty price»).

Keywords: salt, Bashkirs, traditions, rites, rituals, folk medicine, omens, beliefs.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-4-142-148

*Elza Migranov, Candidate of History, Senior Researcher,
Department of Ethnology. E-mail: mig.el@mail.ru*

*Yulia Absalyamova, Candidate of Historical Sciences,
Researcher, Department of Ethnology.*

E-mail: yulchi81@mail.ru

Сдано в набор 14.12.2021 г.

Офсетная печать

Подписано к печати 29.12.2021 г.

Усл. печ. л. 17,205

Тираж 200 экз.

Формат бумаги 60x80¹/₈

Зак. 27

Индекс: 80659
Распространяется бесплатно